

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ**

На правах рукописи

Олимов Рустам Шоимкулович

**ФУНКЦИОНАЛЬНО–СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТАДЖИКСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

Диссертация

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель -
кандидат филологических наук,
доцент, доктор педагогических
наук, профессор
Сайфуллаев Х.Г.**

Душанбе – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	
1.1. Понятие определенности/неопределенности как языковая категория..	14
1.2. Категория определенности/неопределенности в разноструктурных языках	20
Выводы по I главе	37
ГЛАВА II. ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	
2.1. Значение неопределенности, выраженное артиклем в таджикском и французском языках.....	38
2.2. Значение определенности, выраженное артиклем в таджикском и французском языках.....	58
2.3. Послелог «-ро» как выразитель определенности в таджикском языке и его эквивалент во французском языке	82
Выводы по II главе	89
ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	
3.1. Местоимения, как средства выражения категории определенности/ неопределенности в таджикском и французском языках	91
3.1.1. Личные местоимения.....	91
3.1.2. Неопределенные местоимения	94
3.1.3. Притяжательные местоимения	117
3.1.4. Указательные местоимения	123
Выводы по III главе.....	136
Заключение.....	138
Список использованной литературы.....	142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования определяется тем, что за последние годы приоритетным направлением в языкознании является развитие сопоставительного изучения языков. Этот процесс сегодня охватывает почти все структурные уровни языков, став особым объектом изучения их в сопоставительно–типологическом аспекте.

Основные причины повышенного интереса к сопоставительному изучению заключается в следующем:

- 1.Интенсификация взаимодействия и взаимообогащения языков в современном мире;
- 2.Активизация обучения и изучения родного и иностранного языков;
- 3.Изучение предусмотренной учебным планом дисциплины: «Сопоставительная грамматика родного и изучаемого языков»;
- 4.Оптимизация процесса обучения иностранным языкам;
- 5.В совершенствовании методических аспектов преподавания и изучения иностранного языка.

В истории лингвистической науки функционально-семантическое поле (ФСП) определенности/неопределенности занимает значимое место как универсальная категория. Данная категория является понятийной и выражается во всех языках разными способами, придаёт существительному оттенок определенности/неопределенности с помощью различных языковых (артикли, местоимения, порядок слов, числительные и др.) и неязыковых (мимика, жесты) средств.

В условиях современного изучения языковых категорий исследование ФСП определенности/неопределенности в таджикском языке в сопоставлении с французским языком является весьма актуальным. Данное исследование затрагивает комплексное изучение контекстуальной реализации не только артикля, но и всех средств выражения определенности/неопределенности в современном таджикском и французском языках.

Среди различных исследований на проблему категории определенности/неопределенности в наиболее общем виде можно выделить труды зарубежных и отечественных ученых. В этом разрезе представляют интерес исследования А.В.Бондарко, В.Г.Гак, Г.Гийом, Л.И.Илия, Б.Ниязмухамедова, Ш.Рустамова, А.А.Семенова, О.С.Сухаревой, С.Я.Балхова, К.Усманова и др.

Актуальность исследования определяется, в первую очередь, усилением исследовательского интереса к проблемам сходства и различия при выражении ФСП определенности/неопределенности в разноструктурных языках, а также необходимостью определения неосознанных статусов и категорий (в нашем случае таджикского) языка и их истолкования.

Степень научной разработанности проблемы. По вопросу категории определенности/неопределенности во французском языке существует несколько точек зрения. Исследования последнего десятилетия XX – нач. XXI вв., посвященные данной теме предпринимают попытки определить место данных явлений в системе языка (Баженова Н.М., 2003), актуализации имен существительных в современном французском языке (Васильева Е.А., 1993), референционных особенностей артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке (Добеева М.Ю., 2003), дискурсивных аспектов нулевого артикля в текстах прессы современного французского языка (Плохотнюк О.С., 2006). Ученые глубоко и всестороннее рассматривают различные аспекты данной темы, где дается научное обоснование проблемам артикля в грамматических описаниях французского языка XVI века (Левкина Т.А., 1994), текстовой роли артикля в современном французском языке (Латышева Ю.А., 2006), функционально-семантического поля предметной определенности и неопределенности и контекста в современном французском языке (Маштакова М.В., 2005), определенности-неопределённости в русском и французском языках: значению, функции и способам выражения и др.

В таджикском языкознании первые сведения о категории определенности (указательности) и неопределенности (единичности), о морфеме «-е» таджикского языка дают А.А.Семенов, О.С.Сухарева, Б.Н.Ниязмухамедов, Л.Бузург-Заде и др. В изучение этих явлений значительный вклад внесли видные таджиковеды В.С.Расторгуева, Н.Масуми, Ш.Ниёзи, Д.Таджиев, Ш.Рустамов и М.Махадов. Ценные исследования данной проблемы находим в работах М.Ф.Исматуллаев, Р.Гаффаров, Б.Сияев, Р.Джураев и др. Особое значение в свете новых задач приобретает точка зрения Х.Каримова о таджикском артикле, приводимая в его статье.

В диссертационной работе Л.Л.Муравьевой делается попытка вскрыть сущность, функцию и употребление артикля таджикского и персидского языков. Особо следует отметить докторскую диссертацию Ш.Рустамова, в которой изучается артикль «-е» в связи с исследованием имени существительного таджикского языка; изучаются особенности этого артикля как показателя категории определенности/неопределенности. Важное место занимают диссертационные исследования К.Усманова и С.Я.Мухтаровой, раскрывшие категорию определенности/неопределенности имени существительного в ракурсе сопоставления таджикского и английского языков.

Однако, проблема изучения категории определенности/неопределенности французского и наличие отдельных изысканий в таджикском языкознании не находят полного освещения. «Диапазон определенности/неопределенности в любом языке представляет широкий спектр: определенность/неопределенность может быть локальной, темпоральной, обстоятельственной, процессной, предметной. Всеобъемлющий анализ указанных разновидностей определенности/неопределенности не находят еще должного отражения в лингвистических исследованиях» (Латышева Ю.А.).

Актуальность исследования заключается также и в том, что в настоящее время нет исследований, касающихся изучения проблемы ФСП определенности/неопределенности в сопоставительном изучении таджикского и французского языков.

Объектом исследования выступает ФСП определенности/неопределенности в таджикском и французском языках.

Предметом исследования является грамматическая, семантическая, структурная и типологическая характеристика частей речи (артикли, местоимения и т.д.) при выражении ФСП определенности/неопределенности в таджикском и французском языках.

Целью данной работы является функционально-семантическая характеристика и систематизация всех средств передачи определенности/неопределенности существительных и местоимений, выявление роли контекста и внеязыковой ситуации в выборе имеющихся средств выражения определенности/неопределенности в таджикском и французском языках.

Реализация этой цели связывается с решением ряда частных **задач**:

1. Установить структуру ФСП определенности/неопределенности в таджикском и французском языках.

2. Выявить взаимодействие средств ФСП определенности/неопределенности, распространяющегося на существительные, местоимения и контекст (на уровне словосочетания, и предложения).

3. Определить влияние лексической семантики существительных и грамматического значения местоимений в выражении определенности/неопределенности.

4. Уточнить функции артиклей, провести анализ структурного плана в сопоставляемых языках.

5. Выявить факторы, обусловленные расхождением и особенностей грамматического характера в выражении определенности/неопределенности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Впервые исследовано ФСП определенности/неопределенности в сопоставляемых языках.

2. Выявлено взаимодействие средств ФСП определенности/неопределенности.

3. Уточнены функции артиклей в выражении определенности/неопределенности.

4. Вскрыто своеобразие категории определенности/неопределенности в каждом из сопоставляемых языков.

5. Определены факторы, обуславливающие существенные расхождения в выражении определенности/неопределенности в таджикском и французском языках.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе и изучении вопроса ФСП определенности/неопределенности, ее своеобразия и функционирования в таджикском и французском языках. Сравнительное изучение ФСП определенности/неопределенности в таджикском и французском языках вызывает большой интерес в раскрытии и систематизации особых явлений и закономерностей в сопоставляемых языках. В этой связи результаты, полученные в ходе настоящего исследования существенно дополняют учение о ФСП определенности/неопределенности и вносят новую информацию о способах выражения категории определенности/неопределенности в таджикском и французском языках. Результаты исследования могут внести определенный вклад в языкознание при решении теоретических проблем категории определенности/неопределенности сопоставляемых языков.

Практическая ценность исследования заключается в том, что материалы, теоретические положения и результаты исследования могут быть использованы в научных работах в области сравнительно-типологического языкознания, а также при чтении спецкурсов и спецсеминаров по

сопоставительной типологии, теоретической грамматике (раздел «Существительное», «Местоимение»), на занятиях по практической грамматике при изучении употребления артикля, местоимений, местоименных прилагательных, при обучении аналитическому чтению в плане средств связности текста в сопоставляемых языках.

Методологической и теоретической основой диссертационной работы послужили фундаментальные исследования в области теории частей речи, в том числе категории определенности/неопределенности, теории полей, проблемы словообразования, функциональной семантики, представленные научными трудами российских, таджикских и зарубежных ученых, таких как В.В.Виноградов, В.Г.Адмони, О.И.Москальская, М.Д.Степанова, К.Г.Крушельницкая, В.Г.Гак, В.С.Расторгуева, А.З.Розенфельд, А.Хромов, Л.В.Успенская, Б.Ниёзмухаммедов, Н.Маъсуми, Р.Л.Неменова, Ш.Н.Ниёзи, М.Исматуллаев, Д.Таджиев, Ш.Рустамов, Р.Гаффаров, Г.Джураев, И.Б.Мошеев, П.Джамshedов, Ф.Зикриёев, Д.Саймиддинов, Х.Г.Шамбезода, М.Махмудов, С.Я.Мухтарова, К.Усманов, Н.М.Васильева, Л.П.Пицкова. и др. также труды зарубежных ученых Г.Гийом, Ш.Балли, Э.Бенвенист, Ж.Дамурет, Э.Пишон, Ф.Брюно, М.Гревис, Ж.Дюбуа, Ж.Галише, Ж.Гугенейм, А.Мартине, Р.Вагнер, В.Шмидт.

Методы исследования. В процессе исследования ФСП определенности/неопределенности нами использован целый ряд методов и приемов анализа современного языкознания. Самым удачным является сравнительно – типологический метод, который помог определить сходные и отличительные особенности структуры исследуемых языков. С помощью метода наблюдения была осуществлена интерпретация языкового материала. Для определения сходства и различия при выражении ФСП определенности/неопределенности на таджикском и французском языках были использованы методы трансформации, субституции, элиминации.

Эмпирическая база исследования. Настоящее исследование основывается на специально собранной двуязычной картотеке параллельных

примеров (более 2500 примеров) из произведений таджикских и франкоязычных авторов, а также из материалов прессы. Прямые переводы как с таджикского языка на французский, так и наоборот почти отсутствуют. Большинство примеров собраны из работ, переведенных на русский язык. Ряд таких примеров мы откорректировали в силу неадекватности переводов. Часть фактического материала переведена нами и специалистами, знающими оба языка; эти переводы проверены информантами. Они даются в диссертации без указания на источник. Кроме того, как нейтральные, приводятся примеры из параллельных таджикских и французских переводов произведений советских писателей.

На защиту выносятся следующие положения:

- В таджикском и французском языках существуют ФСП определенности/неопределенности;
- В таджикском и французском языках ФСП определенности/неопределенности представляет собой бицентрическую структуру, ядром которой являются две сопряженные грамматические категории существительного: категория числа (количественная определенность/неопределенность) и категория детерминации (качественная определенность/неопределенность). К ядру тесно примыкают местоимения и местоименные прилагательные (во французском языке), порядковые и количественные числительные, способные передавать количественную и качественную определенность/неопределенность;
- Количественная определенность/неопределенность в таджикском и французском языках проявляется на уровне словосочетания и предложения. Качественная определенность/неопределенность в этих языках может быть обеспечена рамками предложения, контекстом, выходящим за пределы одного предложения, внеязыковой реальностью, лексической семантикой существительного (абстрактные существительные), грамматической природой местоимений и местоименных прилагательных (во французском языке);

▪ Контекст, экстралингвистическая ситуация обуславливают качественную определенность/неопределенность. Это подтверждается следующими факторами:

– при первом упоминании в таджикском и французском языках лица или предметы воспринимаются как качественно неопределенные. Этот процесс находит эксплицитное выражение в обязательном употреблении неопределенного артикля (un, une, des) во французском и эксплицитно-имплицитно в таджикском языке (-е₁, як). Данные объекты воспринимаются как определенные и оформляются определённым артиклем или соответствующим местоименным детерминативом;

– существительные, обозначающие уникальные предметы, известные культурные ценности, планетарные тела, религиозные и философские понятия, единицы измерений, географические названия и т.п., детерминированные внеязыковой реальностью, воспринимаются как определенные и сопровождаются определенным артиклем, указательным детерминативом (во французском языке);

– антецедент придаточного относительного предложения, выраженный существительным или местоимением детерминирован предшествующим контекстом или внеязыковой действительностью; рамками главного предложения; относительным придаточным предложением (при отсутствии других определений при антецеденте).

– определенность/неопределенность обеспечивается контекстом, внеязыковой ситуацией одновременно и в таджикском и французском языках; в отличие от таджикского языка, где специальные средства подчеркивания, уточнения значения определенности/неопределенности употребляются спорадически, в зависимости от целевой установки высказывания, во французском языке контекстуально обусловленная семантика определенности/неопределенности обязательно подтверждается регулярно используемыми средствами;

- Количественная и качественная определенность/неопределенность в таджикском и французском языках могут быть выражены одновременно, так и отсутствовать одной из характеристик (качественная, реже количественная определенность).

- Количественная определенность всегда присутствует при использовании определенного артикля единственного и множественного числа неопределенного артикля единственного числа, количественных и порядковых числительных. Качественная и количественная определенность одновременно имеет место при употреблении определенного артикля единственного и множественного числа, количественных (более одного) и порядковых числительных в сопровождении артикля или местоименных указательных и притяжательных прилагательных (во французском языке). При наличии перед существительным неопределенного артикля единственного числа выражена количественная определенность и качественная неопределенность;

- Во французском языке при оформлении существительного неопределенным артиклем множественного числа (*des*), партитивным артиклем (*du, de la, de l'*) выражена одновременно качественная и количественная неопределенность (исключение составляет употребление неопределенного артикля в характеризующей функции);

- В таджикском и французском языках выражение определенности/неопределенности местоимениями и местоименными прилагательными (во французском языке) имеет свою специфику, обусловленную их грамматической природой. Личные местоимения (*ман-je, ту-tu, ӯ-il, вай-elle, мо-nous, шумо-vous, онҳо-ils, онҳо-elles*), притяжательные и указательные местоимения и местоименные прилагательные (во французском языке), как правило, характеризуются качественной и количественной определенностью.

- Неопределенные местоимения (*хеч-aucun, касе-personne*), и также неопределенные местоименные прилагательные (*aucun, nul*) во французском

языке выражают определенность отрицания благодаря своей семантике, независимо от контекста. Неопределенные местоимения (ягон кас-quelques-uns, фалонӣ-tels, чанде-certains), неопределенные местоименные прилагательные множественного числа (баъзеҳо-certains, якчанд-quelques) как правило, несут семантику качественной и количественной неопределенности;

- Передача определенности при характеризующей функции неопределенного артикля, при контекстной обусловленности представляет особый случай: объект контекстуально определен, но наделен некой новой для него чертой.

- При выражении количественной определенности качественной неопределенности единично-неопределенный артикль таджикского языка – e_1 и его аналог як употребляется реже, нежели неопределенный артикль французского языка (un, une);

- В таджикском языке определенность/неопределенность может выражаться с нулевым показателем, что не характерно для французского языка;

- Определенный артикль – e_2 таджикского языка в силу своей факультативности, при выражении качественной и количественной определенности, в отличие от определенного артикля французского языка, имеет более ограниченную сферу использования.

- Функционирование – e_2 ограничено сферой антецедента определительного придаточного предложения, что не характерно определенным артиклям французского языка.

- Совпадение ФСП определенности-неопределенности в таджикском и французском языках имеет свои определенные различия в способы выражения в данной категории.

- Существует наличие типологического сходства и различие систем артикля в таджикском и во французском языках.

Личный вклад соискателя состоит в:

- участия на всех этапах процесса;
- непосредственном участии в получении исходных данных;
- личном участии в апробации результатов исследования;
- обработке и интерпретации экспериментальных данных, выполненных лично автором или при участии автора;
- подготовке основных публикаций по выполненной работе.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры французского языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (протокол №8 от 12.06.2019 года).

Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов, опубликованных в материалах республиканских и международных конференций Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (2014-2018). Общее количество публикаций составляет 10, в том числе - 4, опубликованные в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Объем основного текста диссертации 158 страниц. Библиографический список литературы состоит из 203 наименований, из которых 26 на иностранных языках.

ГЛАВА I.**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И
ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ****1.1. Понятие определенности/неопределенности как
языковая категория**

Лингвистика исследует категорию определённости/неопределённости в связи с описанием семантики артикля в грамматиках артиклевых языков. Исследователи считают, что артикль – лишь небольшая часть языковых средств выражения определённости/неопределённости. Следовательно, существует много разноуровневых лингвистических средств, связанных с репрезентацией этой категории, куда входят понятийная, контекстологическая, семантическая, референциальная, которые стали описываться в трудах, посвящённых дейксису, детерминации, конкретизации, актуализации и т.п. [Мещанинова, 1945; Падучева, 1985; Николаева, 1979; Арутюнова, 1976; Гак, 1977; и др.]. Категория определённости/неопределённости универсальна и свойственна, независимо, как артиклевому, так и безартиклевому языкам.

Ученые А.А.Бухоризода [1954], В.А.Лившиц [1956], Е.К.Молчанова [1966], М.Нахангова [1971], Б.Сиёев [1972], Х.Г.Сайфуллаев [1981] и многие другие посвятили свои работы исследованию роли местоимения в выражении значения категории определенности/неопределенности. В трудах Д.Т.Таджиева [1971], Л.С.Пейсикова [1959], Ю.А.Рубинчика [1959], Ш.Рустамова [1981], К.Усманова [1979] рассматривается влияние порядка слов, интонация и теория референции на данную категорию.

В последнее десятилетие усилился интерес к категории определенности/неопределенности в функционально-семантическом поле.

Распространённым является мнение, что «концепция полевого принципа системной организации языковых явлений справедливо считается одним из самых значительных достижений лингвистики 20 века» [69, с.398].

В 1922 году Фердинанд Брюно в труде «*La pensée et la langue*» («Мысль и язык») на материале французского языка предложил функционально-семантический подход. И.И.Мещанинов [Мещанинов, 1945] исследовал развитие функционально - семантического в направления русистике. В начале 70-х годов 20 века профессор А.В.Бондарко [Бондарко, 1971] ввел в научный обиход теорию функционально-семантического поля. В отличие от уже существовавшего «грамматико-лексического поля» Е.В.Гулыги и Е.И.Шендельс [Гулыга и Шендельс, 1969], ФСП Бондарко предполагают обязательное наличие центральной морфологической категории, вокруг которой объединяются и с которой взаимодействуют периферийные разноуровневые языковые средства. Центральные и периферийные средства должны обязательно обладать семантико-функциональной общностью. А.В.Бондарко не раз подчёркивал, что понятие ФСП (макрополя) относится к системе языка, где выделяются группировки разнородных языковых средств, объединённых функциональной общностью. Возможно, это связано с тем, что элементами макрополей являются микрополя, выделяемые в речи. «Микрополе, как и макрополе, имеет двусторонний характер: у него есть план содержания, представленный определённой языковой семантической функцией (комплексом таких функций), и план выражения, к которому относятся различные комбинации морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических средств» [16, с.208].

Не всегда следует брать морфологическую категорию для выделения самостоятельного поля в качестве исходного, центрального пункта. На роль центра (ядра) может претендовать одно или несколько любых языковых средств. С начала 80-х годов в функциональной лингвистике утвердилось положение о двух основных структурных типах ФСП: моноцентрическом и полицентрическом: моноцентрические (сильно централизованные) поля

опираются на одну центральную грамматическую категорию; полицентрические (слабо центрированные) на некоторую совокупность лексических, лексико-грамматических, морфологических и синтаксических языковых средств, «не образующих единой гомогенной системы форм» [18, с.62].

В пределах полицентрического типа выделяются два подтипа: ФСП компактной и рассеянной (диффузной) структуры. При этом выясняется, что ФСП компактной полицентрической структуры имеет несколько явно выраженных центров. Так, поле субъектности-объектности базируется на грамматической категории падежа, на оппозиции лексико-грамматических разрядов одушевлённости-неодушевлённости, а также на некоторых элементах категорий залоговости и персональности, связанных с характеристикой субъектно-объектных отношений. ФСП рассеянной структуры имеют множество слабо связанных друг с другом изолированных разнородных компонентов и размытую границу между центральной и периферийной зонами поля.

А.В.Бондарко и другие лингвисты уже пытались описывать полевою структуру категории определённости/неопределённости. Так, профессор И.И.Ревзин во многих своих работах рассматривает разноуровневые средства выражения значений определённости/неопределённости [Ревзин, 1973; 1977; 1978]. Ученый считает, что полевою структуру категории определённости/неопределённости образуют местоимения «тот» и «этот», некоторые другие виды местоимений, отдельные служебные элементы (частицы так и вот), порядок слов и согласование. И.И.Ревзин указал на многие научные положения и наблюдения относительно функционально-семантической категории определённости/неопределённости, но её полевая структура с микрополями и с иерархией языковых средств так и не была представлена.

Описание логически стройной полевой структуры рассеянного полицентрического поля определённости/неопределённости является задачей

не из лёгких, поэтому некоторые исследователи предпочитают обходиться без этого понятия. Для них важно описать разноуровневые средства выражения категории определенности/неопределенности в таджикском языке. Всесторонний анализ этот аспект получил в диссертационном исследовании К.Усманова «Категория определенности-неопределенности имени существительного в современном таджикском и английском языках» [Усманов, 1971], где не используются термины ФСП, категория определенности/неопределенности. Термин «детерминация», как мы думаем, более приемлем для научного изучения определённости-неопределённости. С.А.Крылов отметил, что термин «детерминация» имеет свою положительную сторону: «он позволяет более гибко и непредвзято охватить обширную сферу взаимодействия ядерного противопоставления «известности-неизвестности» со смежными понятийными категориями, налагающимися на это противопоставление в ходе построения текста [Крылов, 1984: 125]. Учёный прав в выборе термина: ФСП определённости/неопределённости могло бы называться ФСП детерминации, так как детерминация – более обобщённый термин по сравнению с терминами определённый-неопределённый. В таком случае название макрополя не совпадало бы с названием микрополей. С.А. Крылов рассмотрел категории детерминации в различных аспектах: прагматическом, внешне-ситуационном, макросинтаксическом, логико-семантическом, семантико-синтаксическом, коммуникативно-синтаксическом, морфосинтаксическом, грамматическом и лексическом, где интегральный подход к описанию определённости/неопределённости является весьма эффективным не только для глубокого познания данной категории, но и для установления разнообразных и разноуровневых связей детерминации с другими участниками языковой системы, что, в свою очередь, свидетельствует о проявлении более общей закономерности – взаимосвязи всех подсистем языка. Но при всем этом, полевая структура категории

детерминации с ее центром и периферией до сих пор не была представлена развернуто.

Как уже было отмечено, категория определенности/неопределенности универсальна. «Она имеет способы выражения в любом языке, служит для придания существительному оттенка определенности/неопределенности с помощью различных языковых (артикл, местоимения, порядок слов, числительные и др.) средств» [14, с.3]. По этому вопросу, как отмечает Маштакова М., «категория определенности/неопределенности независимо от способов её выражения, должна существовать во всех языках. В самом деле, ее отсутствие было бы равносильно неспособности людей устанавливать связь между каждым из воспринимаемых высказываний, имеющимся в их сознании отражением действительности, т.е. неспособности понимать смысл этих высказываний» [54, с.14].

Во многих работах, касающихся артиклей романских и других языков мира, дается определение сущности категорий определенности/неопределенности. Л.И.Илия отмечает: «Значение определенности или неопределенности составляет условие взаимопонимания между говорящими и является необходимой в человеческой речи независимо от того, имеется ли в языке артикл или другие средства для выражения определенности или неопределенности» [43, с.19-20]. По мнению германиста О.И. Москальского «определенность и неопределенность – не есть свойство самого предмета в его объективном существовании, они возникают как грамматические значения лишь в плане сообщения, в плане достижения взаимопонимания между говорящим и слушающим о каком именно предмете идет речь» [58, с.125].

Следует отметить, что артикл является одним из основных средств выражения категории определенности/неопределенности. Как считает Т.М.Чирко, «определенный артикл – сигнал для адресата, что имеется в виду один или несколько конкретных объектов, которые адресат, по мнению автора, способен и должен идентифицировать; неопределенный артикл –

сигнал для адресата, что имеется в виду один или несколько произвольных или конкретных объектов, которые адресат, по мнению автора, неспособен идентифицировать» [109, с.99]. Однако, «если мы будем рассматривать только артикли, мы сможем исследовать только часть этой проблемы» [48, с.9]. Даже в языках, имеющих артикль, как считает В.Г.Адмони, «решающим для выявления того или иного семантического оттенка существительного оказывается не артикль, а контекст, общий смысл речи и всей ситуации, в которой протекает речь. Сам артикль получает свою семантическую определенность из этого контекста, из общего смысла предложения» [114, с.270].

Поэтому в сфере категории определенности/неопределенности включаются не только формальные показатели – артикли, но и языковые единицы, характеризуемые И.И.Ревзиным как «коммуникативные», – местоимения, прилагательные, описательные конструкции, особого типа придаточные предложения, просодические средства [65, с.4].

Независимо от наличия или отсутствия в языке формальных показателей определенности/неопределенности, говоря о чем-либо, носители любого языка довольно часто имеют в виду конкретные, определенные предметы и явления либо неопределенные. По замечанию Б.А.Серебренникова, «... одно и то же мыслительное содержание в разных языках мира может быть выражено различными языковыми способами» [95, с.43]. Для того, чтобы стало возможным построение общей теории, категория определенности/неопределенности должна быть исследована на материале практически любого языка.

1.2. Категория определенности/неопределенности в разноструктурных языках

В вопросе категории определенности (указательности) и неопределенности (единичности) и о морфеме *-e* в таджикском языкознании важное значение имеют труды таких ученых, как А.А.Семенов, О.С.Сухарева, Б.Н.Ниязмухамедов, Л.Бузург-заде и др. Следует отметить, что в изучение этих явлений значительный вклад внесли и видные таджиковеды В.С.Расторгуева, Н.Масуми, Ш.Ниёзи и Д.Таджиев.

Нам важны также теоретические воззрения таджикских лингвистов М.Ф.Исматуллаева, Р.Гаффарова, Б.Сияева, Р.Джураева, Х.Каримова и др.

Данной проблеме посвящено диссертационное исследование Л.Л.Муравьевой, в которой делается попытка вскрыть сущность, функцию и употребление артикля таджикского и персидского языков. Особо следует отметить докторскую диссертацию Ш.Рустамова, в которой, в связи с исследованием имени существительного таджикского языка, более глубоко изучается артикль *-e*. В ней раскрываются специфические особенности этого артикля как показателя категории определенности/неопределенности. Знаменательным является и диссертационное исследование К.Усманова «Категории определенности/неопределенности имени существительного в современном таджикском и английском языках».

Кроме того, об артикле таджикского языка кратко излагается почти во всех школьных и вузовских грамматиках разных лет, а также в многочисленных работах по говорам таджикского языка [34; 75].

Ознакомление с указанными работами показало, что взгляды ученых на функцию и грамматическое значение артикля *-e* не сходятся. Основываясь на его функции, исследователи дают артиклю множество названий: *-ë -и накира* (*-e* неопределенности), *-ë -и танкир* (*-e* неизвестности), *-ë -и ваҳдат* (*-e* единичности), *-ë -и маърифат* (*-e* определенности), *-ë -и мавсул* (*-e* относительности), *-ë -и таҳқирӣ* (*-e* уменьшительный), *-ë -и таъзимӣ* (*-e* почтительности), *-ë -и ишорӣ* (*-e* указательный), *-ë -и номаълумӣ* (*-e*

неопределенности, неизвестности), *–ĕ –и маълум* (–е известности), *–ĕ –и муболиға* (–е гиперболический) и др. [48, с. 21].

М.А.Салахетдинова [91] находит два разных артикля, совпадающих по форме (-и) и указывающих на определенность или неопределенность имени существительного. В ее работе утверждается факт наличия и препозитивного неопределенного артикля *як* (один). Автор сводит функцию неопределенных артиклей (–и, *як*) к тому, что они указывают либо количественную, либо качественную неопределенность денотата. По ее мнению, определенный артикль употребляется в антецеденте, определяемом придаточным предложением, для выделения предмета (предметов) из класса однородных по названному в придаточном предложении признаку или же служит показателем логического подчеркивания имени - антецедента.

Иранисты Ю.А.Рубинчик [82; 83; 84] и Г.Хинча [126] подчеркивают только одну функцию артикля – выделительную. В частности, Ю.А.Рубинчик в своей монографии пишет, что «употребление артикля связано с выделением предметов и явлений из ряда им подобных» [82, с. 185].

Таджикские языковеды Ш.Рустамов [85; 86; 87; 88], и К.Усманов [102] многочисленными языковыми фактами устанавливают некоторые критерии для разграничения двух артиклей ($-e_1$ и $-e_2$). Они подтверждают, что оба артикля имеют выделительное значение, однако грамматически они различны, т.е. первый показывает неопределенность и единичность, а второй – определенность и указательность. Кроме функции указания на определенность/неопределенность, Ш.Рустамов в статье находит еще одну функцию, т.е. в конструкциях типа «*ӯ бинии калоне дошт*» данный артикль не выражает неопределенность, а показывает оценку степени качества и выступает как наречия *хеле, ниҳоят, басе* (очень).

Исследования, посвященные изучению категории определенности/неопределенности во французском языке, появившиеся в течение последнего десятилетия XX – нач. XXI вв., посвящены определению места данных явлений в системе языка это работы Н.М. Баженова [6], Е.А.

Васильева [21], М.Ю. Добеева [39], О.С. Плохотнюк [73], Т.А. Левкина [52], Ю.А. Латышева [51], М.В. Маштакова [54] и др.

«Проблема артикля по праву занимает одно из центральных мест в современной теории языка. Неослабевающий интерес лингвистов к ней обусловлен богатством и разнообразием форм артикля, множеством семантико-стилистических функций, выполняемых артиклем, прежде всего, выражением значений определенности и неопределенности. Проблемы артикля рассматривались с позиций таких научных подходов, как логический, психологический, функциональный, контекстуальный, с точки зрения теории психосистематики и некоторых других направлений» [73, с.3]. Наиболее значимые достижения в данной области связаны с именами таких ученых, как Л.И.Илия, А.Г.Басманова, В.Г.Гак, О.И.Москальская, Н.И.Янковская, Г.Гийом, Ш.Балли, Э.Бенвенист, Ж.Дамурет, Э.Пишон, Ф.Брюно, М.Гревис, Ж.Дюбуа, Ж.Галише, Ж.Гугенейм, А.Мартине, Р.Вагнер, В.Шмидт и др.

По сравнению с другими индоевропейскими языками, артикль также встречается во французском и таджикском языках, количество и форма которых колеблется.

Также формы и расположения артиклей в данных языках, зависящие от существительных, являются различными: если во французском языке он выражается препозитивно (*un livre, le livre, les livres*), то в таджикском языке в основном постпозитивным *китоб(е)*. Можно отметить также, что наряду с единично-неопределённым артиклем *-e₁*, встречается слово *як*, которое выражается препозитивно. Данный класс слов осуществляет разнообразные функции в предложениях. С одной стороны, во французском языке артикль является основным средством выражения категорий рода, числа и определенности/неопределенности имени, что сближает его с другими детерминативами – указательными и притяжательными прилагательными. В отличие от французского языка в таджикском языке родовое различие имен

(существительных, прилагательных, местоимений и т. п.) в общем отсутствует.

В таджиковедении, а также в источниках по персидскому языку, как отмечает К.Усманов, по данному вопросу встречаются в основном три направления:

1. Согласно первому направлению, эти языки имеют два различных артикля:

а) неопределенно – единичный (ё-и вахдат или ё-и танкир);

б) определенный - указательный (ё-и таъриф или ё-и ишорат). Но они совпадают по форме. Поэтому Ш. Рустамов обозначает их как $-e_1$ (показатель неопределенности и единичности) и $-e_2$ (показатель определенности и указательности). Наличие таких артиклей отмечается и в работах Н.Березина [10], крупных иранистов – Д.Дармстетера [118], К.Г.Залемана [42], В.А.Жуковского [42], Дж.Мирза [36], Д.А.Филлота [136], Е.Э.Бертельса [11], О.С.Сухаревой [98], в кандидатской диссертации М.А.Салахетдиновой [91] и др.

Известный французский иранист Ж.Лазар [131], рассматривая в своей статье этот вопрос, так же показал, что «функциональное разграничение двух артиклей (“единично-неопределенного” и “определенно-относительного”) оправдано» [131, с.19].

В грамматике современного литературного таджикского языка отмечается, что в таджикском языке существует два разных артикля: $-e_1$ и $-e_2$ совпадающих по форме, но грамматически различных. Как правило, артикль $-e_1$ показывает неопределенность и единичность, а артикль $-e_2$ определенность и указательность, и его эквивалентом являются указательные местоимения *ин, ҳамин* (этот), *он, ҳамон* (тот) [28, с.95-96].

Вышеуказанные лингвисты отмечают артиклеобразное функционирование числительного *як*, которое, употребляясь перед существительным, не принимает ударения и показывает неопределенность, единичность предмета. Поэтому его считают эквивалентом артикля $-e_1$.

Следует отметить, что персидско-таджикское слово *як* подробно отражается в исследовании Х.Каримова, который рассматривает в сопоставлении его 26 грамматических функций. В частности, он отмечает, что *як* является лексическим аналогом неопределенного артикля $-e_1$. Он указывает, что когда *як* употребляется в функции артикля, то он исключается из ряда числительных – самостоятельных слов и становится грамматическим абстрактом и как $-e_1$ лишается лексического значения [48, с.22]. Следовательно, в этой функции слово *як* используется как лексический аналог неопределенного артикля $-e_1$, и имена существительные которые употребляются с *як*, не только выражают единичность предмета, но также выражают его неопределенность:

«Кампир гуфт, ки он кулбаи қудуқчӣ аст, ин саҳар як ҷавони аробакаш туро дар ҳолате, ки аз захми байни ду шонаат хун мерафт, бардошта овард» (Ч.И.ДО. 112). – В данном случае существительное «аробакаши чавон» (юноша-арбакеш) является количественно – определенным и качественно – неопределенным, выраженным эксплицитно неопределенным артиклем «як».

2. Таджикский языковед Ш.Рустамов [85] и многие другие исследователи [41;48;64;74;100] в некоторых грамматических пособиях для вузов [27;28] считают, что постпозитивный безударный $-e$ с существительным в простом предложении выражает неопределенность и единичность, а в антецеденте определительного придаточного предложения он придает существительному значение определенности или указательности. Однако остается неясным, считают ли исследователи его одной морфемой или разными. Эта группа ученых в своих работах также характеризуют числительное *як* как формант неопределенности и единичности предмета.

Однако в учебном пособии «Современная грамматика литературного таджикского языка» [28] $-e$ отражается не как морфема, а как артикль и разделяется на $-e_1$ и $-e_2$, артикль $-e_1$, выражает неопределенность, а $-e_2$ имеет особенность определительно-указательного характера, лексическим аналогом

которого являются указательные местоимения *ин, ҳамин* (этот), *он, ҳамон* (тот).

3. Языковед Л.Н.Муравьева [60] ввела новое понятие об артиклях таджикского языка, она указывает на существование двух артиклей – артикль ограничения и нулевой артикль.

Следует отметить, что артикль ставит предел не в значении существительного, а в понятии предмета. Связь слов с предметом со связью понятия не равны. Понятие предмета отражается в мышлении. Слово же обозначает только предмет, оно не является его отражением. Известно, что люди имеют информацию о том или ином предмете и обмениваются словом, которое является его условным знаком. Несмотря на то, что понятие не имеет своего существования вне слова, он является основой слова [101, с.31].

В сравнении артикля ограничений Л.Н.Муравьева также отмечает нулевой артикль, с чем невозможно согласиться. С её точки зрения, существительное вне артикля является нулевым артиклем. Грамматическое значение нулевого артикля противоположно положительному артиклю, будто показывает логическую связь существительного.

Имя существительное, не имеющее при себе артикль в таджикском языке, может демонстрировать предметное отношение существительного. Так, исходя из этого, сущность и значение нулевого артикля выглядит сомнительно:

*«Аммо бовар намекардам, ки бобоям ба ман **нақора** ёфта диҳад...»*
(С.А.Ёд. 16).

*«Ориф ба дами пеши ҷазира баромада чашмаш ба **духтараки** дар болои қолини махмалини алафҳо нишаста афтод»* (А.Ш.ПҶ. 26).

Вышеперечисленные примеры показывают, что каждое существительное в предложении может выражать обобщенное и конкретное значение. Следовательно, называть артикль –е выделительным недостаточно убедительно, потому что во втором предложении существительное *духтарак* без каких-либо артиклей указывает на конкретное лицо, и при этом остается

не совсем понятным, что же может выделять артикль с именами собственными, которые являются уникальными в своем роде:

«Кушудам аз рухи маънӣ ниқобе,

*Ба дасти зарра додам **офтобе**»* (И.Л.Кул. 376).

Утверждать, что артикль выделяет один предмет из ряда ему подобных, на наш взгляд, не совсем логично, тем более когда речь идет о существительных типа *солнце*, ибо абстрактные собственные имена и индивидуальные нарицательные имена, как известно, не имеют себе подобных, т.е. не образуют классов:

*«Нафас дар гулӯяш печ зад, **бо овози зайритабиие** гут-гут карда, гӯё сухане гуфт ё пиндоиш, ки гуфт, возеҳ намедонситам»* (Б.Ф.ТП. 143).

*«Дар бораи ин ҷазира **афсонаҳои бисёре** ҳаст»* (А.Ш.ПҶ. 26).

Следует отметить, что среди своих однородных существительных артикль *-е* служит для выделения одного или нескольких особых предметов. С нашей точки зрения, эта классификация характерна только для исчисляемых конкретных предметов. Согласно этому, среди отвлеченных, личных и вещественных существительных выделение одного основного предмета является нелогичным.

Так, в предложении *«Модари Гулмоҳ **об** нӯшид»* (Ҷ.И.АМ. 273). = *La mère de Gulmoh buvait **de l'eau.***, имеется в виду неопределенное количество воды, которое в таджикском языке выражается вне артикля, а во французском языке для этой цели употребляется партитивный артикль, не имеющий своего эквивалента в таджикском языке. В данном предложении существительное «об» (вода) является качественно-определенным и количественно-неопределённым.

Известно, что в каждом языке развитие грамматического и исторического артикля способствует усовершенствованию законов языка.

Ю.А.Рубинчик в своих работах [82; 83] последовательно поддерживает концепцию одночленной системы артикля. Такая же точка зрения представлена и в работах Г. Хинчи [128], С.Я.Мухтарова [61]. Иранист

Л.Н.Муравьева [61] считает артикль *-e* артиклем ограничения значения слова. Немного позже в статье [84], написанной в соавторстве с Ю.А.Рубинчиком, она не говорит о нулевом артикле и артикле ограничения значения слова, а артикль *-e* рассматривает как выделительный.

В работах иранских языковедов Х.Фарруха [103], М.Муина [143] можно найти интересные сведения о морфеме *-и* (таджикская *-e*), в то время как другие авторы разграничивают *-и* (*-e*) неопределенности (*ё-и* *накира*) от *-и* (*-e*) единичности (*ё-и* *вахдат*) на том основании, что *и* (*-e*) может присоединяться и к числительному *як* (один): *яке*. Они утверждают, что в таком случае мы имеем дело не с *-и* (*-e*) единичностью, а с *-и* (*-e*) неопределенностью, потому что к слову, выражающему число один, прибавление форманта единичности является нелогичным. Что касается *-и* (*-e*) определенности, то М.Муин [143] называет его артиклем спецификации неопределенности (*ё-и* *тахсиси накира*), а Х.Фаррух [103] предпочитает считать его *-и* (*-e*) определенностью (*ё-и* *маъруфа*). Слово *як* также в работах этих иранистов отражается как показатель неопределенности и единичности. Как известно, артикль *-e* во всех отечественных и зарубежных источниках выражается как оморфема или как одна языковая единица. Проблема нулевого артикля поднимается только в диссертационном исследовании Л.Я.Муравьевой. В таджиковедении в зависимости от значения имени основную сложность сущности артикля *-e* лингвисты трактуют совершенно по-разному. Так, например, В.С.Расторгуева [74] называет «артикль неопределенности, единичности и выделительности», Х.Каримов [48] – «артикль неопределенности, единичности, выделительности и назначительности», Н. Маъсумӣ [55] – «неопределенный суффикс, указательности», Ю.А. Рубинчик [84] – «выделительный артикль», Л.Н. Муравьева [60] – «артикль ограничения и выделительный артикль».

Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о возможности разграничения двух артиклей, ибо, как бы сомневаясь в достоверности своего определения, основной сторонник одночленной системы артикля

Ю.А.Рубинчик пишет: «Дальнейшие наблюдения над употреблением выделительного артикля в связи с придаточными определительными предложениями должны вестись наряду с изучением случаев его использования без придаточных предложений. Только при этом условии будет дана полная картина использования артикля в современном персидском языке» [82, с.205].

1) Исходя из этого, нами проанализировано большое количество фактического материала, подтверждающего истинность точек зрения Д.С.Филлота, М.А.Салахетдиновой, Ж.Лазара, Ш.Рустамова и К.Усманова о разграничении двух артиклей; $-e_1$ и $-e_2$. К такому выводу привели нас следующие факты.

Как отмечают Д.Дармстетер [118], Б.Сияев [96; 97], каждый из указанных артиклей имеет свой источник происхождения. Артикль $-e$ (единично-неопределенный) возник от древнеперсидского числительного *aiva* (один) и указывает на единичность предмета, т.е. выполняет функцию числительного *як* (один). *Як* в современном таджикском языке имеет двойное употребление; как числительное и как артикль. Во второй функции оно в значительной степени ослабляет свою семантику и лишается ударения. Именно поэтому одни называют *як* артиклем, а другие – лексическим аналогом артикля $-e_1$. В силу его двуприродности вслед за К.Усмановым мы намерены считать *як* артиклоидом при его второй функции. Оно является субститутутом артикля $-e_1$. Такая специфика присуща не только таджикскому *як*, но также и французскому *un* (один) и немецкому *ein* (один), которые употребляются и как числительное, и как артикль.

Что касается указательно-определенного артикля $-e_2$, то он, по мнению вышеуказанных иранистов, генетически связан с указательным местоимением *aita* (этот). Поэтому этот артикль может употребляться параллельно с указательными местоимениями *ин*, *он*, *хами*, *хамон* при одном существительном. Функционирование $-e_2$ ограничено сферой антецедента определительного придаточного предложения, однако наличие подобного

артикла отвергается некоторыми иранистами. Но это необоснованно, так как, согласно справедливому замечанию Б.А.Серебренникова [94], положение глагола в конце обычное в ряду новоиндийских языков, и оно послужило причиной отсутствия артикла в этих языках, несмотря на их ярко выраженный аналитический строй. К.Усманов также отмечает, что такое тормозящее действие на развитие артикла, по всей видимости, оказывает положение сказуемого и в персидском, и в таджикском языке, где постпозитивный определенный артикль отличается слабым развитием [102, с. 34]. Б.А.Серебренников подчеркивает, что наличие придаточных предложений, несомненно, является благоприятствующим фактором для появления артикла, т.к. наличие местоимения или союза, вводящего придаточное предложение, способствует появлению коррелирующего местоимения у антецедента [94, с.151-152]. Наглядные примеры в этом отношении даст персидский (таджикский) язык.

Такой артикль, существующий и в других языках мира, О.С.Ахманова называет «артиклем дополнительного определения (article of supplementary determination)» [140, с.53]. Как справедливо отмечает Г.Гийом, артикль существует, он появляется независимо в разнообразных языках (но не заимствуется) [26, с.8]. Это предположение подтверждает высказывание исследователя языка памятника таджикско-персидской литературы «Асрор ут-тавҳид» Р.Джураева, где утверждается, что «при именах, определяемых придаточным предложением, суффиксальное $-ë$ (ya-yi išarat) в памятнике выступает постпозитивным указательным местоимением» [37, с.48]. Д.Таджиев [99] также указывает на его определительно-указательный характер и к тому же добавляет, что $-e_2$ при этом, наподобие указательных местоимений *ин, он, ҳамин, ҳамон*, выступает как соотносительное слово, чего нельзя сказать в отношении артикла $-e_1$. Следует отметить, что даже сторонники одночленной системы артикла Ю.А.Рубинчик и Л.Н.Муравьева не отрицают, что существительное с артиклем $-e$ при антецеденте

приобретает указательный характер, а вне антецедента часто имеет значение неопределенности.

Обратимся к фактическому материалу:

«Дар он бегоҳие, ки мо гуфтем, пас аз намози аср, аз тарафи растаи таги дарвоза ба ин паскӯча **кампире** дар даст асо, бо қади хамида ва пайкари ларзон, оҳиста-оҳиста қадам гузошта ворид шуд» (Ҷ.И.ДО. 6).

«Он гоҳ он зан ба **чавоне**, ки дар болои ароба менишаст, нигоҳ карда гуфт» (Ҷ.И.ДО. 61).

При переводе этих предложений на французский язык, соответственно, в первом случае употребляется неопределенный артикль, а во втором – определенный:

«*Le jour où commence notre récit, peu après la prière de midi, **une vieille femme** toute courbée avançait le long de cette ruelle, elle allait lentement en s'appuyant sur un bâton*» (Dj.I.FF. 6).

«*La femme appela **le charretier** qui se trouvait non loin de là, assis dans son chariot*» (Dj.I.FF. 77).

2) При анафоре неопределенный артикль $-e_1$ не встречается, а определенный артикль $-e_2$ возможен, что характерно и соответствующим артиклям французского языка:

«*Аз миён ним соат гузаит ё нагузаит, сабукраве омада дар рӯ ба рӯи Даврон истод ва аз он **чавоне** берун баромада, бо ӯ хеле гарму самимӣ вохӯрӣ кард*» (Б.Ф.ТП. 43). «***Чавонмарде**, ки ӯро ин ҷо оварда буд (ба беморхона), аз берун ба назди тирезаи кушода омад*» (Б.Ф.ТП. 45). = *Environ après une demi-heure une voiture s'est arrêtée, et en est sorti **un jeune homme** et il a salué chaleureusement Davron. **L'homme**, qui l'a amené à l'hôpital s'est approché de la fenêtre en dehors de la chambre.*

К тому же, как видно из примеров, при повторном употреблении имени сопровождающий неопределенный артикль $-e_1$ или *як* отпадает и его место часто занимает одно из указательных местоимений. Именно в таких случаях употребление $-e_2$ возможно. См. выше: “Чавонмарде, ки...”

3) Артикль $-e_1$ в простом предложении никогда не придает существительному значения определенности или указательности.

«Онҳо ба **тангкӯчае** баргаштанд» (Ҷ.И.ТВ. 39).

4) Артикль $-e_1$ употребляется редко (но чаще, чем французский *un, une*) со словоформой мн. числа, а $-e_2$, так же как *les*, в этом плане не знает ограничений. В таджикском языке помимо артикля $-e_1$ существительное имеет определение, и часто оно выражено словами *бисёр, чанд* или *зиёд*. По утверждению К.Усманова [103, с.35] неопределенный артикль $-e_1$ с словоформой мн. числа имеет интенсифицирующую функцию, а $-e_2$ – объединяюще-изолирующую функцию:

«Он чо **ошноҳои зиёде** дорад» (Ф.М.ПК. 341). = *Là, il a beaucoup d'amis.*

Таблица №1

Тадж. язык	нареч.	сущ.	суффикс	изафет	нареч.	неопр. артикль	гл.	местоим.
	Он чо	ошно	ҳо	и	зиёд	е		дорад
Франц. язык	нареч.	местоим.	гл.	нареч.	пред- лог.	сущ.	окончание	
	Là	il	a	beaucoup	d'	ami	s	

«Tenez, lui dit-il, voici **les ferrets de diamants** que vous êtes venu chercher, et soyez mon témoin que tout ce que la puissance humaine pouvait faire, je l'ai fait» (А.Д.ТМ. 201). – «Мана, гуфт герцог, **он овезаҳои алмосе**, ки шумо барояи омада будед ва гувоҳ мешавам, ки ман ҳар чиро дар қудрати инсон буд, ба чо овардам» (А.Д.СМ. 222).

5) Подобно французскому *un, une*, таджикский $-e_1$ почти не встречается при именах, определяемых числительным, а с $-e_2$ и *les* это закономерно.

Ср.: «Бакавул бо чашии худаиш дидааст, ки дирӯз ҷаллод **се нафар бачаи навмӯхатро** сар задааст» (Ҷ.И.ДО. 131). – «*La veille, le cuisinier avait vu le bourreau tuer **trois jeunes garçons***» (Dj.I.FF. 158).

6) Вне антецедента редко встречаются случаи употребления *–e* с собственными именами. Причем существительное обычно имеет при себе описывающее определение. К тому же это часто наблюдается в поэзии (в большинстве случаев в классической поэзии):

*«Шоури маҷнунтабиат –
Лоиқе буд...»* (Л.Ш.Кул. 170).

7) Как правильно отмечает Ш.Рустамов [89], лексические аналоги *–e₁* (*як* и *ягон*) сопровождают существительное с артиклем только при выражении неопределенности и единичности:

*«Лекин ин писарак дар ҳаминҷо монад, боз **ягон** худочӯе ёфт мешудагист»* (Ҷ.И.ДО. 61). – «*Que ce garçon reste ici, il trouvera certainement **quelqu'un** pour veiller sur lui*» (Dj.I.FF. 76).

8) В отличие от неопределенного артикля *–e₁*, определенному артиклю *–e₂* присуща обобщающая функция, что характерно для обоих французским артиклям.

Ср.: «**Модар** худаширо ба куштан медиҳад, ки фарзандаи амон бошад. **Модар** ба шер ҳам, ба шамшер ҳам панҷа мезанад ва то зиндааст, фарзандам мегӯяд» (Ҷ.И.ДО. 84). – «*Une mère va au-devant de la mort pour défendre son enfant. **Une mère** ne craint ni le lion ni le couteau et tant qu'elle vit, elle parle de son enfant*» (Dj.I.FF. 102).

«Модаре, ки ба тифли худ бе зарурат шири сунъӣ медиҳад, аввалин рисолати модариш хешро назди фарзандаи адо намесозад» (М.ЧГ. 2012). = *La mère, qui donne à son enfant sans nécessité du lait artificiel, ne peut pas accomplir son premier devoir maternel devant son enfant.*

Как видно из примеров, в обоих предложениях существительное «модар = mère» (мать) не выражает предметное соотношение, и вне антецедента употреблять артикль нельзя (во французском языке артикль *un*,

уне необходимо), а в антецеденте постанова как таджикского артикля $-e_2$, так французских *le, la, les* возможна.

Таким образом, вышеуказанные факты дают основание считать, что в таджикском языке разграничение двух одноформенных артиклей $-e_1$ и $-e_2$ а также артикля *як* (*як* является субститутутом $-e_1$) оправдано. Артикль $-e_2$ в силу своей факультативности, в отличие от определенного артикля французского языка, имеет ограниченную сферу использования. Единично-неопределенный артикль $-e_1$ и его аналог *як* в соответствующих конструкциях также употребляется реже, чем неопределенный артикль французского языка, т.к. в таджикском языке существительное в большинстве случаев может и не сочетаться ни с каким артиклем. Причем словоформа с нулевым показателем может выражать и неопределенность определенность, и обобщение:

1. «Аммо Мағфират аз ғазаб **санге** гирифтум аз наси вай партофт. Санг рафта ба дарвозаи роҳрав расиду пор-пора ғашт» (Ч.И.ДО. 412).
2. «Бо асал гуфтан **даҳон** ширин намешавад» (Д.Р.ГЗ. 24).

В случае 1 слово «санг = pierre» (камень) употребляется дважды: в первом - выражает количественную определенность и качественную неопределенность и на него падает логическое ударение. А во втором - оно обозначает качественную и количественную определенность (анафорическую) и не имеет логического ударения.

В случае 2 слово «даҳон = bouche» (рот) выступает в обобщенном значении. Всеми этому способствуют контекстные условия и ударение. Здесь действует «скрытая грамматика», которую С.Д.Кацнельсон определяет как «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов» [49, с.78].

Если перевести эти предложения на французский язык, то, соответственно, во-первых, сначала употребляется неопределенный, а затем определенный артикль в анафорической функции, а во-вторых, перед именем

«bouche» стоит определенный артикль единственного числа в обобщающей функции:

1) *«Magfirat prit **une pierre** qu'elle lança dans la direction d'Asso. Mais **la pierre** n'atteignit pas son but»* (Dj.I.FF. 472).

2) ***La bouche** ne devient pas doux en disant miel, miel.*

Исходя из этого, в смысловом плане противопоставление имени с артиклем $-e_1$ ко всякой бесчленной форме неправомерно, т.к., по словам Ш.Рустамова, противопоставление неопределенного предмета определенному предмету или предмету вообще выражается оппозицией $-e_1$ (як) $\leftrightarrow \emptyset$ [89, с.57].

Анализ конструкций с артиклем $-e_1$ или с артиклем *як* показал, что существительное с этими формантами находится в контрарном отношении к бесчленной форме имени, выражающей нерасчлененное множество предметов:

«Ба дарди сар гирифтор омаду боз

*Азоби сар – **китобу дафтар** овард.*

Ало Соҳибназар, бар ман бубахшой,

Сари Лоуқ туро дарди сар овард»

(Л.Ш.Кул. 512).

Употребление артикля $-e_1$ или его субститута *як* с этими существительными придает им значение единичности. Исходя из этого, мы намерены объединить такую иерархию форм существительного с $-e_1$ (як) и без него под одну функционально-семантическую категорию единичности-общности (а не обобщенности), которую можно включать в разряд понятийных категорий, выдвинутых И.И.Мещаниновым [56]. В таджикском языке указанная категория находит свое выражение комбинацией морфологического ($-e_1$ и *як*) и контекстных средств, т.к. второй (немаркированный) член оппозиции в формальном плане совпадает с формой имени, показывающей единичный исключительный (определенный) предмет. Их разграничению способствуют контекстные условия.

Ср.: *Дӯстонам ба ман мудом маҷалла медиҳанд. Хавотир нашавед, маҷалла пагоҳ дастраси шумо мешавад.*

Компоненты каждой из этих структур имеют присущую им понятийную основу и соотношение с планом содержания категории определенности/неопределенности.

Кроме этого, система артикля в сопоставляемых языках включает следующие два момента:

1. По оформленности с артиклем существительные (не все) во французском языке могут выступать в трех формах: *dimanche, un dimanche, le dimanche*: В таджикском языке они оформляются тройко: с единично-неопределенным артиклем $-e_1$ (як), с указательно – определенным артиклем $-e_2$, а также без артикля (*марде(- e_1)* (як мард), *марде(- e_2)*, (*мард*). Артикль $-e_1$ и артикль *як* почти взаимозаменяемы. Артикль *як*, как правило, свойственен общенародному разговорному языку, а $-e_1$ – книжно-литературному, однако, как справедливо отмечал А.Л.Хромов [106, с.37], наблюдается процесс вытеснения $-e_1$ артиклем *як*, который все глубже проникает в книжно-литературный язык. Поэтому эти две единицы могут стоять при одном существительном одновременно: *як марде* (*un homme*).

В отличие от неопределенного артикля французского языка *un, une*, таджикские $-e_1$ и *як* имеют более свободный характер сочетаемости с существительным, т.е. существительные (даже исчисляемые) в форме единственного числа могут выступать и с артиклем, и без него.

Там, где указанные артикли таджикского языка отсутствуют, их место обычно занимают некоторые другие лексические элементы языка, такие как *ягон, кадом як, ким-кадом, ҳеч*. Но в то же время существительные могут употребляться без каких-либо этих средств. А во французском языке, как известно, к такому употреблению не способны ни отвлеченные, ни вещественные собственные (*la tour Eiffel* – Эйфелева башня, *le caractère* – характер, *de l'eau* – вода) имена. Кроме того, ряд местоимений французского языка способны исключить употребление того или иного артикля:

«*La pièce (cette pièce) était pleine d'une belle lumière de fin d'après-midi*»
(А.С.É. 13).

«la pièce = cette pièce»

Следует отметить еще одну функцию артикля таджикского языка, который не является средством субстантивации других частей речи. Это характерно только для артикля французского языка:

«*Après le déjeuner, elle réussit à amener les enfants sous la fenêtre de la chambre de Mme Derville*» (S.RN. 226). – «*Баъд аз наҳорӣ ӯ бачагонро зери тирезаи утоқи хонум Дервил овард*» (С.СС. 243).

Таблица №2

Таблица расхождений употребления неопределенного артикля в таджикском и французском языках

Тадж. язык		Франц. язык	
неопределенный артикль		неопределенный артикль	
единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
муж. род – жен. род –	муж. род – жен. род –	муж. род – жен. род +	муж. род – жен. род +
–е ₁ , як	–	un une	des

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Для современной лингвистики остается актуальным вопрос признания полевого устройства категории определенности/неопределенности при всем разнообразии существующих подходов к изучению категории определенности/неопределенности, где использована разная терминология, по-разному определена их полевая структура.

Важен тот момент, что описание категории определенности/неопределенности как поля в дальнейшем может дать возможность определить место отдельных средств выражения определенности/неопределенности в системе языка, а также охарактеризовать различные семантические оттенки значений «определенности» и «неопределенности», что позволит раскрыть взаимодействие разнородных языковых средств. При таком анализе найдут свое отражение и существующие между ними иерархические отношения (в нашем случае таджикский и французский языки).

Для формализации категории определенности/неопределенности одни языки приобрели особые указатели - артикли, а другие в этих целях используют иные средства. Для сопоставляемых языков характерно употребление артиклей и других единиц (особенно в таджикском языке), в частности в них участвуют элементы «скрытой грамматики» и лексические средства.

Следует отметить, что сопоставительный анализ категории определенности/неопределенности в разноструктурных языках позволяет увидеть данную категорию во всем многообразии ее отношений, связей и закономерностей. Но при этом в таджикском языке положение вещей осложняется из-за наличия омонимичного артикля. Важно то, что уникальность категории определенности/неопределенности в таджикском и во французском языках заключается в возможности выбора разнообразных средств для ее выражения.

ГЛАВА II. ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Значение неопределенности, выраженное артиклем в таджикском и французском языках

Значение неопределенности в таджикском языке выражается неопределенным артиклем $-e_1$, предмет которого в данном случае может быть представлен как качественно неопределенный и количественно определенный:

«*Даре кушода шуда марде берун омад*» (Р.Қ.АМ. 259). – Существительные «даре», «марде» характеризуются количественной определенностью и качественной неопределенностью, выраженной имплицитно в таджикском языке неопределенным артиклем $-e_1$.

Как было отмечено выше, в таджикском языке, кроме неопределенного артикля $-e_1$, показателем неопределенности существительного является артикль *як*, которому присущи почти все характеристики артикля $-e_1$. Существительное с таким показателем выражает понятие о единичном предмете, который не имеет отличия от ему подобных. Эти две единицы взаимозаменяемы и обычно соответствуют неопределенному артиклю французского языка *un (une)*.

Ср.: «*Мурге дидам нишааста бар бораи тус,*

Дар пеш ниҳода каллаи Кайковус.

Un oiseau est perché sur un rempart.

Tout proche est un crâne de roi» (У.Х.Руб. 64). – Существительное «мурге=*un oiseau*» (птица), характеризуется количественной определенностью и качественной неопределенностью который в таджикском и французском языках выражен неопределенным артиклем единственного числа. В таджикском языке неопределенный артикль $-e_1$ выражается

имплицитно, во французском языке неопределенный артикль *une* находится эксплицитно.

«Домуллоимом набудаанд, ба сари осии Дустибой барои хондани **як бемор** рафта будаанд, – гуфт» (С.А.МС. 76). – «*L'imam n'est pas chez lui. Il est parti au moulin, chez Dostbaï, faire des prières pour un malade*» (S.A.MU. 117). – В данном случае существительное «як бемор = un malade» (больной) количественно определено, здесь отсутствует качественная определенность: известно, что речь идет об одном больном человеке, но неизвестно, какой именно это была болезнь.

В таджикском языке неопределенный артикль *як*, в отличие от $-e_1$, является препозитивным. См. выше: *як бемор*

Надо отметить, что в таджикском языке исчисляемые существительные в форме единственного числа могут стоять и с артиклем $-e_1$ или *як*, и без них. А во французском языке на их неопределенную форму указывает неопределенный артикль, за исключением случаев наличия некоторых других детерминативов при них.

Об этом свидетельствуют два варианта перевода нижепредставленных французских предложений в таджикском языке:

«*Je vous ai promis une lettre pour le directeur de l'Académie*» (A.D.TM. 40). – «*Охир ман ваъда дода будам-ку, ба номи сардори академия мактуб менависам. Охир ман ваъда дода будам-ку, ба номи сардори академия мактубе менависам*» (A.D.CM. 44).

«*Milady lui montra l'ordre du cardinal, l'abbesse lui fit donner une chambre et servir à déjeuner*» (A.D.TM. 539). – «*Миледи фармони кардиналро нишон дод; раиса фармуд, ки ба мусофир хонае ҷудо кунанд ва ношто диҳанд. Миледи фармони кардиналро нишон дод; раиса фармуд, ки ба мусофир хона ҷудо кунанд ва ношто диҳанд*» (A.D.CM. 595).

В этих предложениях подчеркнутые существительные обоих языков выражают понятия единичных представителей классов «писем» и «комната», которые являются определенными по линии количественности и

неопределенными по линии качественности. В содержательном плане понятия данных предметов не отличаются от понятий остальных представителей этих классов. Им присущи все признаки себе подобных существительных. По словам К.Усманова, разница между двумя формами таджикского языка заключается в том, что существительное с артиклем $-e_1$ (як) обозначает индивид, т.е. единичный предмет противопоставляется остальным представителям класса. Движение мысли происходит от общего к отдельному (единичному). А при без артиклевой форме, отдельный представитель класса противопоставляется предмету другого класса. Движение мысли же происходит, наоборот, от единичного к общему [102, с.49-50]. Эти две последние характеристики без артиклевой формы существительного таджикского языка присущи форме имени с неопределенным артиклем французского языка. Такую функцию *un, une* во французском языке называют классифицирующей. Исходя из этого, мы предполагаем, что артикль $-e_1$ не имеет указанную функцию. Данную функцию в таджикском языке выполняет немаркированная форма существительного, выражающая неопределенность.

Для выражения неопределенности с оттенком безразличия употребляется неопределенный артикль $-e_1$, местоимение *ягон*, которое несёт семантику количественной определенности и качественной неопределенности. Идея указания на эти признаки ставится на первый план, и говорящий выражает свое безразличие при избирательности многих подобных. Он мало заинтересован количеством, его устраивает любой представитель класса:

«Падарам маро ба ягон каси дигар диҳад, дониста мон, ки ман худамро мекушам,— гуфтааст» (С.А.Ёд. 42). – *«Sache bien, dit-elle, que si ton père me fait épouser quelqu'un d'autre, je me tuerai!»* (S.A.B. 44). – В данном случае значение определенности по линии количественности и неопределенности по линии качественности передается неопределенным местоимением *ягон*.

Ягон и $-e_1$ могут стоять при одном существительном. Для передачи такого смыслового оттенка во французском языке используется неопределенный артикль единственного числа *un (une)* и неопределенное местоименное прилагательное *quelque* (ягон).

«*Аксар вақт дар хонаи худаш ё ки дар хонаи **ягон камбагале** ба ягон муносибат зиёфат тартиб дода, хурсандиҳо мекардааст*» (Ч.И.ДО. 17). – «*Elle organisait souvent chez elle ou chez **quelque pauvre** des collations qu'elle leur offrait*» (Dj.I.FF. 19). – Семантика количественной определенности и качественной неопределенности существительного «камбагале = *quelque pauvre*» (кого-то из бедняков) в таджикском языке одновременно выражена неопределенным местоимением *ягон* и артиклем $-e_1$; во французском переводе эксплицитно передано неопределенным местоимением *quelque*.

«*Il faut que je dépose mes habits bourgeois dans **quelque auberge**...*» (S.RN. 167). – «*Бояд пероҳани шаҳриамро дар **ягон меҳмонсарое** гузорам...*» (С.С.С. 181). – Во французском языке качественная неопределенность и количественная определенность существительного «*quelque auberge* = ягон меҳмонсарое» (какая-то гостиница) выражена при помощи местоименного прилагательного *quelque*; в таджикском переводе эта семантика передана неопределенному местоимению *ягон* и артиклю $-e_1$, которому присущи почти все характеристики артикля *як*, но, в свою очередь, артикль $-e_1$ в одной своей функции не может быть заменен артиклем *як*. Это наблюдается тогда, когда неопределенный артикль $-e_1$ вступает в функции неопределенного местоимения *ягон*, которое Н.Маъсуми [55, с.179], Ш.Рустамов [88, с.84] и др. справедливо называют показателем неопределенности существительного в таджикском языке:

«*Хайрият, ки ман ин қарзро аз **ягон фоидахур** (фоидахуре) нагирифтам...*» (С.А.Ёд. 19). – В этом предложении артикль $-e_1$ и его лексический аналог «ягон» придают оттенок безразличия при избирательности многих подобных, и существительное выражает понятие с единичным объемом, хотя этот предмет в данной ситуации является

предполагаемым, ирреальным. По всей видимости, по этой причине эти единицы нельзя заменить артиклем *як*, несмотря на то, что последний считается синонимом артикля $-e_1$.

Существительное вместе с артиклем *як* всегда подразумевает конкретный, реальный предмет:

«*Бо як рисолаи номзадӣ ягон кас дар илм инқилоб накардаст*» (Б.Ф.ТП. 28). – В данном случае существительное «*як рисолаи номзадӣ*» (одна кандидатская диссертация) является определенным по линии количественности и неопределенным по линии качественности и передано посредством артикля *як*.

Существительное с артиклем $-e_1$ также называют средством выражения неопределенности, может обозначать понятие определенности отрицания указанных предметов в случае, если предложение является отрицательным.

Ср.: «*Паноҳгоҳе набуд, дар ин талу тennaҳо на шаху на дарахтеву бутмае*» (Б.Ф.АМ. 153). = *Dans ces collines il n'avait aucun abri, aucun rocher, aucun arbre et aucun buisson.*

«*Осиёҳо хобиданд ва чархҳои осиеи надарам тарошидаро ҳам касе нахарид*» (С.А.МК. 28). – «*Les moulins à eau s'arrêtèrent, et plus personne ne voulait acheter les roués fabriquées par mon père*» (S.A.L'école. 26).

В таджикском языке значение неопределенности выражается в субстантивных словосочетаниях посредством слов *яке аз* (яке аз муаллимон), объект которого в данном случае может быть представлен как качественно неопределенный и количественно определенный. Значение *яке аз* передается на французский язык посредством *l'un(une)+des*.

«*Пас аз надарам рафтан, мактабдор маро ба наздиктари худ ҷой дода, ба яке аз бачагони калон амр дод, ки маро ёд диҳад*» (С.А.МК. 10). – «*Après le départ de mon père, le maître me fit asseoir plus près de lui et ordonna à un des grands élèves de s'occuper de moi*» (S.A.L'école. 11). – Существительное «*яке аз бачагони калон*» характеризуется количественной определенностью и качественной неопределенностью, выраженной эксплицитно в таджикском

тексте посредством *яке аз*; в французском варианте значение количественной определенности и качественной неопределенности существительного «un des grands élèves» передается с помощью *un des*.

«*On se disputa à l'un des billards*» (S.RN. 165). – «*Дар сари яке аз мизи билярд мунозира авҷ гурифт*» (С.С.С. 178). – Семантика количественной определенности и качественной неопределенности существительного «l'un des billards = *яке аз мизи билярд*» (один из столов билярда) во французском языке эксплицитно передано посредством *l'un des*; в таджикском языке это значение реализуется с помощью *яке аз*.

Следует отметить, что в таджикском языке совместное использование слова *як* и артикля $-e_1$ не является новым явлением. Употребление неопределенного артикля $-e_1$ и *як* в форме *яке*, который передает оттенок неопределенности, наблюдается в таджикской классической литературе:

«*Яке дар боги худ рафт. Дуздери пушторои пиёз дарбаста дид*» (У.З.КМ. 73).

Употребление предлога *аз* после появления артикля $-e_1$ и *як* является необходимым, и связь происходит с помощью предлога *аз*.

Об артиклях $-e_1$ и *як*, которые являются одинаковыми в характеристике и функциях, лингвисты таджикского языка [33; 88] отмечают, что в таджикском языке, кроме постпозитивного артикля $-e_1$, в некоторой его степени также наблюдается препозитивный артикль *як*, которому присущи почти все характеристики артикля $-e_1$. Из этого можно сделать вывод, что этот тип словосочетаний, который образован посредством *яке аз...*, записывается в рамках орфографии.

«*Сумба чӣ даркор аст? – яке аз рафиқон аз ман нурсид*» (С.А.МС. 43).

В качестве зависимой части появление различных местоимений в этих словосочетаниях не является исключением, ибо характер таких словосочетаний требует, чтобы зависимая часть употреблялась во множественном числе, поэтому личные местоимения множественного числа (особенно третьего лица) могут употребляться как зависимая часть.

Появление зависимых личных местоимений в данных словосочетаниях не является исключением, ибо характер данных словосочетаний подтверждает, что зависимая часть должна употребляться во множественном числе, подобно личным местоимениям множественного числа (в особенности III-е лиц), которые могут употребляться как зависимые части.

«*Аз Худо наметарсанд, – мегуфт яке аз онҳо, – аз бандаи Худо шарм намекунад*» (Ҷ.И.ДО. 530). – «*Ils n'ont pas la crainte de Dieu, ils ne connaissent pas la honte, dit l'un d'eux*» (Dj.I.FF. 586).

«*L'une d'elles prétendait que si son mari n'était pas élu, de chagrin il ferait banqueroute*» (S.RN. 98). – «*Яке аз онҳо тасдиқ дошт, ки агар шавҳараширо интиҳоб накунад, вай аз ғам ҳатман худро варшикаста мехонад*» (С.СС. 106).

В современном таджикском языке неопределенность множества исчисляемых существительных оформляется в единственной и множественной форме. А во французском языке для этой цели употребляется неопределенный артикль множественного числа *des*, который выражает качественную и количественную неопределенность. В таджикском языке наличие такого артикля отсутствует, и способ выражения выбирается в зависимости от того, какой аспект неопределенности подчеркивается:

«*Дигаронашон аз багалҳошон ресмон ва рӯймол бароварда дасту пою даҳони онҳоро маҳкам баста ба замин гелониданд*» (С.А.МС. 94). – «*Ayant sorti de leurs poches des cordes et des mouchoirs, les assaillants ligotèrent les employés*» (S.A.MU. 135-136).

Как видно, в отличие от таджикского языка, во французском языке количество неопределенных существительных в употреблении с неопределённым артиклем множественного числа *des* обозначает, что множество предметов количественно и качественно неопределены; слушающему (читающему) совсем непонятно, о каких представителях данного класса идет речь. В таком случае специфическим для современного таджикского языка является то, что существительное без форманта

множественного числа обозначает множество предметов. Об этом свидетельствует пример, в котором словоформа «ресмон (верёвка), рӯймол (ремень)» (а не, ресмонҳо, рӯймолҳо) переведена на французский язык формой множественного числа (*des cordes, des mouchoirs*).

Таблица №3

Тадж. язык	Франц. язык
ресмон–ø	corde(s)
рӯймол–ø	mouchoir(s)

По словам К.Усманова, разница между этими двумя семантическими типами множественности в таджикском языке заключается в том, что немаркированной формой называют нерасчлененное множество предметов, и такое множество, как правило, противопоставляется предметам не своего, а другого класса. А сильный член оппозиции (форма множественного числа) выражает такое множество, которое воспринимается как совокупность отдельных единиц предметов того класса, чьими представителями они являются. К тому же подобное множество не противопоставляется предметам другого класса [102, с.106].

Следует отметить, что в таджикском языке рассматриваемый смысловой тип неопределенности, так же как и во французском языке, может выражаться формой множественного числа существительного, который во французском языке сопровождается неопределенным артиклем множественного числа *des*:

«*Занон, духтарон ва бачагон тӯб-тӯб шуда бар рӯи хомаҳои рег... менишастанд*» (С.А.Ёд. 35). – «*Des femmes, et des enfants étaient assis sur des tas le sable*» (S.A.B. 37). – Семантика количественной и качественной неопределенности существительных «занон = *des femmes*» (женщины), «бачагон = *des enfants*» (дети) имплицитно реализуется через контекст в таджикском варианте; во французском переводе употребляется

неопределенный артикль множественного числа *des* с семантикой качественной и количественной неопределенности.

«*Julien avait reçu de Fouqué des livres...*» (S.RN. 94). – «*Жюлен ба воситаи Фуке баъзе китобҳоро ба даст овард...*» (С.С.С. 102). – В этом предложении благодаря использованию неопределенного артикля множественного числа *des* во французском языке и неопределенного местоимения *баъзе* в таджикском языке, качественная и количественная неопределенность существительного «*des livres=баъзе китобҳоро*» (кое-какие книги) является эксплицитной.

Нужно отметить, что в таджикском языке, несмотря на наличие артикля *-e₁* в составе словосочетаний со словами *чанд, бисёр, зиёд, бешумор*, существительное выражает неопределенное множество предметов, которые в данном случае являются качественно и количественно неопределенными.

Артикль указывает лишь на большое количество, а не на единичную неопределенность.

«*Дар ҳавлӣ ва беруни ҳавли Оллоёр-бӣ одами бисёре, бача-қачаи бешуморе чамъ шуда буданд ва ҳама омадани домодро чаши доштанд*» (Ҷ.И.ДО. 144).

Во французском языке также имеются случаи, когда с неопределенным артиклем *un (une)* используются местоимения-прилагательные «*Art+Adj+N*».

«*Il m'a fait signer un certain nombre de pièces*» (А.С.É. 21).

В этих и подобных им случаях артикль является простым формантом существительного, тогда как вся смысловая нагрузка ложится на неопределенное местоимение.

В характеризующей функции французского и таджикского языков контекст может обуславливать качественную и количественную определенность объекта, оформленного неопределенным артиклем во французском и без каких-либо детерминативов в таджикском. Особую значимость контекста, ситуации можно продемонстрировать на следующих примерах:

«*Абрувони сиёҳ, чашмони калон-калони шаҳло ва дилбар... вай чашми бинандаро беҳтиёр ба худ ҷазб мекард*» (Ҷ.И.ДО. 25). – «*Et elle était si gracieuse, si attirante: des sourcils noirs, des yeux immenses et brillants...*» (Dj.I.FF. 28). – Существительные «абрувони сиёҳ, чашмони калон-калони шаҳло ва дилбар = *des sourcils noirs, des yeux immenses et brillants*» (чёрные брови, большие блестящие глаза) в таджикском языке выступают без какого-либо артикля, тогда как во французском языке оформленные неопределенным артиклем множественного числа в характеризующей функции обозначают качественно и количественно определенный объект. Контекст указывает на принадлежность объекта (брови, глаза) конкретному лицу-адресанту, что влечет за собой качественную определенность.

«*Elle avait un visage froid et sévère*» (G.M.BA. 184). = «*Ў симои турш ва ҷиддӣ дошт*». – В данном случае существительное «*un visage froid et sévère* = симои турш ва ҷиддӣ» (холодное и суровое лицо) во французском языке, оформленное неопределенным артиклем единственного числа в характеризующей функции, обозначает качественно и количественно определенный объект; в таджикском варианте существительное выступает без какого-либо артикля. Контекст указывает на принадлежность объекта (лица) конкретному лицу.

un visage froid et sévère → *le visage froid et sévère de Mme Walter.*

Определение, выраженное прилагательным «*froid et sévère*», обозначает временную характеристику объекта.

Таким образом, если во французском языке основным показателем категории неопределенности исчисляемых существительных является артикль *un, une* и его мн. число *des*, то в таджикском языке им считается артикль *-e*, артиклоид *як*, местоимения *ягон, кадом* (кадом як, ким-кадом) или же немаркированная форма существительного. В логическом аспекте эти сочетания существительных исследуемых языков могут быть языковыми коррелятами либо понятия с единичным или нулевым объемом, либо понятия с неопределенным объемом. Однако в содержательном плане эти понятия

равнозначны, т.е. им присущи все существенные признаки предметов класса, и они ничем не отличаются от понятия подобных предметов. Именно содержательный план понятий объединяет их языковые корреляты в одно категориальное значение неопределенности, несмотря на разнообразные средства оформления.

Артикль и неопределенная форма вещественных существительных

В таджикском языке, в отличие от французского языка, существительные, имеющие вещественное значение, обычно оформляются без артикля, так как во французском языке для выражения неопределенного количества вещества используются формы – *du* и *de la*, которые принято называть партитивными (частичными) артиклями. По мнению большинства грамматистов [8; 20; 24; 26; 43; 51; 105], партитивный артикль входит в систему неопределенного артикля, который выражается качественной и количественной неопределенностью:

«*Elle but du champagne, s'alluma, s'anima et je rentrai chez elle, avec elle*» (G.M.MT. 73). = *Ū шампан нӯшида, бедор ва хушҳол гашит ва ман дар якҷоягӣ бо ӯ ба хонааш баргаишем.* – В данном случае неизвестно, о каком именно сорте шампанского (розовое, брют) идет речь и какое количество она выпивала, что во французском языке выражается партитивным артиклем *du*, а в таджикском выступает без артикля.

Таблица №4

Употребление артикля в функции партитивности в сопоставляемых языках.

Тадж. язык	Франц. язык
артикль –	артикль + (<i>du</i>)
шампан	<i>du champagne</i>

«*Ин зарба хеле сахт буд, аз сари ӯ хун равон шуд...*» (С.А.МС. 91). – «*Le coup était très rude, du sang coula de la tête fendue*» (S.A.MU. 132). – Семантика количественной неопределенности существительного «хун»

(кровь) в таджикском языке выражена без каких-либо средств, а во французском переводе употребляется с партитивным артиклем «du sang».

Неопределенное состояние вещественных существительных в сопоставляемых языках также оформляется неопределенным артиклем, несмотря на то, что эти существительные обозначают массы. Их редкая сочетаемость с названным артиклем обусловлена тем, что класс вещества представлен не в виде совокупности отдельных единиц, а в виде разновидности, и к тому же этот разряд существительных не подлежит исчислению. Поэтому, как показывает исследование, употребление неопределенного артикля таджикского и французского языков преследует две цели:

1) Понятие вещества дискретизируется на количественной основе, т.е. указывается на отдельную величину (порцию) массы вещества, согласно Ш.Рустамову, происходит выделение части из целого. Следовательно, такое понятие является единичным, но в содержательном плане оно не отличается от понятия однородных масс вещества. Следует отметить, что в таджикском языке для такой цели чаще употребляется артикль *як*.

«**Як чой** нӯшем, охир» (П.Т.К1. 41). = *Allons donc, prendre **un thé**.*

«*Elle est venue boire **une bière** ici, l'autre jour, toute seule*» (R.F.CC. 37). =
*Рӯзи дигар сари танҳо ба инҷо омада, **як пиво** нӯшид.*

В сопоставляемых языках для показания отдельной порции часто используются слова, называющие меру величины вещества, с которыми употребляется либо неопределенный артикль, либо артикль *як*:

«*Канӣ, **як коса об** биёред, бародар Фуломалӣ*» (Ч.И.ДО. 486). –
«*Goulomali, mon ami, apportez donc **une tasse d'eau***» (Dj.I.FF. 552).

«*Duroy but **un verre de bière** avec ses nouveaux confrères, puis il demanda à son ami*» (G.M.BA. 46). = *Дюрой бо шарикони нави худ **як чом пиво** нӯшида, баъдан аз дустии худ пурсон шуд.*

2) Понятие вещества дискретизируется на качественной основе. При этом языковой коррелят такого понятия, как правило, имеет при себе описательное определение:

Пешидмат шароби афсонавии мӯъчизакоре овард (Ф.М.ПК. 270). = *Le garçon nous a apporté une boisson spiritueuse magique.*

Кроме того, показателем ограниченной (отдельной) массы вещества могут служить слова *андаке*, *каме* (камтар) в таджикском и партитивный (частичный) артикль *du*, *de la*, и количественное наречие *un peu de* во французском языке:

«Бародарам бо пули хар ва даромади аз имоматӣ гирифтаи худаи камтар биринҷ, мош ва равған барои озуқа, шамъи равғани чойдорӣ (дар он вақтҳо, лампа ҳануз дар Бухоро умумӣ нашуда буд), ангишт... ва ҳезум барои сухтан харида тайёр кард» (С.А.Ёд. 189). – *«Avec ce que m'avait rapporté la vente de notre âne, et l'argent gagné par mon frère, qui avait été mollah tout l'été au village de Guijdouvan, nous nous procurâmes du riz, des pois, de l'huile, du charbon, du bois et de la chandelle, car l'usage des lampes était encore inconnu à Boukhara. Ces provisions ne suffisaient pas pour passer l'hiver à deux»* (S.A.V. 174). – Существительные «равған = de l'huile (масло), ангишт = du charbon (уголь)» в таджикском и французском языках являются количественно и качественно неопределенными, в таджикском языке они выражены словом «камтар» и партитивными артиклями *du*, *de la* во французском языке.

«Les enfants qui, laissés libres, buvaient du vin pur et s'attaquaient déjà, sous la table, à coups de pied» (G.M.MT. 147). = *«Кӯдаконе, ки бе назорат монда буданд, андаке майи ноб нӯшида, аллакай дар зери миз бо кафи пойҳояшон якдигарро ба задан даромаданд»*. – В данном случае существительное «vin = май» является количественно и качественно неопределенным и во французском языке выражается партитивным артиклем «du», в таджикском переводе употребляется слово «андаке».

Различие в употреблении партитивности в сопоставляемых языках

Тадж. язык	Франц. язык
камтар → равған, шамъи равғани чойдорй, ангишт	de l'huile, du charbon, de la chandelle

«*Milady se mit à table... but un peu de vin d'Espagne, et sentit revenir toute sa resolution*» (А.Д.ТМ. 245). – «*Миледи сари миз нишаста... андаке майи испанӣ нӯшид ва ҳис кард, ки дубора боз қатъияту устувориаш барқарор шуд*» (А.Д.СМ. 525-526). – Существительное «vin = май» является качественно и количественно неопределенным, во французском языке выражается количественным наречием *un peu de* и словом *андаке* в таджикском.

исследованный фактический материал показывает, что вещественные существительные могут выступать также и в форме мн. числа, при этом выражая качественную и количественную неопределенность. Такая форма, однако, выражает не столько большой объем массы вещества, сколько разновидность, т.е. указывается на различные сорта, разновидности данного вещества:

«*Ў рафиқони худро ба сайри боғу бустонҳо ва кӯҳҳои Уротеппа хоҳад бурд, бо анвои меваҳои ширини дарахтӣ ва заминӣ, шаробҳои ватани худ зиёфат хоҳад кард*» (С.У.АМ. 56). = *Il emmènera ses amis à la promenade aux jardins et aux montagnes d'Urotéppa et les régalerà avec différents fruits et de vins de son pays.* – Семантика существительного «шаробҳои машҳур = des vins connus» (известные вина) является качественно и количественно неопределенной (здесь не указывается, какими именно сортами вин он угощает своих друзей), что обусловлено контекстом; во французском переводе употребляется неопределенный артикль множественного числа с семантикой качественной и количественной неопределенности.

«*Sur une table on trouvait... des fromages et des saucisses*» (G.M.UV. 54).
 = *Дар рӯи мизе... паниру ҳасиб пайдо карданд.* – Количественно и качественно неопределенные существительные «*des fromages, des saucisses* = панир, хасиб» (сыры, колбасы) во французском языке передаются неопределенным артиклем множественного числа *des*; в таджикском переводе семантика реализуется через контекст.

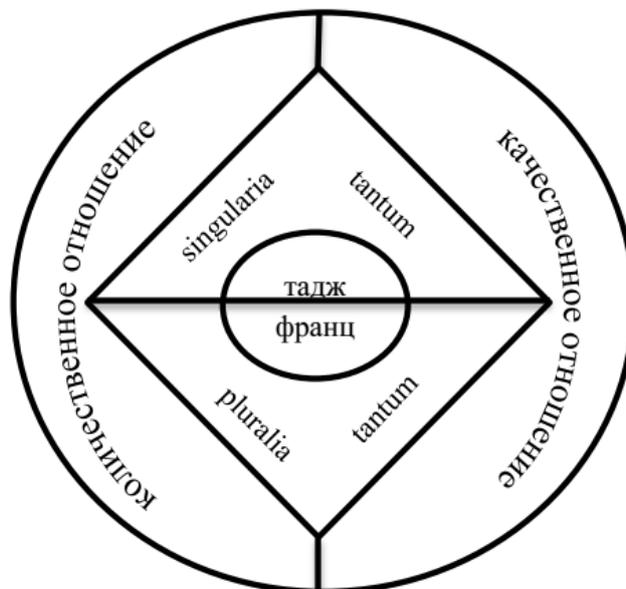

Рис. №1

Следует отметить, что между неопределенным артиклем множественного числа *des* и частичным артиклем *du, de la* имеются различия: указывая на неограниченное количество и качество предметов, форма *des* одновременно служит выразителем расчлененности, что предопределяет ее преимущественное употребление перед исчисляемыми существительными, которые обозначают предметы, подающиеся счету.

Ср.: «*Il achetait des maisons, des bois mais il prenait facilement de l'humeur*» (S.RN. 266).

Частичный артикль *du, (de la)* указывает на неограниченное количество и принадлежит к тем артиклям, которые служат показателями нерасчлененности, что влечет за собой его употребление, главным образом,

перед неисчисляемыми существительными, которые обозначают предметы, не поддающиеся счету:

«*Il y avait ensuite de la viande et des pommes de terre frites*» (А.С.É. 54-55).

«*Nous prîmes du café sur les nattes de la galerie, sans avoir le courage de parler ni de bouger*» (А.Д.ЛМ. 274).

Употребление партитивного артикля в большей мере, чем все другие формы артикля, подвержено влиянию семантики существительного: он тяготеет к именам неисчисляемым.

В таджикском языке, в отличие от французского, словоформа мн. числа может принимать артикль $-e_1$ в случаях, когда существительное имеет при себе определение, выраженное словами *бисёр* или *зиёд* (много). Он ($-e_1$) указывает на большой объем вещества и соответствует французскому *beaucoup de* (много). Такая форма в обоих языках показывает качественную и количественную неопределенность:

«*Дар ин муддат обҳои бисёре аз нахрҳо ҷорӣ шуданд*» (Ҷ.И.Ш. 170). = *Dans ce temps coulèrent beaucoup d'eau dans des ruisseaux.* – Существительное «об=eau» (вода) характеризуется качественной и количественной неопределенностью, которые в таджикском и французском языках выражены количественными наречиями *бисёр*+ $-e_1$ и *beaucoup de*.

В отличие от французского, в таджикском языке наречие *бисёр* принимает неопределенный артикль $-e_1$. Следует отметить, что в таких случаях неопределенный артикль $-e_1$ не выражает неопределенность единственного числа, здесь вся смысловая нагрузка ложится на наречие *бисёр*, которое выражает целую гамму смыслов, не присущих неопределенному артиклю $-e_1$ и не соответствующих ядерной зоне его значений.

«*Nous avons bu beaucoup de cidre*» (G.M.CB. 102). = *Мо шароби бисёре нӯшидем.* – В данном случае семантика количественной и качественной неопределенности существительного «cidre = шароб» (сидр) во французском

языке выражена количественным наречием *beaucoup de* и словом *бисёр* в таджикском переводе. Известно, что степень множества объекта не определена.

Таблица № 6

Семантика количественной и качественной неопределенности

Тадж. язык	Фр. язык
шароби → бисёре	beaucoup de → cidre

Научно-практический материал сопоставляемых языков показывает, что неопределенные вещественные существительные в большинстве случаев во французском языке оформляются с партитивным и (частичными) артиклями *du, de l', de la*, в то время как в таджикском языке они обычно выступают без артикля. Такая форма в таджикском языке указывает на три аспекта:

1. Понятие вещества в ситуации речевого общения ограничено во времени и пространстве. И это понятие по своим признакам не отличается от подобных понятий данной разновидности вещества. При этом существительное выполняет функцию названия ограниченной массы вещества.

Ана, – гуфт кампир, – чой хурда будам, ки арақ омад (Ч.И.ДО. 40). – *Tu vois, j'ai bu du thé et je commence déjà à transpirer* (Dj.I.FF. 49).

Мо гусфанду гӯсоларо фурӯхта орд харидем... (Ч.И.ДО. 65). – *Nous vendîmes le mouton et le veau, nous achetâmes de la farine...* (Dj.I.FF. 82).

В таких случаях объем понятия не максимален, а ограничен и соотносится с конкретным предметом. Существительное обозначает неопределенную величину массы вещества, и такое понятие мы называем частью из целого. Исходя из этого, подобное функционирование немаркированной формы существительного мы включаем в состав неопределенного варианта, который качественно и количественно не определено.

2) Понятие вещества не ограничено, выражает обобщение. Данная характеристика присуща и французскому языку.

Ср.: *Агар **пахта** тилло бошад, одам гавҳари ноёб аст* (А.Ш.ПҚ. 80). = *Si le coton est l'or, l'homme est la perle rare.*

Данную форму нельзя включать в вариант неопределенного состояния, т.к. здесь существительное выражает всеобщую определенность. Определенный артикль во французском языке в таких случаях в своем обобщенном значении выступает в значении родового термина и является субститутом целого класса предметов.

3) Ограниченная масса вещества, которая в данный момент отличается от подобных понятий по каким-то случайным, производным признакам. В таком случае во французском языке существительное стоит с определенным артиклем.

Таким образом, неопределенная форма вещественных существительных во французском и таджикском языках имеет различные варианты. Форма с неопределенным артиклем встречается редко. Она показывает отдельную величину массы вещества. Понятие, выраженное существительным, обычно бывает единичным. Но в содержательном плане оно не отличается от подобных понятий однородной массы вещества. Кроме того, артикль дискретизирует понятие на качественной основе или же показывает сорт, разновидность какого-нибудь вещества. Качественная и количественная неопределенность может быть выражена в форме мн. числа без артикля в таджикском и неопределенным артиклем множественного числа *des* во французском языке, где выделяется совокупность разновидностей вещества. При этом объем понятия является качественно и количественно неопределенным, но по своим признакам стоит в одном ряду с понятиями подобных себе веществ. В большинстве случаев неопределенность в таджикском языке выражается без артикля, но во французском языке сопровождается артиклем. Такая форма обозначает неопределенный объем понятия, но она ограничена. Кроме того, форма без

артикла может выражать обобщение и определенность (последняя характеристика присуща только таджикскому языку).

Артикль и неопределенная форма отвлеченных существительных

В таджикском и французском языках способ оформления качественной и количественной определенности/неопределенности абстрактных существительных в определенной степени отличается от исчисляемых имен. Это обусловлено тем, что они не способны к дроблению, членению и не образуют классы. Они выражают отдельные стороны, свойства, отношения предметов и явлений действительности. Поэтому содержание с отвлеченными именами таджикского и французского языков имеет специфическую особенность, которая связана с тем, что определение объема и содержания понятия отвлеченных существительных основано на абстрагирующей деятельности человеческого мозга.

Во французском языке для выражения определенности/неопределенности абстрактными именами существительными особый случай представляет использование партитивного артикла перед ними. Как отмечает Л.Ю.Андреевна, «в этом случае обычно наличествует качественная определенность, обеспеченная непосредственно самой семантикой таких абстрактных существительных, и количественная неопределенность: как известно, к абстрактным существительным не применимо точное количественное исчисление, выражением количественной определенности может являться лишь указание меры и степени» [51, с.23].

Ср.: «*En un moment il n'y eut plus sur sa physionomie que de la hauteur et de la colère contre lui-même*» (S.RN. 70). – «Дар он акнун ба ғайр аз ғурур ва ҳисси ғазаб ба худ дигар эҳсосоте ҳувайдо набуд» (С.СС. 76). – Существительное «de la hauteur = ғурур, de la colère = ғазаб» (высокомерие, гнев) характеризуется качественной определенностью и количественной неопределенностью, поскольку речь идет о чувствах высокомерия и гнева, присущих человеку, степень чувств выражается партитивным артиклем во

французском тексте без указания меры; в таджикском переводе семантика обусловлена контекстом без каких-либо детерминативов.

Как показывают исследования, в сопоставляемых языках на определенном уровне абстрактные имена обозначают понятия во всем их объеме или подчеркивают конкретизированное понятие, которое оформляется теми же показателями, что и исчисляемые существительные.

«*Dans cette baraque il y avait la liberté, la bonne conscience, le courage, le dévouement, l'innocence, le bonheur, l'amour, toutes les constellations*» (V.H.HR. 149). = *Дар ин хонаи муваққатӣ ӯ озодӣ, поквичдонӣ, часорат, соддадилӣ, хушбахтӣ, ишқ, ва тамоми он зумраро дошт.* – В данном случае присутствует количественная и качественная определенность существительного «*la liberté, la bonne conscience, le courage, le dévouement, l'innocence, le bonheur, l'amour* = *озодӣ, поквичдонӣ, часорат, соддадилӣ, хушбахтӣ, ишқ*» (свобода, чистая совесть, преданность, наивность, счастье, любовь), обозначающего понятие во всем объеме, которое присуще определенному лицу. Во французском языке эти абстрактные существительные выражаются определенным артиклем; в таджикском переводе определенность обусловлена контекстом.

«*Ин ҷавон аз сабаби фочиае, ки ногаҳонӣ дучор шудааст, хеле бемадор шуда буд*» (С.А.ЧБ. 46). = *Le malheur qui était arrivé à ce jeune homme par hasard, l'a rendu faible.* – Существительное «*фочиа* = *le malheur*» (несчастье), оформлено определенным артиклем в таджикском и французском языках, который конкретизирует их функции; они качественно и количественно детерминированы придаточным определительным предложением; употребление в придаточном определительном предложении *plus-que-parfait* во французском языке и употребление прошедшего времени в предложениях таджикского языка обозначает предшествующее действие в плане прошедшего и связывающее антецедент с определенным моментом прошлого, что, в свою очередь, также оказывает влияние на детерминацию существительного.

2.2. Значение определенности, выраженное артиклем в таджикском и французском языках

Способы оформления определенного состояния существительного в сопоставляемых языках резко отличаются друг от друга. Во французском языке такое состояние имеет свои форманты (определенные артикли *le, la, les*). В таджикском языке из-за слабой развитости определенного артикля способ преломления определенности представляется сложным, так как сфера действия указательно-определенного артикля $-e_2$ ограничена антецедентом определительного придаточного предложения. Следовательно, вне антецедента определенность существительного выражается без артикля.

Определенные артикли французского языка выступают показателем определенности существительного, когда речь идет о каком-нибудь предмете (предметах) не в первый раз, т.е. определенность имени зависит от предыдущего контекста, и поэтому такое условие называется контекстным:

*«Un jeune monsieur avec une chaîne de montre en or, descendit, donnant la main à **une vieille dame** en cheveux blancs. **La vieille dame** lui dit: – C'est là, mon enfant à la seconde maison»* (G.M.CB. 120). = *Чавонмарде бо занцираи соати тиллогин, аз мошин фаромада, дасти худро ба **як зани солхӯрдаи** мӯйҳои сафед дошта дод. **Он зани солхӯрда** ба ӯ гуфт: – Ин ҷо писарам, хонаи дуюм.* – В первом случае существительное «*une vieille dame*» (дама в преклонном возрасте) во французском языке характеризуется количественной определенностью и качественной неопределенностью, так как оно впервые вводится в контекст; семантика неопределенности подчеркивается неопределенным артиклем единственного числа *une*.

Во втором случае наличествует контекстуально обусловленная количественная и качественная определенность, выраженная определенным артиклем единственного числа *la*; в таджикском языке перевод семантики количественной определенности и качественной неопределенности так же, как во французском языке, находит эксплицитное выражение в употреблении

неопределенного артикля перед словом «як зани солхӯрда»); далее это существительное уже оформляется указательным местоимением *он*.

Как видно из примера, в таджикском языке, в отличие от французского, при повторном употреблении существительного «*la vieille dame*» не используется определенный артикль и, как уже было отмечено, вне антецедента для оформления определенного состояния имени таджикский язык таким артиклем не обладает и в случаях анафоры функцию такого артикля обычно берут на себя указательные местоимения *он* (тот), *ҳамон* (тот) и реже *ин* (этот), *ҳамин* (этот), которые, выступая в атрибутивной функции, не имеют формы мн. числа и в значительной степени ослабляют свою семантику. Встречаются случаи, когда существительное в определенном состоянии стоит без этих указательных местоимений.

«*Ў бе салому калом ба купеи Арслоналӣ омаду бо ҷомадон ба китфи **як марди пиронсоли** сару либосаш кӯҳна оҳиста зада, сар ҷунбонда ба ишораи «онсутар нишин»-ро дод. **Пирамард** аз ин беодобӣ наранҷид*» (Р.Ҷ.АМ2. 30).

– Семантика количественной определенности и качественной неопределенности в первом случае вводится в контекст и подчеркивается неопределенным артиклем *як*.

Во втором случае присутствует контекстуально обусловленная количественная и качественная определенность, выраженная имплицитно без каких-либо детерминативов «пирамард».

Если перевести это предложение на французский язык, то, соответственно, в первом случае семантика количественной определенности и качественной неопределенности выражается неопределенным артиклем единственного числа «*un vieillard*» (старик). Во втором случае наличествует количественная и качественная определенность, которая выражается определенным артиклем единственного числа «*le vieillard*», где определенный артикль *le* выступает в анафорической функции:

*Dans le compartiment d'Arslonali apparut un homme... et a donné un petit coup avec sa valise à l'épaule d'un **vieillard** vêtu de vieux vêtements, qui lui signe de bouger. **Le vieillard** ne s'est pas fâché de cette impolitesse.*

По словам К.Усманова, разница между формами имени с местоимением и без него заключается в том, что форма с местоимением в смысловом отношении более тесно связана с предыдущим предложением, чем без него. К тому же первая, как правило, рематична, а вторая – тематична [102, с.72].

Следовательно, несмотря на средство оформления определенного состояния существительных исследуемых языков, их соответствующие словоформы в логическом аспекте равнозначны.

В таджикском языке при обозначении определенного множества предметов существительное опять-таки лишено положительных маркеров, кроме *ин, он* (хамин, ҳамон) и послелога *–ро*. Во французском языке и в этом случае употребляется определенный артикль множественного числа *les*, который указывает на полный охват количества предметов, о которых идет речь. Сравним параллельные примеры:

«Вақте ки созандагон асбоби созу навози худро гундошта ба рафтаи тайёри мидиданд, ман хабардор шудам, ки меҳмонон ҳамагӣ пароканда шуда рафтаанд» (С.А.Ёд. 16). – *«Lorsque **les musiciens** se préparèrent à partir, je m'aperçus que tous **les invités** s'étaient déjà dispersés»*. (S.A.B. 20). – Качественная и количественная определенность существительных «созандагон, меҳмонон = *les musiciens, les invités*» (музыканты, гости) обусловлена контекстом (речь идет о музыкантах и гостях, которые были приглашены на торжество) и передается в таджикском языке без каких-либо детерминативов; во французском переводе семантика качественной и количественной определенности выражается определенным артиклем множественного числа *les*.

*«Mme de Rénal passa toute la journée gaiement avec Julien à diriger **les ouvriers**»* (S.RN. 49). – *«Хонум де Ренал ба коргарон раҳнамунӣ карда, он*

рӯзро ҳамраҳи Жюлен хушу хуррам гузаронд» (С.С.С. 55). – Существительное «les ouvriers = коргарон» (рабочие) во французском языке является качественно и количественно определенным благодаря употреблению определенного артикля множественного числа *les*; в таджикском переводе качественная и количественная определенность обусловлена контекстом.

Из примеров видно, что употребление существительного во мн. числе с определенным артиклем выделяется в определенную «объединяюще-изолирующую» функцию - оно как бы объединяет данную группу предметов вместе и изолирует уже не каждый компонент этой группы, а всю группу вместе от остальных предметов данного класса.

«Дар Петроград, дар Москва ва дар дигар шаҳрҳои калон болшевикон банкхоро гирифтанд; фабрикҳо ва заводхоро гирифтанд; парохудҳои дарёхоро гирифтанд; роҳҳои оҳан ва вагонхоро гирифтанд» (С.А.МС. 167). – *A Petrograd, à Moscou et dans les autres grandes villes, les bolcheviks ont pris les banques, ont pris les usines, les fabriques, les trains, les bateaux, et ont donné toute la terre aux laboureurs* (S.A.MU. 154). – В данном случае качественная и количественная определенность в таджикском языке выражена имплицитно с помощью послелога «-ро», который во французском тексте эксплицитно передан артиклем множественного числа *les*.

Таблица №7

Передача определенности в таджикском и французском языках

Тадж. язык	имя существительное	окончание	послелог (артикуль)
	вагон	ҳо	ро
Франц. язык	артикуль	имя существительное	окончание
	les	wagon	s

Следует отметить, что в таджикском языке, в отличие от французского языка, существительное, имеющее при себе количественное числительное, как правило, формант мн. числа не принимает:

«*Ҳар ду хар аз назари тамошобинон зоиби шуданд*» (С.А.Ёд. 119). – «*Les deux bêtes disparurent derrière les arbres et les collines*» (S.A.B. 115). – Существительное «хар ду хар = les deux bêtes» (два осла) характеризуется количественной и качественной определённой в таджикском языке, выражается определительным местоимением *хар* (все) и количественным числительным *два*; во французском тексте семантика также передается определенным артиклем множественного числа *les* и количественным числительным *deux*. Возможен и более усиленный вариант перевода: *хар ду хар = tous les deux bêtes*, где артикль плюс числительное является достаточным, чтобы передать заданную семантику.

«*Дар вақти вохӯрдӣ одами пешгоҳнишин нимхез шуд, аммо он ду мӯйсафед кифтҳошонро начунбонда дасташонро дароз карданд*» (С.А.МС. 74). – «*L'homme du coin me rendit mon salut, et se souleva, legerement, mais les deux vieillards ne firent que me tendre leurs mains, sans bouger de leurs places*» (S.A.MU. 115). – Семантика качественной и количественной определенности существительного «он ду мӯйсафед = les deux vieillards» (два старик) в таджикском языке передается указательным местоимением «он» (тот) и количественным числительным *ду* (два); в переводе с французского семантика подчеркивается определенным артиклем множественного числа *les* и количественным числительным *deux*.

По правилам грамматики таджикского языка существительное после нумеративов не получает формат множественного числа. Между тем, в таджикском языке имеются случаи, формат которых принимает мн. число. В большинстве случаев это ощущается при использовании определительного местоимения *хар* (все), который употребляется с количественным числительным, подобно определенному артиклю определяет качество и количество предметов:

«*Ҳар ду тирезаҳо низ дутабақа кушода буданд*» (Ҷ.И.ДО. 88). – «*Les deux fenêtres étaient ouvertes*» (Dj.I.FF. 107). – В данном случае существительное «хар ду тирезаҳо = les deux fenêtres» (оба окна)

характеризуется качественной и количественной определённой, выраженной в таджикском языке определительным местоимением *ҳар* (все) и количественным числительным *ду* (два); во французском тексте семантика также передается определенным артиклем множественного числа *les* и количественным числительным *deux*.

«*Julien, heureux, libre, et même quelque chose de plus, roi de la maison, conduisait les deux amies, et jouissait de leur admiration pour ces aspects sublimes*» (S.RN. 51). – «*Жюлени хушхол, озод ва ҳатто, то дараҷае кадхудои хонавода ҳар ду дугонаҳоро ана ба хамин ҷо, ба қуллаи ин харсангҳои овезон ба сайр оварда ва аз манзараҳои бошукӯҳ ба ҳайрат омадани ононро дида, ҳаловат мебурд*» (С.СС. 57). – Существительное «*les deux amies = ҳар ду дугонаҳо*» (обе подруги) во французском языке является качественно и количественно определенным благодаря употреблению определенного артикля множественного числа *les* и количественного числительного *deux* (два); в таджикском переводе качественная и количественная определенность обусловлена употреблением определительного местоимения *ҳар* (все) и количественного числительного *ду* (два).

Как видно из сопоставительного анализа, переводов, в этих предложениях в таджикском языке имя существительное согласуется с числом.

Таблица №8

Согласование определенного существительного в сопоставляемых языках

Тадж. язык	местоимение	числительное	имя существительное	окончание
	ҳар	ду	тиреза	(-ҳо)
	↓	↓	↓	↓
Франц. язык	артикуль	числительное	имя существительное	окончание
	les	deux	fenêtre	-s

Надо отметить, что имя с указательным местоимением обычно не принимает мн. число, и это наблюдается при употреблении определительного местоимения *ҳар* (все).

Ср.: *он ду муӣсафед* → *ҳар ду тирезаҳо*

В таджикском языке определенный артикль $-e_2$ в antecedente подобно французскому *les* встречается в именах, определяемых числительным, объект которого в данном случае является качественно и количественно определенным:

«*Аз ду тирезае, ки ба рӯи ҳавлӣ кушода мешуданд, равшании лампаи хонаи калон андаке акс мекард*» (Ч.И.ДО. 329). – «*Par les deux fenêtres, qui donnaient sur la cour, la lampe de la grande pièce éclairait d'une lumière pale*» (Dj.I.FF. 392). – Здесь количественная и качественная определенность antecedента существительного «ду тиреза = *les deux fenêtres*» обусловлена употреблением определенного артикля $-e_2$ и количественного числительного *ду* (два) в antecedентом придаточно-определятельном предложении; во французском языке antecedент определен по линии качественности и по линии количественности благодаря употреблению определенного артикля множественного числа *les* и числительного *deux* перед antecedентом.

Аналогичен следующий случай:

«*Les deux chambres qu'il avait louées étaient encombrées par ses livres*» (S.RN. 136). – «*Ду умоқе, ки акнун ӯ киро кард, бо китобҳои нур шуда буданд*» (С.СС. 147).

Стоит отметить, что определенный артикль $-e_2$, используемый только в придаточных определительных предложениях, совместно с союзом *ки* подчиняется главному предложению. В таджикском языке в начале придаточного предложения союз *ки* служит только для связывания придаточного предложения с главным предложением. Для этого также нужно знать причину широкого употребления союза *ки* и его абстрактное значение [89, с.272].

Способы оформления определенного состояния единственного числа существительных в таджикском языке отличаются от французского языка; в таджикском языке сфера действия указательно-определенного артикля –*e*₂ ограничена антецедентом определительного придаточного предложения. Следовательно, вне антецедента определенность существительного выражается без артикля. По этому вопросу, как правильно отмечает Ш.Рустамов, в современном литературном таджикском языке нет определенной морфологической категории. В существительном таджикского языка это определение выражается различными способами семантики, словаря и синтаксиса [86, с.17].

«*J'ai entendu en même temps le directeur me dire que la voiture attendait sur la route et le prêtre commencer ses prières*» (А.С.É. 23). – «*Директор гуфт, ки аробаи тобуткашӣ аллакай интизор аст, ва кашиш инро шунида, ба дуохонӣ даромад*» (А.К.Б. 22-23). – Существительные «le directeur» (директор), «la voiture» (катафалк) и «le prêtre» (священник) в французском варианте характеризуются качественной и количественной определенностью благодаря употреблению определенного артикля единственного числа *le, la*; в таджикской версии существительные «директор», «аробаи тобуткашӣ» и «кашиш (рӯҳонӣ)» конкретизированы контекстом имплицитно и воспринимаются как определенные объекты без дополнительных указателей.

«*Самоворчӣ бедор шуда дид, ки асп дорам*» (С.А.МС. 71). – «*L'aubergiste se réveilla, ouvrit la porte, et, voyant que j'avais un cheval, fit lever le domestique*» (S.A.MU. 112). – Существительное «самоворчӣ = aubergiste» (чайханщик) характеризуется количественной и качественной определённой, выраженной имплицитно в таджикском тексте, который конкретизирован контекстом и воспринимается как определенный объект без дополнительных указателей; во французском переводе семантика качественной и количественной определенности передается определенным артиклем единственного числа *le*.

Следует подробнее остановиться на оформлении антецедента придаточных предложений, ибо в таджикском языке распространено мнение, что артикль $-e_2$ в антецеденте всегда указывает на определенность. Языковой материал свидетельствует о возможности употребления и $-e_1$ (артикля единичности-неопределенности), и $-e_2$ (артикля указательности-определенности) в антецеденте; каждый из артиклей имеет свою логическую направленность и коммуникативную нагрузку:

1) «Дар он чо **столе** гузошта шуда буд, ки рӯяш бо байрақи сурх нушида буд» (Ҷ.И.ТВ. 7). = *Il y avait **une table**, qui était couvert d'un drapeau rouge.*

2) «Рӯзибой Истадро то ба қарибии **ҳавзе**, ки дар миёнаҷои чорбоғ буд, гурифта бурду мақсадашро фаҳмонид» (Д.И.ДО. 52). – «*Rouzibai conduisit Istad vers l'étang, au milieu du jardin*» (Dj.I.FF. 65).

Как видно из первого примера, в обоих языках придаточное предложение содержит лишь дополнительное сообщение о существительном «стол» (table); оно определяет признак предметного понятия, содержание которого не конкретизируется, хотя его объем равен единице. Предмет обладает существенными признаками своего класса и поэтому является количественно определенным и качественно неопределенным. Существительное «стол» в исследуемых языках показывает рему суждения, что выражает и придаточное предложение. Трансформация его дает следующий результат:

- в таджикском языке: *Дар он чо **столе** гузошта шуда буд. Рӯи он стол бо байрақи сурх нушида буд.*

- во французском языке: *Il y avait **une table**. La table était couvert d'un drapeau rouge.*

Имя-антецедент в обоих языках не является определенным ни эксплицитно, ни имплицитно.

Из второго предложения же видно, что в обоих языках придаточная часть сообщает об отличительном, исключительном признаке имени-

антецедента, который является качественно и количественно определенным. Он выражает единичное понятие, которому присущ производный, случайный признак, делающий его определенным. Центр сообщения (рема) не заключен в антецеденте. Придаточное предложение является темой всего сложноподчиненного предложения. Обратите внимание на трансформацию:

- в таджикском языке: *Рӯзибой Истадро то ба қарибии ҳавзе гирифта бурд. Он ҳавз дар миёнаҷои чорбоғ ҷой гирифта буд.*

- во французском языке: *Rouzibaï conduisit Istad vers une étang. Cet étang se trouvait au milieu du jardin.*

Трансформация последнего предложения показывает что, в отличие от предыдущего примера, определяемое слово-антецедент является качественно и количественно определенным.

Следует отметить, что в таджикском языке, в отличие от французского, имя-антецедент, определенное указательно-выделительное придаточное предложение, может оформляться не только артиклем $-e_2$, но и его лексическим аналогом *ин* (хамин), *он* (хамон). Допустимо также и параллельное употребление указательного местоимения и артикля $-e_2$ при одном существительном, а во французском языке указательные местоименные прилагательные и артикли *le, la, les* исключают друг друга.

Ср.: «*Дар вақте ки Ятим бо ҷою нон шикамаширо сер кард, боз дар кушода шуда ҳамон одаме, ки ҷою нонро оварда буд даромад*» (С.А.Ят. 400).
= *Quand Yatim a mangé, la porte s'est ouverte de nouveau et la même personne est entrée.*

Наличие местоимений *он* и *хамин* в антецеденте свидетельствует о том, что говорящий указывает либо на уже известный предмет, либо на предмет, соотносящийся с моментом речи. Здесь привлекает внимание тот факт, что в случае параллельного употребления местоимения и артикля они выполняют коррелятивную функцию, что верно констатирует Д.Таджиев [100]. Опущение придаточного приводит к незавершенности главного предложения, что говорит о том, что между коррелятором и придаточным

предложением существует тесная логическая связь, ибо они дополняют друг друга.

Однако форма мн. числа имени-антецедента с указанными показателями обоих языков имеет некоторую особенность. Она заключается в том, что обозначаемая таким именем совокупность предметов имеет некий общий производный признак, который сообщается придаточным предложением. Именно этот производный признак объединяет их как одно целое и изолирует эту нерасчлененную совокупность от остальных представителей класса. Исходя из этого, не будет ошибочным считать, что в таких случаях объем понятия равен единице. В отношении содержания ему свойственен исключительный признак:

«Ҷойнамозҳое, ки дар зери айвон партофта шуда буданд, бо вучуди бо санғҳои махсус зер карда монда шуданашон, ба ҳар тараф кашол шуда, ба болои зина ва атрофи сутунҳо печалак заданд» (Ҷ.И.ДО. 160). – *«Les petits tapis disposés pour la prière se dispersèrent de tous côtés sans que les pierres posées dessus ne pussent les retenir»* (Dj.I.FF. 198).

Другими средствами, сообщающими о качественной и количественной определенности/неопределенности имени в таджикском языке, является порядок слов и ударение:

«Аз катер чавони хушқаду қомати олуфталибос поён фаромад» (П.Т.К2. 83). = *Un beau jeune homme bien vêtu descendit du canot.*

Стоящее ближе к концу предложения (к сказуемому) слово «чавон» (юноша), принимая логическое ударение на себя, выражает незнакомость юноши слушающему. Центр сообщения (рема) заключен именно в этом слове. Если сказать: *Чавони хушқаду қомати олуфталибос аз катер поён фаромад*, то на слово «чавон» падает обычное фразовое ударение, и, находясь в начале предложения, оно выражает качественную и количественную определенность этого имени. Данное предложение переводится на французский язык следующим образом: *Le beau jeune homme bien vêtu descendit du canot.*

Фактический материал указывает на то, что в таджикском языке основным способом дифференциации немаркированной формы имени по линии ее качественной и количественной определенности или неопределенности является порядок слов и ударение: определенное имя обычно стоит ближе к началу предложения и на него падает фразовое ударение, неопределенное имя занимает более конечное положение и принимает логическое ударение.

В таджикском и французском языках имя существительное может выступать в генерализирующем значении, обозначая объект во всей его целостности. Следует отметить, что в таджикском языкознании вопрос об обобщении не получил должного освещения. Во французском языке выделяются две основные функции определенного и неопределенного артикля: генерализирующая и индивидуализирующая (Brunot, 1965: 167-170; Илия, 1956: 5-10; Васильева, Пицкова, 2004: 29-34 и др.). Г.Гийом [125], Ж.Дамурет и Е.Пишон [119] выделяют у французского артикля генерализирующую и индивидуализирующую функции, которые заключаются в отражении понятия объема и понятия содержания. По их мнению, в функции генерализации нейтрализуется оппозиция форм и значений, так как *le* и *un* в данной функции нередко синонимичны или различаются лишь некоторыми оттенками. В таджикском языке, в отличие от французского, существительное в этой функции обычно употребляется без артикля (без субститутов) или детерминативов; исключения составляют артикль *-e₂* и послелог *-po*, которые в определенных контекстных условиях могут быть использованы с существительным, выступающим в генерализованном значении.

Ср.: «*Гиёҳ ҳам одаму ҳайвон барин бо об зинда*» (Ч.И.ДО. 23). – «*Les plantes, les animaux et les hommes ne peuvent vivre sans eau*» (Dj.I.FF. 27). – Существительные «гиёҳ, ҳайвон» (растения, животные) имплицитно воспринимаются в таджикском языке в обобщающем значении (все растения); носители французского языка подтверждают эту семантику

употреблением определенного артикля множественного числа *les* в генерализирующей функции «*les plantes, les animaux*». Слово «одам = *les hommes*» (люди) также употреблено в генерализирующем значении (все люди, люди вообще), что выражено определенным артиклем *les* в генерализирующей функции во французском переводе; в таджикском тексте контекст достаточен для восприятия слова «гиёх» «одам» и «хайвон» в обобщающей функции, например:

«Хирсе, ки зимистон хоб нарафт, аз ҳеҷ бало ҳазар намекунад»
(Б.Ф.ТН. 135). = *L'ours qui n'a pas dormit l'hiver, n'a pas peur de rien.*

«Par conséquent l'homme doit protéger et respecter la bête» (G.M.DHG. 20). = *Ҳамин тавр инсон бояд ҳайвонро ҳифз намуда, ба ӯ эҳтиром гузорад.*
– В данном случае в этих предложениях существительные «хирс, одам, хайвон» (медведь, человек, животное) имплицитно воспринимаются в таджикском языке в обобщающем значении употребления артикля $-e_2$ (хирсе, ки) и $-ро$ (хайвонро); во французском языке эта семантика передается определенному артиклю единственного числа *le, la* в генерализирующей функции «*l'ours, l'homme, la bête*».

В сопоставляемых языках экстралингвистические факторы также могут оказывать влияние на качественную определенность. Так, если речь идет об объекте, уникальном в своем роде, например, о планетарных телах (солнце, луна), архитектурных памятниках и плодах творения человека (Кааба, Эйфелева Башня, Собор Василия Блаженного), других аналогичных предметах объективной реальности, обозначающие их существительные изначально несут семантику определенности вследствие своей уникальности, единственности.

В рамках нашей солнечной системы такие планетарные тела, как *Солнце, Луна, Земля* являются уникальными - это обуславливает их экстралингвистическую определенность:

«Офтоб ҳамон вақт ба қиём рост шууда буд, ки соати 12-ро нишон медод» (С.А.МС. 78). – *«Le soleil était au zénith»* (S.A.MU. 120).

«Vers les onze heures **la lune** se leva, à minuit et demi elle éclairait en plein la façade de l'hôtel donnant sur le jardin» (S.RN. 340). – «**Моҳ** қарибиҳои соати ёздаҳ тулуъ карда буд ва ҳоло дар соати дувоздаҳу ним пешайвони ҳавлиро, ки ҷониби бог мебаромад, ба нури равшане мунаввар мекард» (С.С.С. 363).

Общеизвестные архитектурные памятники, произведения искусства, известные великие творения человека неповторимы и, соответственно, полностью детерминированы:

Le Louvre – Лувр, Le Taj Mahal – Тадж-Махал, La Mosquée-cathédrale de Cordoue (Mezquita de Córdoba) – Месquita, Vénus de Milo – Венера Милосска.

Для монотеистических религий характерна концепция Единого (единственного) Бога. Существительное «Dieu» (Худо), как правило, в таджикском и французском языках употребляется без артикля и каких-либо других детерминативов, и оно полностью имплицитно детерминировано в обоих языках:

«Дунёро **Худо** сохта ба ману шумо, ба ҳамаи инсу ҷинс дода ва амонӣ бахшидааст, ки осуда ва бароҳат зиндагӣ кунед» (Ҷ.И.ДО. 271). – «**Dieu** a créé les hommes pour qu'ils vivent en paix, pour qu'ils ne connaissent pas les discordes et jouissent d'une vie merveilleuse» (Dj.I.FF. 324).

Философские термины *беинтиҳой* (бесконечность), *коинот* (вселенная), *ҳастӣ* (бытие), *шуур* (сознание) и т.д. так же определены экстралингвистически:

«Il ouvrit dans **l'Univers**, une porte à l'Est et une autre porte à l'Ouest pour livrer passage au soleil» (P.G.CBP. 17). = Дар **дахр** ӯ даре ба шарқ ва як дари дигар ба ғарб вонамуд, то ба сӯи офтоб роҳ кушояд.

Экстралингвистический предмет не может быть изначально неопределен. Даже сами понятия «*номуайяни* = l'indétermination» (неопределенность), «*нестӣ* = le néant» (небытие), «*номаълум* = l'inconnu» (неведомое), «*имконнопазирӣ* = l'impossibilité» (невозможность), «*норавшанӣ* = l'obscurité» (неясность), «*носаҳеҳӣ* = l'inexactitude» (неточность), «*тасодуфӣ* = l'imprévisibilité, l'imprevu» (непредвиденность), «даркнашаванда =

l'incompréhensibilité» (непостижимость) и т. д., и их производные в отличие от таджикского языка, могут употребляться с определенным артиклем:

«*Les premiers développements restent pour nous dans l'obscurité*» (Н.С.НPhI. 205). = *Аввалин нешравиҳо барои мо номаълуманд*.

Существительные, обозначающие единицы измерений (вес, время, расстояние и др.), являются изначально детерминированными. В данном случае определенность переходит в темпоральную (мера времени), локальную (мера расстояния) определенность:

«*A six heures, le marquis le fit demander, il regarda avec une peine évidente les bottes de Julien: J'ai un tort à me reprocher, je ne vous ai pas dit que tous les jours, à cinq heures et demie. Il faut vous habiller*» (S.RN. 244). – «*Соати шаш маркиз аз паи Жюлен кас фиристод; чун Жюлен ҳозир шуд, – маркиз бо димоғи сухта ба мӯзаи ӯ нигоҳ кард ва гуфт: Ин кӯтоҳӣ аз тарафи ман сар задааст: гуфтани онро фаромуш кардаам, ки ҳар рӯз дар соати панҷу ним бояд либос пӯшед*» (С.С.С. 262). – «*A sept heures = соати шаш*» (шесть часов), «*à cinq heures et demie = соати панҷу ним*» (половина шестого) – обозначен конкретный момент времени.

«*Бародари калонам ба Табариён ном деҳа, ки аз мо шонздаҳ километр дурӣ дошт, рафта имом шуд*» (С.А.Ёд. 161). – «*Mon frère aîné se sentit complètement rétabli. Mais il ne vécut pas longtemps chez nous et se fit mollah au village de Tabarion, à seize kilomètres du nôtre*» (S.A.B. 159). – Обозначено определенное расстояние «*шонздаҳ километр = seize kilomètres*» (шестнадцать километров).

Географические названия стран, рек, гор и другие, отражающие объективную реальность, всегда определённые и уникальные:

«*Ҳамон сол дар Зарафшон аввал об кам шуда...*» (С.А.Ёд. 59). – «*Cette aniee-là, le Zéravchan contenait peu d'eau*» (S.A.B. 61).

Известно, что в таджикском и французском языках артикль является одним из основных показателей категорий определенности/неопределенности, но в плане изучения средств выражения

определенности/неопределенности в сопоставляемых языках особый интерес представляют случаи употребления существительных без артикля или других детерминативов.

Очевидно, что при решении поставленных задач заслуживают внимания только существительные без артикля или детерминативов, сохраняющие значение предметности.

Мотивы опущения артикля в таджикском и французском языках могут быть формально-грамматическими или стилистическими. Хрестоматийный перечень условий без употребления артикля (или детерминатива) французского языка перед существительным находит подробное отражение в грамматических пособиях [Илия, 1956: 46-103; Nicolskaïa, Goldenberg, 1982: 46-62 и др.]. В таджикском языке мотивы опущения артикля до сих пор подробно не изучены, но этот вопрос кратко рассматривается в академической грамматике.

В настоящем исследовании делается попытка установить условия, при которых существительные в таджикском и французском языках без сопровождения артикля представляют предмет как определенный или неопределенный. Проведенное исследование показало, что определенность или неопределенность существительных без артикля или других детерминативов, как правило, реализуются на уровне микроконтекста, т.е. словосочетания и предложения.

Изучение вопроса позволяет констатировать следующие факты:

1) во французском языке при отрицательной форме глагола перед существительным вместо артикля употребляется предлог *de*, если в данном случае отрицание является абсолютным. В таджикском языке для этой цели употребляются отрицательные частицы *na*, *ne*, подобно французскому языку когда существительное лишается артикля.

Ср.: «*Mais moi, je n'ai pas de cheval, dit d'Artagnan* (А.Д.ТМ. 365). – *Аммо ман асп надорам, гуфт дар ҷавоб д'Арманян*» (А.Д.СМ.402). – В рамках этого предложения выражено абсолютное отрицание (т.е.

определенность отрицания) наличие «cheval-асп» (лошадь): у адресанта нет вообще никаких лошадей.

«*Пул надорам, даромада худатон бинед, хуҷаин! – гуфт нафаскашон мӯйсафед*» (Ч.И.ДО. 56). – «*Je n'ai pas d'argent, entrez voir vous-même, maître, prononça le veillard qui respirait péniblement*» (Dj.I.FF. 70). – Отрицательная форма глагола «доштан-avoir» (иметь) указывает на абсолютное отрицание наличия «пул-argent» (денег) у старика.

Следует отметить, что таджикский глагол «доштан» выступает как неоформленное дополнение (без послелога –ро), французский вариант которого оформляется предлогом *de*. В таджикском языке отрицательная частица *на* употребляется обычно перед глаголом, который пишется слитно, но во французском языке отрицательная частица *ne* всегда предшествует личной форме глагола, а второе *pas* (*point, plus, jamais* и др.) – ставится после спрягаемого глагола. Далее в таджикском языке, в отличие от французского, личное местоимение «ман» может выражаться в энклитической форме.

Таблица №9

**Разница в употреблении категории
определенности/неопределенности в таджикском и французском языках**

Тадж. язык	Франц. язык
1. <u>на</u> → доштам (<u>на</u> доштам)	1. je <u>n'</u> → avais → <u>pas</u>
2. (<u>на</u> доштам) <u>на</u> дошт → <u>ам</u>	2. <u>je</u> → n'avais pas

В таджикском литературном языке [28] отрицательная частица *на* выполняет не только отрицательную функцию, но и утвердительную. Поэтому, когда появляется специфика стиля вышеуказанной частицы, то глагол является сообщением и доказательством чего-то или местом субъекта.

«*Савдогари гайюр ва корчаллони сугдӣ ба кучоҳое, ки **нарафт***» (С.У.РС. 12).

В таджикском и французском языках артикль не употребляется, если речь идет об универсальных единицах измерения (мера веса, объем и т. д.), то

присутствует четко выраженная количественная определенность, обусловленная внеязыковой реальностью (як кило қанд = un kilo de sucre, як литр шир = un litre de lait). При отсутствии указания на конкретную меру веса, объем и т.д. присутствует слабая степень количественной определенности (як сабад себ = un panier de pommes, як гурӯҳ сайёҳон = un groupe de touristes). Во французском языке качественная определенность или неопределенность может быть обусловлена лексической семантикой самого существительного, вводимого предлогом *de*.

«Дар пайраҳаи боғи табобатхона як гурӯҳ одамони солхӯрда рост истода, ба тирезаи палатаи кунҷаки менигаристанд». (Ф.М.ПК. 366). = *Dans l'avenue du jardin de l'hôpital réstait un group d'hommes âgés, qui regardaient la fenêtre de la chambre du coin du bâtiment.* – Слабая степень количественной определенности существительного «одамони солхӯрда = des hommes âgés» (пожилые мужчины) обусловлена семантикой слова «як гурӯҳ» (группа) в таджикском, и «un groupe» плюс *de* во французском, не содержащего указания на конкретное число (группа может состоять из различного количества людей); существительное «hommes âgés» характеризуется слабой качественной определенностью, поскольку указана только принадлежность данной группы мужчин.

«Зоҳирхӯҷаи боғбон як сабад себи «суманӣ»-ро чида, ба лаби сарҳавз овард» (А.Ш.ПҚ. 8). – В данном случае наличествует слабая степень количественной определенности существительного «себ» (яблоко), вводимая словом «як сабад». В таджикском языке и «un panier» (корзина) + *de* французского: корзина может быть разного объема и не является универсальной единицей измерения объема или веса; данное существительное определено качественно по линии принадлежности конкретному лицу.

«Акнун фикр мекунам, ки вақте ки ба 64 пул 4 кило биринчи нағз диҳанд, ба ҳаши пул ним кило биринҷ мешавад, ки ин хеле пули калон будааст» (С.А.МК. 27). – «Maintenant je comprenais que si avec soixante-

quatre pouls on obtenait quatre kilos du meilleur riz, huit pouls devaient suffire pour avoir une livre de riz» (S.A.L'école. 24). – Существительное «биринч = riz» (рис), реализуемое словами «чор кило = quatre kilos» (четыре кило), детерминировано по линии количественности, поскольку килограмм признан универсальной единицей измерения веса. По линии качественности объект является неопределенным, поскольку здесь не указан сорт риса.

«Mais il aperçut un verre sur sa cheminée et il se rappela qu'il possédait dans son armoire un litre d'eau-de-vie» (G.M.BA. 189). = *Вале дар рӯи отаишдони худ чаишаи ба қадаҳе афтада, ба хотир овард, ки дар ҷевон як литр шароб гузошта буд.* – В данном случае имеется в виду количественная определенность существительного «eau-de-vie = шароб» (водка); вводящее слово «litre» (литр) + *de* во французском и слово «литр» в таджикском являются универсальными единицами измерения объема жидкости. Полная качественная определенность отсутствует, поскольку существительное «eau-de-vie = шароб» может обозначать разные сорта этого напитка.

В таджикском языке определенный указательный артикль $-e_2$, употребляясь в случае определенности, со всеми именами существительными в последовательном предложении не выражается как определитель, исходя из этого, мы намерены дать полное исследование особенности данного артикля.

Артикль $-e_2$ не используется со специфическими определенными существительными последовательного предложения, так как они выражают определенные и уникальные предметы. Как отмечает Ш.Рустамов по этому поводу, «последовательно описанные определенные предложения посредством описания выражают признак конкретного предмета» [89, с.264].

«Камолиддин-махдум, ки як мардаки қокинаи чаишу абрӯсиёҳ ва кулӯтариш ва озодалибос буд, чӣ гуфтаиширо надониста, аввал чойникро аз пешаи шрифти, ба поёни хонтахта гузошт ва онро бо чойникпушак пушонд, баъд боз чойникпушакро ба зери хонтахта гузошта, чойникро ба рӯи он ниҳод» (Ч.И.ДО. 424).

Однако во французском языке артикль употребляется перед названиями: стран – *le Tadjikistan, la France*, рек – *la Loire*, гор – *les Vosges*, частей света – *l'Asie, l'Europe*, что не наблюдается в таджикском:

«*Oui, et **la France** va payer d'une guerre le refus de son roi*» (А.Д.ТМ. 123).

Следует отметить, что во французском языке артикль не употребляется в названиях городов и именах собственных: *Douchanbé; Londres; Samir; Zola*, за исключением нескольких городов: *le Havre; la Havane; le Haye; le Caire* и некоторых фамилий: *La Fontaine; La Bruyère*, - в которых артикль составляет часть собственного имени:

«*Mais je ne puis quitter **Paris** en ce moment sans savoir... **Aramis** s'arrêta*» (А.Д.ТМ. 123).

Придаточные определительные предложения показывают положение и действие имен собственных существительных, а также поясняют его как признак. В этом случае придаточные предложения находят различные значения так, чтобы не было возможности поставить артикль:

«***Ятим**, ки ин ҳолро дида чашмонаш сиёҳ рафта сараш гаштан гирифтааст, гӯё осмон ба сари ӯ фуруӯ омада, монанди санги осие гардида танаширо гандумвор орд мекарда бошад, тамоми баданаш ба ларзиши даромадааст*» (С.А.Ёд. 41).

Как было отмечено, в таджикском языке артикль –*e*₂ не употребляется с собственными именами, однако встречаются случаи, которые отвергают это высказывание:

«*Дар берун Асо – ҳамон **Асо**е, ки ҳозир номаш бурда шуд, ба рӯи машкоб табассум карда меистод*» (Ҷ.И.ДО. 105).

В этом предложении артикль в таджикском языке употребляется с целью придания стилистического оттенка. «В таких случаях определяемое слово берет на себя логическое ударение и отделяется от других частей речи» [28, с.90].

2) известно, что в современном таджикском языке единственные существительные в своем роде, как *офтоб, моҳ, замин, ҷанги Бузурги Ватанӣ*, которые, в сущности, соответствуют собственным именам, не принимают артикль. «В такого рода сложных предложениях определяемое придаточное предложение в большинстве случаев выражает смысл и суть определяемого существительного» [29, с.93]:

«Яъне дигаронро ба осмон бардошта, маро ба замин намезаданд ва ҳол он ки аксари ин ҳофизон ва навозандагон шогирдони беустод буда, таълимнадида ва монанди алафи бегонаи дар гулзор рӯида дар замини санъат худру мебошанд» (С.А.МС. 27).

Таким образом, во французском языке единственные существительные в своем роде обычно употребляются с артиклем, который не характерен для таджикского языка, но в случае их использования выделяется цель стилистического характера:

«Julien, debout sur son grand rocher, regardait le ciel, embrasé par un soleil d'août» (S.RN. 63).

В этом отношении, как отмечает В.Г. Гак, «...обозначающий предмет, который по своей природе является единственным, употребляется с *A déf*. Это касается наименований единичных (*soleil*) и абстрактных (*beauté*). В старофранцузском языке эти существительные употреблялись без артикля, в современном языке они употребляются с *A déf*, который выступает в данном случае скорее как знак синтаксической актуализации имени, а не как показатель определенности (объект определен сам по себе)» [24, с.102].

4) род существительных, выраженных в виде родственных уз, звания, работы, которые определены или ясно описаны, не принимает артикль. В особых случаях существительные также разделяются придаточным определительным членом предложения (старший дядя и т. д).

«Меҳмонони мардинаро падарам, амакам, бобои модариам, тағоиҳоям ва дигар хешовандон «хуш омадед, хуш рафтед» мегуфтанд, меҳмонзанонро модарам, модаркалонам, занони тағоиҳоям ва зани амакам

меҳмондорӣ мекарданд» (С.А.Ёд. 258). – «*Les invités sont accueillis par mon père, mon frère aîné, mon grand-père et mes oncles; les invitées, par ma mère, ma grand-mère et mes tantes»* (S.A.B. 19).

Однако во французском языке употребление определенного артикля перед названиями членов семьи, профессии и т.д. также является ситуативно обусловленным. Перед существительными, обозначающими членов семьи, в отличие от таджикского языка, может употребляться определенный артикль, который в данном случае несет семантический оттенок притяжательности:

«*Mais après tout, il était noble et fait pour la supériorité, tandis que le père de M. Valenod ne lui avait pas laissé six cents livres de rente»* (S.RN. 143).

Род существительных, которые были упомянуты ранее и были определены, так же не принимают артикль:

«*Чинифурӯш як ба нон ва як ба Қоришшамба бо тааччуб нигоҳ карда, оқибат аз нонфурӯш нархи нонҳояиро пурсида, паси сари худро хорон-хорон аз галладон пул бароварду ба нонфурӯш дода ӯро гусел кард»* (С.А.МС. 14). – «*Le propriétaire regarda d'abord Kori, puis les galettes, enfin il s'informa de leur prix et, sortant l'argent de sa caisse, il les paya»* (S.A.MU. 58).

Во французском языке объект, выраженный существительным без артикля или других детерминативов в функции приложения, является количественно и качественно определенным, поскольку он соотносится с конкретным лицом, упомянутым в предшествующем контексте (как правило, в рамках предложения):

«*Pauvre Lucette, esclave consentante jusqu'au bonheur!*» (Т.Ж-М.НСО. 125). – Количественная и качественная определенность существительного «*esclave consentante*» (зд.:покорная рабыня) обусловлена малым контекстом, содержащим указание на конкретное лицо, о котором идет речь:

esclave consentante = Lucette

Как видно из примеров таджикского языка, при повторном упоминании артикль, в основном, не употребляется, а во французском языке мы увидим

обратную картину; во французском языке перед существительным артикль употребляется.

«**Кампир** ва **духтар** аз рӯи ҳавлии танге гузаишта, ба хонаи бедаҳлезе дохил шуданд» (Ҷ.И.ДО. 7). – «**La vieille et la fillette** traversèrent la petite cour et pénétrèrent à l'intérieur de la maison» (Dj.I.FF. 7).

Если определяемое существительное придаточного предложения в каком-либо своём качестве отделяется от других имен существительных, оно не берет на себя артикль:

«**Ҳавлии дарун**, ки қариб як таноб ҷойро мегирифт, болои суфа, поёни суфа ҳама аз хишти пухта фарш ёфта буд» (Ҷ.И.ДО. 18).

В изафетных оборотах N+N, если придаточное предложение поясняет определяемое существительное, артикль не употребляется:

«**Ҳамсоия онҳо**, саҳеҳтараиш, **ҳамсоия бародараш**, ки Язнапоччо меноманд, айнан ҳамин хел одам» (Ф.М.ПК. 260).

Но это правило при употреблении собственных имен существительных исключается, так как в этом синтаксическом случае хотя имя собственное и определяет придаточное предложение, определенный артикль –*e*₂ не употребляется, здесь появляются другие языковые явления, которые прежде всего согласовывают значение грамматического придаточного предложения и определяют предложение, показывая к какой части оборота он относится:

«**Дар ҳавлии Қосим-саркор**, ки нисфи зиёдаш тоқ буд, шамоли ногаҳонӣ тавишии зиёде наовард» (А.Ш.ПҚ. 44).

С определяемыми существительными придаточного предложения, которые употребляются с такими указательными словами, как *мазкур*, *зайл*, *зерин*, *боло* подчиняющимся изафету, артикль не употребляется.

«**Инро шунида**, **ҷавони мазкур**, ки чашмонаш ашколуд буданд, ба сухан даромад» (Ҷ.И.ДО. 260).

Таким образом, показателями определенного состояния существительных являются:

- в таджикском языке: указательные местоимения *ин* (хамин), *он* (хамон), послелог *-ро*, определенный артикль *-е₂*, а также немаркированная форма существительного;

- во французском языке: артикли *le, la, les*, указательные местоимения. Кроме этих показателей, об определенности существительных сообщают притяжательные местоимения (во французском языке), местоименные энклитики, возвратные и личные местоимения в изафетной конструкции (в таджикском языке). Эти единицы мы рассмотрим в следующей главе.

2.3. Послелог «-ро» как выразитель определенности в таджикском языке и его эквивалент во французском

Один из средств выражения качественной и количественной определенности в таджикском языке является послелог *-ро*, который подобно артиклю не имеет лексического значения и как грамматический формант употребляется с второстепенными членами предложения.

Послелог *-ро* по своему происхождению восходит к среднеперсидскому послелогу *rāy*, (ранее *rād*) <др.-перс. *rādiy* (радий), который сохранил свои некоторые функции и значения.

М.Ф.Исматуллоев [45], Ю.А.Рубинчик [83], И.К.Овчинников [67] и др. считают его средством выражения определенности существительного, выступающего в функции прямого дополнения. Л.С.Пейсиков отмечает, что главная функция *-ро* - выделительная при прямом дополнении или группе прямых дополнений. Далее он подчеркивает, что частица *-ро* при прямом дополнении выделяет предмет, известный или определенный из ряда ему подобных (количественное выделение, основанное на противопоставление единичного из общего), или выделяет категорию предметов, класс предметов (выделение, основанное на категориальном противопоставлении неоднородных предметов), то есть, другими словами, выполняет те же функции, что и артикли в западноевропейских языках, как немецком, английском или французском [71, с.37].

Л.С.Пейсиков считает также что *-ро* не может быть отнесен к разряду служебных слов релятивного типа. Следовательно, по его мнению, если отнести *-ро* к служебным словам, то оно нашло бы себе место среди служебных слов не релятивного, а детерминирующего типа. А.К.Аломидинова [5] в своем диссертационном исследовании относит *-ро* к определенному артиклю, который в данном случае является показателем определенности имени.

Из вышеуказанных примеров мы пришли к выводу, что в таджикском языке, как это отмечено в грамматике таджикского литературного языка [29],

–*ро* выполняет две функции: 1) грамматической связи слов в словосочетании и в предложении 2) функцию, которая является показателем качественной и количественной определенности, т. е. выполняет функцию определенного артикля.

1) –*ро* в этих случаях является грамматической связью слов в словосочетании и предложении:

С собственными именами: «*Фирӯзаро хор шудан намемонад, ба дари мардум намегузорад ва чун гавҳараки чашмаи муҳофизат менамояд*» (Қ.И.ДО. 9). – В данном примере существительное «Фирӯза» является качественно и количественно определенным, ибо речь идет о героине романа («Дочь огня» - Джалала Икрами), в этом произведении.

Имена, которые являются уникальными в своем роде, например, планетарные тела (солнце, луна) и т. д.: «*Агар тавонад, заминро аз зери поямон, осмонро аз болои сарамон бардорад! – гуфт Фирӯза ҳам мағрурона*» (Қ.И.ДО. 442). – Существительные «замин, осмон» (земля, небо) являются уникальными в своем роде и не нуждаются в определении.

Числительное: «*Шумо аввал панҷоҳро ба ду тақсим кунед*» (М.СШ. 6). – Числительное «панҷоҳ» (пятьдесят) без каких либо детерминативов является качественно и количественно определенным.

Личные местоимения: «*Падарам маро дар рӯи суфа танҳо монда бар рӯи дариҷа баромад ки бо шох оби гандумпояро лат дода, хасҳоро ба як тараф гун кунед*» (С.А.Ёд. 50). – Местоимение *я* характеризуется абсолютной качественной и количественной определенностью, поскольку обозначает конкретное лицо адресата.

Указательные местоимения: «*Ў дар ду моҳ он китобчаро хонда метавонистагӣ шуд ва хатҳои хонотари дигарро ҳам оҳиста-оҳиста хонда метавонист*» (С.А.Ёд. 203). – В данном случае качественная и количественная определенность существительного «китоб» (книга) выражается указательным местоимением *он* (тот).

Притяжательные местоимения: «Зани Шарофбой мурд! – гӯён *аспаширо* ба як тарафи дигар ҳай карда рафт». (С.А.МК. 31) – Семантика количественной и качественной определенности существительного «асп» (лошадь) имплицитно выражена энклитическим местоимением *-аш*.

Возвратное местоимение: «Вай мехост, ки фарзандонаш ҳар як гӯшаи *кишвари худро* бо хосиятҳои махсуси он диёр нек шиносанду сидқан дӯстдор бошанд» (Б.Ф.ТП. 33). – В данном случае существительное «кишвари худ» (своя родина) является качественно и количественно определенным, выраженным возвратным местоимением *худ* (свой).

В подобных случаях *-ро* не является определителем существительного и выступает как грамматическая связь слов в предложении. Основную смысловую нагрузку несут местоимения, которые выражают целую гамму смыслов, не присущих *-ро* и не соответствующих ядерной зоне его значений. Собственные имена определены собой и не нуждаются в определении, ибо они уникальны в своем роде.

В случае, когда *-ро* употребляется в качестве артикля, он выделяет предмет, известный или определенный из ряда ему подобных:

«Пеш аз он ки мо ба ин суолаш ҷавоб диҳем, *лампаро* аз пеши мо бардошта гирифта бурд ва ба сари зина вайро хомӯш карда монда аз дарвозааш баромада рафт» (С.А.МС. 49). – Семантика качественной и количественной определенности существительного «лампа (чароғ)» имплицитно выражена послелогом *-ро*.

В грамматике современного таджикского литературного языка об использовании абстрактных и общеизвестных понятий с *-ро* отмечается, что если речь идет об абстрактных и общеизвестных понятиях, то *-ро* обычно не используется. В таких случаях, определители, которые сопровождаются частями речи или энклитическим местоимением, являются прямым дополнением и конкретизируют его [28, с.307].

Послелог *-ро* как правило совпадает с определенными артиклями французского языка *le, la, les*:

«*Аз дарун касе давида баромада дарвозаро кушод*» (Ч.И.ДО. 7). – «*Dans la cour, on entendit quelqu'un se précipiter vers la porte qui s'ouvrit*» (Dj.I.FF.8). – Здесь семантика качественной и количественной определенности существительного «дарвоза = la porte» (ворота) имплицитно передается посредством *-ро*: речь идет о двери дома, в которой проживала героиня; эта семантика эксплицитно передается во французском варианте при помощи определенного артикля единственного числа *la*.

«*D'Artagnan, entendant jurer le mousquetaire, voulut sortir de dessous le manteau qui l'aveuglait, et chercha son chemin dans le pli*» (А.Д.ТМ. 42). – «*Д'Артанян даиномҳои мушкетдорро шунида, мисли кӯр чинҳои плаширо даст-даст мекард, аз зери он раҳой ёфтан мехост*» (А.Д.СМ. 47). – Семантика качественной и количественной определенности существительного «mousquetaire = мушкетдор» (мушкетер) во французском языке передана определенным артиклем единственного числа *le*; в таджикском тексте это значение имплицитно выражается послелогом *-ро*.

Таблица №10

Выражение качественной и количественной определенности послелогом «-ро»

Тадж. язык	Франц. язык
1. дарвоза → <u>ро</u>	1. <u>la</u> → porte
2. мушкетдор → <u>ро</u>	2. <u>le</u> → mousquetaire

Подобно французскому определенному артиклю множественного числа *les*, в таджикском языке послелог *-ро* также может выражать множество определенных предметов, конструкция которых в данном случае выглядит как *-ҳо+ро* (китобҳо+ро). Следует отметить, что семантику множественности выражает здесь суффикс *-ҳо*, ибо таджикский язык не обладает таким множественным определенным артиклем, как *les*, который встречается во французском языке: *-ҳо+ро = les*.

«*Падарам миёнаравҳоро* ҷез зада, барои бародарам зан хост» (Ч.И.ДО. 266). – «*Mon père invita les marieuses et leur demanda de chercher une fiancée*» (Dj.I.FF. 317). – В таджикском тексте количественная и качественная определенность существительного «миёнаравҳо» (свахи) имплицитно выражается послелогом *-ро* ($-xo+-ro$): здесь имеются в виду все приглашенные свахи; во французском переводе эта семантика эксплицитно передается определенным артиклем множественного числа *les* (*les marieuses*).

В таджикском языке встречаются случаи, когда существительное с послелогом *-ро* выражает неопределенность имени:

«*Ба дасташ табақчаеро* дода ҳама баробар хоҳиш карданду Илҳом шармида-шармида як суруд хонд». (Б.Ф.ТН. 42). – В данном предложении существительное «табақчаеро» (какой-то подносик) характеризует количественно определенный и качественно неопределенный объект. Здесь даже появление послелога *-ро* не делает существительное определенным, т.е. не влияет на проявление качественной неопределенности. При параллельном употреблении *-е₁* (як) и *-ро* указывается на то, что из определенного множества предметов выделяется единичный экземпляр. В таких случаях основную семантику несет неопределенный артикль *-е₁*.

Встречаются случаи, когда *-ро* употребляется параллельно с артиклем *як* ($як+-ро$):

«*Падарам аз масҷид омада маро ба хона даровард ва аз токчаи хона як китобро гирифт...*» (С.А.Ёд. 95). – Неопределенный артикль единственного числа *як*, сопровождает качественно неопределенное и количественно определенное существительное «як китоб» (какая-то книга), когда в данном случае неизвестно, о какой книге именно идет речь.

Известно, что артиклю *як* присущи почти все характеристики артикля *-е₁*, поэтому не отрицается также конструкция $як+е_1+ро$, которая, подобно вышеуказанным предложениям, выражает качественную неопределенность и количественную определенность:

«Назаров ба варақ задану аз як сар дидани суратҳо даромад ва ногоҳ аз байни онҳо **як хатеро** ҳам ёфт» (Р.Қ.АМ. 393).

Кроме неопределенного артикля $-e_1$ и *як*, это явление наблюдается с неопределенным местоимением *баъзе*, *ягон*, которые, употребляясь с послелогом $-ро$, в силу своей семантики, выражают качественную и количественную неопределенность (*баъзе* = некоторые, кое-какие) или количественную определенность и качественную неопределенность (*ягон* = какой-либо, какой-нибудь).

Ср.: «*Шохи ягон дарахтро шикастагӣ бинад, доду фарёд мекард ва онҳоро ҳақорат медод*» (Қ.И.ДО. 53). – Семантика количественной определенности и качественной неопределенности существительного «дарахт» (дерево) эксплицитно передается неопределенным местоимением *ягон*.

«*Кирдорҳои номуносиб, ахлоқи вайрони баъзе оймуллоҳоро шунида, кампири бадрашқи мо дар газаб шуда буд...*» (Қ.И.ДО. 17). – Качественная и количественная неопределенность существительного «оймуллоҳ» (содержательницы школы) выражается неопределенным местоимением *баъзе*.

Следовательно, мы можем утверждать, что основная нагрузка падает на неопределенное местоимение, а не на послелог $-ро$.

Мы отмечали также, что послелог $-ро$ в определенных контекстных условиях может быть использован с существительным, выступающими в генерализованном значении, обозначая объект во всей его целостности и полноте:

«*Ваҳм ҳастии одамро хароб мекунад*» (Ф.М.ПК. 212). = *La peur détruit l'homme*.

Из проведенного анализа следует отметить, что послелог $-ро$ в таджикском языке обуславливает объект как качественно определенный или неопределенный. Использование послелога $-ро$ с другими детерминативами подтверждает определенность/неопределенность, зависящую от контекста.

Графически вышесказанное можно выразить в следующей таблице, где «+» означает присутствие признака, «-» - отсутствие признака:

Таблица 11

Язык		Количественная определенность/ неопределенность существительных в таджикском и французском языках		Качественная определенность/ неопределенность существительных в таджикском и французском языках	
		определенность	неопределенность	определенность	неопределенность
Тадж. язык	Определенный артиклъ –e ₂	+	-	+	-
Франц. язык	Определенный артиклъ le, la, les	+	-	+	-
Тадж. язык	Неопределенный артиклъ –e ₁ , як	-	+	-	+
Франц. язык	Неопределенный артиклъ du, de la, des, de	-	+	-	+
Тадж. язык	Порядковые числительные + определенный артиклъ или другие детерминативы	+	-	+	-
Франц. язык	Порядковые числительные + определенный артиклъ или другие детерминативы	+	-	+	-
Тадж. язык	Количественные числительные + определенный артиклъ или другие детерминативы	+	-	+	-
Франц. язык	Количественные числительные + определенный артиклъ или другие детерминативы	+	-	+	-
Тадж. язык	Количественные наречия бисёр, каме, андаке и др.	-	+	-	+
Франц. язык	Количественные наречия + de	-	+	-	+

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Функционально-семантическое поле определенности/неопределенности в таджикском и во французском языках в системе существительных является бицентрической структурой с ядром, представленным двумя сопряженными центрами: грамматической категорией числа (количественная определенность/неопределенность) и грамматической категорией детерминации (качественная определенность/неопределенность), выраженными артиклем плюс существительным.

Решающим фактором детерминации объекта как качественно определенного или неопределенного является контекст, экстралингвистическая ситуация; при этом основная роль отводится преимущественно адресату, которым может быть автор повествования (художественный, научный, публицистический стиль), говорящий (дискурсивный стиль). Имеющиеся средства выражения предметной определенности/неопределенности подтверждают семантику, обусловленную контекстом, экстралингвистической ситуацией, о чем свидетельствуют следующие факты:

- при первом упоминании в контексте лица или предмета, как правило, последние воспринимаются как качественно неопределенные, что находит имплицитное (артикуль $-e_1$) и эксплицитное (артикуль як) выражение в употреблении неопределенного артикля в таджикском и французском языках. В дальнейшем эти объекты уже воспринимаются как определенные и во французском языке оформляются определенным артиклем или соответствующими местоименными детерминативами. Во французском языке исключение составляет авторское, целенаправленное использование существительных с определенным артиклем в начале литературного произведения для выделения значимости лица или предмета, о котором ведется повествование.

- существительные, обозначающие уникальные предметы, известные культурные ценности, планетарные тела, религиозные и философские понятия, единицы измерений, географические названия и т.п., детерминированные внеязыковой реальностью, воспринимаются как определенные и, в отличие от таджикского языка, во французском языке сопровождаются определенным артиклем.

В таджикском языке арсенал используемых средств указания на определенность и неопределенность имени значительно шире, чем во французском. В первом артикль развит слабо и играет пока факультативную роль, ибо его можно легко опустить, и предложение от этого не теряет обычно свой общий смысл, чего нельзя сказать в отношении французских артиклей.

ГЛАВА III

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Местоимения, обозначающие категории определенности/неопределенности в таджикском и французском языках

Как известно, в таджикском и французском языках артикль является специализированным грамматическим показателем средств выражения качественной и количественной определенности/неопределенности. Вместе с тем, при рассмотрении категорий определенности/неопределенности мы не можем ограничиваться лишь изучением функций артикля. Как подчеркивает И.Крамской: «если мы будем рассматривать только артикли, мы сможем исследовать только часть этой проблемы» [128, с.9].

В сопоставляемых языках среди морфологических средств, рассматриваемых в качестве актуализаторов категории определенности/неопределенности, представлены личные, притяжательные, указательные, неопределенные местоимения.

3.1.1. Личные местоимения

В сопоставляемых языках семантика качественной и количественной определенности выражается личным местоимением. В таджикском и французском языках личные местоимения первого и второго лица (ман–je (я), мо–nous (мы), ту–tu (ты), шумо–vous (вы) характеризуются высшей степенью конкретизации, обозначая адресата и адресанта:

«**Ман** барвақттар омадам, ки то сар шумдани маъракаи он кас бо шумо камтар суҳбат кунам» (Ч.И.ДО. 24). – «**Je suis venue un peu plus tôt pour parler avec vous seule**» (Dj.I.FF. 28). – В данном случае личные местоимения первого и второго лица «ман, шумо = je, vous (я, вы)» в таджикском и французском языках обозначают непосредственных

участников акта коммуникации, тем самым они детерминированы и по линии качественности, и по линии количественности.

«**Ман** нонро дар бағалам андохта ба роҳ даромадам» (С.А.МС. 65). – «**Je** serrai la galette dans mon sein, et je me mis en route» (S.A.MU. 106). – Количественно и качественно определенное местоимение «ман = je» (я) обозначает автора, от имени которого ведется рассказ.

Личные местоимения третьего лица в таджикском и французском языках в анафорической функции соотносятся с конкретными предметами, лицами, детерминированными предшествующим контекстом.

«**Азизулло** ба дурӯғгӯӣ шӯҳрат дошт. **Ӯ** мегуфт, ки агар ман рӯзе сад дурӯғи барҷаста нагӯям, он шаб хобам намебарад» (С.А.МС. 29). – «**Azizoulla** devint célèbre par son art de mentir. **Il** disait: « Si dans une journée, je ne mens pas une centaine de fois, je n'arrive pas à dormir! » (S.A.MU. 71)

Азизулло → *ӯ*

Azizoulla → il

Азизулла → он

«**Planchet, Grimaud, Mousqueton et Bazin** se présentèrent et reçurent les ordres clairs, ponctuels et graves d'Athos. **Ils** devaient partir au point du jour, le lendemain, et se rendre à Armentières, chacun par une route différente» (A.D.TM. 434). – «**Планше, Гримо, Мушкетон ва Базен** ба назди Атос ҳозир шуда аз *ӯ* фармоишоти аниқу дақиқу пухтае гирифтанд. **Онҳо** бояд субҳидам, ҳар кас роҳи худ, ба *сӯи* Армантиер мерафтанд» (А.Д.СМ. 627).

Planchet, Grimaud, Mousqueton, Bazin → Ils

Планше, Гримо, Мушкетон, Базен → Онҳо

Планше, Гримо, Мушкетон, Базен → Они

Следует отметить, что в таджикском языке личное местоимение *ӯ* с течением времени определилось как личное местоимение, которое используется только при обозначении лица, но местоимение *вай* в том же значении может, употребляется при обозначении одушевленных и неодушевленных предметов.

В таджикском языке личные местоимения не принимают артикль, так как они детерминированы, поэтому нет никакой необходимости в их разделении. Однако личное местоимение множественного числа третьего лица принимает артикль, так как оно заменяет группу одушевленных и неодушевленных предметов. Следовательно, имеется возможность для деления одной группы от другой, которая имеет различные признаки [28, с.93]:

«*Вой бар ҳоли онҳое, ки бе либоси гарм ба чанголи ин «султон» меафтанд!*» (Ҷ.И.ДО. 287). – «*Et malheur à celui qui tombait dans son étreinte glacée, s'il ne possédait pas de chauds vêtements!*» (Dj.I.FF. 343). – Антецедент - личное местоимение «онҳо» (они) в таджикском языке и «celui» во французском - определен по линии качественности и по линии количественности, придаточное определительное предложение сообщает дополнительные сведения об антецеденте.

«*Celui qui a de quoi reste au pays*» (S.RN. 200). – «*Онҳое, ки дар кисаашон муллоҷиринг доранд, дар хонаашон мемонанд*» (С.СС. 215).

Как известно из примеров, в таджикском языке одновременное употребление определенного артикля $-e_2$ с личным местоимением третьего лица множественного числа *онҳо* возможно, а во французском языке одновременное употребление артикля *le, la, les* с личными местоимениями *je, tu, il/elle...* невозможно, поскольку они исключают друг друга. Следовательно, во французском языке в момент появления других детерминативов при существительном артикль меняется. В данных предложениях личное местоимение третьего лица множественного числа *онҳо* соответствует указательному местоимению *celui*, которое выражает качественную и количественную определенность.

Личные местоимения первого и второго лица единственного числа в эмоционально-экспрессивной речи и для акцентирования совершенного действия могут использоваться с артиклем, который в придаточном

определительном предложении неизбежно поясняет его основание, однако этот случай не характерен для французского языка *je, tu*.

Ср.: «*Мане, ки ўро надидда бошам, чӣ тавр шиносам*» (Р.Қ.Х. 19). = *Comment je le connais si je ne l'avais vu jamais*. – Антецедент-личное местоимение «ман» (я) также без определенного артикля $-e_2$ или других детерминативов является полностью определен по линии качественности и по линии количественности, поскольку он обозначает непосредственного участника коммуникативного акта, адресанта.

«*Je lui donnerai 300 francs et la nourriture*» (S.RN.11). – *Ман ба у сесад франк маош ва обу таом медиҳам* (С.СС. 16). – В данном случае личное местоимение «je» (я) характеризует качественная и количественная определенность.

3.1.2. Неопределённые местоимения

В таджикском и французском языках качественная и количественная определенность/неопределенность, наряду с артиклем, также выражается с помощью неопределенных местоимений. В этом отношении мы присоединяемся к Е.И.Шендельс и считаем что кроме неопределенного артикля существуют другие части речи, которые являются средством выражения неопределенности – это неопределенные местоимения [138, с.186]. М.И.Алехина так же указывает на то, что значение неопределенности предмета может подчеркиваться с помощью неопределенных местоимений [2, с.85].

В таджикском языке в группу неопределенных местоимений входят такие слова, как: *баъзе, ягон, фалон, кадом, чандин, якчанд, чанде, ким-кӣ, ким-чӣ, ким-кадом* и т.д., - которые несут семантику количественной и качественной определенности/неопределенности.

Во французском языке к группе неопределенных местоимений относятся разнообразные по значению и по форме местоимения. Надо отметить, что «неопределенные местоимения во французском языке часто

совпадают с детерминативами, т.к. большинство форм омонимичны: *aucun, tel, tous, quiconque, même, certain, plusieurs* - могут употребляться и как детерминативы, и как местоимения. Только местоимения *personne, rien, on* и сложные *quelqu'un, quelque chose, je ne sais qui (quoi)* по форме отличаются от детерминативов и в качестве неопределенных прилагательных не употребляются» [24, с.159]. В таджикском языке не встречается разделение по группам неопределенных местоимений, но в «Грамматике современного литературного таджикского языка» [28] относительно неопределенных местоимений *ягон* (какой-либо, какой-нибудь) и *кадом* (который) кратко отмечено, что они имеют особенность прилагательных.

В таджикском языке неопределенное местоимение *ягон* указывает на неизвестные, неопределенные лица, предметы, их признаки и обычно соответствует неопределенному местоименному прилагательному *quelque* и артиклем *un(une)* французского языка. Местоимение *ягон*, подчеркивая допустимость альтернативы, привносит представление о том, что говорящему безразлично, *кто* (что) будет участвовать в событии и, таким образом, по преимуществу акцентирует внимание на самом факте заполненности, на вероятности заполнения актантной позиции:

«*Умед доштам, ки аз Бухоро дуртар ки рафгам, ягон асп ёфта мегирам*» (Ҷ.И.ДО.111). – «*J'espérais m'éloigner un peu de Boukhara, prendre un cheval*» (Dj.I.FF. 135). – Количественная определенность и качественная неопределенность существительного «асп = cheval» в таджикском языке подкрепляется неопределенным местоимением *ягон*; во французском переводе эта семантика выражается эксплицитно, употреблением неопределенного артикля единственного числа *un*. Здесь говорящий выражает свои возможности.

«*Si nous voyons sortir quelque voiture à portière fermée et à demi suspecte, nous tomberons dessus*» (А.Д.ТМ. 364). – «*Агар бинем, ки он ҷо ягон каретани болопӯшида намудаи аққалан шубҳаомез берун ояд, ба вай ҳучум мекунем*» (А.Д.СМ. 402).

С точки зрения Э.Халифман, дальнейшее развитие этимологического значения *ин* приводит к тому, что он приобретает значение неопределенного местоименного прилагательного [105, с.15]. В этом случае его эквивалентом в таджикском языке служит неопределенный артикль $-e_1$ (як) и неопределенные местоимения *ягон*, *кадом*+як.

Следует отметить, что неопределенное местоимение *ягон* в таджикском языке при выражении качественной неопределенности и количественной определенности является лексическим аналогом артикля $-e_1$:

«*Агар то хуфтан ба дарвозаи шахр нарасем, маҷбур мешудем, ки дар беруни шахр, дар **ягон самоворхона** (самоворхонае) бихобем*» (С.А.МС. 79). – В таких случаях неопределенное местоимение *ягон* может быть заменено на неопределенный артикль $-e_1$: *ягон самоворхона* = *самоворхонае*.

Неопределенные местоимения *ягон*+кас и существительное *кас*(*e*), оформленные неопределенным артиклем $-e_1$, выражают количественно определенное и качественно неопределенное лицо, которое не является определенным даже самому говорящему. Во французском языке эти единицы соответствует неопределенному местоимению *quelqu'un* (кто-то).

Ср.: «*Дар ин вақт **касе** лампаи даргирифтаи стодаеро бароварда бар сари зина ниҳод*» (С.А.МС. 50). – «*Pendant ce temps, **quelqu'un** apporta la lampe d'en bas et la posa sur la dernière marche de l'escalier*» (S.A.MU. 92-93).

По словам О.Н. Селиверстовой, местоимение *кто-то* (*ягон кас*, *касе* – тадж., *quelqu'un* франц.) – это мыслимое лицо, живое, существующее, но не выделенное из всех других лиц, не определенное ни по одному признаку и не известно ни слушающему, ни говорящему [92, с.40].

«*Il regarda pour voir si **quelqu'un** le tenait*» (S.RN. 290). – «*Ба қафо гаши, то бингарад, оё **ягон кас** ўро медорад ё не*» (С.СС. 483).

В этих предложениях слово «кас» в таджикском и неопределенное местоимение «*quelqu'un*» (кто-нибудь) во французском несут семантику количественной определенности и качественной неопределенности, так как они не соотносятся с конкретными лицами.

Неопределенное местоимение *ягон+кас* может иметь «безразлично кто», это избирательное лицо из многих, кого представляет себе говорящий. Поэтому, несмотря на то, что местоимения *ягон+кас* и существительное *касе* с неопределенным артиклем $-e_1$ в основном выражают неопределенность объекта, который в данном случае может быть количественно определенным и качественно неопределенным, каждая из этих единиц в отдельности имеет свои тонкие семантические различия.

В предложенных высказываниях, наряду со значением неопределенности, реализуются в одном случае смысловой оттенок предположительности, а в другом – уступительности *касе* – *ягон кас*.

Во французском языке данное значение реализуется посредством неопределенных местоимений *quelqu'un* и *quiconque*:

«*Mais je vous demande une grâce, si **quelqu'un** vient me demander pour chanter dehors, refusez-moi*» (S.RN. 153). – «*Вале фақат илтимосе дорам, хоҳиши маро қабул кунед: агар ба назди шумо **ягон кас** омада, хоҳиш кунед, ки ман дар ягон чо тарона хонам, илтимос, маро ҷавоб надихед*» (С.С.С. 166).

В таджикском языке существуют различные мнения о слове *кас*: по словам некоторых лингвистов, оно является существительным, а по мнению других - неопределенным местоимением. С точки зрения Ш.Рустамова, слово *кас* во всех периодах развития таджикско-персидской литературы использовалось как существительное. Отличие имени существительного от других частей речи проявляется в том, что оно обозначает предметы в общем (инсон, одам, кас, шахс) или в отдельности (Зафар, Дилбар). Одушевлённые существительные отвечают на вопрос «кӣ?» (кто?), а неодушевлённые на вопрос «чӣ?» (что?). Он отмечает также, что имя существительное имеет морфологическую категорию числа и определенности/неопределённости, формы которых: *кас—касон* и *чиз—чизҳо*; *кас—касе* и *чиз—чизе*, - широко употребляются и указывают на собственность в этих двух словах. В отличие от других частей речи, слова *кас* и *чиз* в этих формах являются грамматическими оппозициями и с помощью грамматических средств

выражения грамматических значений отражаются ясней. С добавлением артикля *-e*, не только слово *кас*, но и другие категории рода имен существительных выражают неопределенность предмета. [89, с.217].

«Кӯйи ту манзили дилҳост, касе чун гузарад,

Ки наёяд ба замин пой зи бисёрии дил (А.Ҷ.СФ.74).

Аз доми алоиқ ба зами шиқ тавон част,

Хуш вақти касоне, ки аз ин дом бичастанд» (А.Ҷ.СФ. 43).

В словаре таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [149] слово *кас* (и некоторые другие его формы), объясняется как: 1) *фард, шахс, одам; нафар* (человек, лицо, личность).

Ш.Рустамов, отмечает, что слово *кас* во всех существительных и в словообразовании прилагательных служит как лексическая основа. Такие слова, как: *нокас, бекас, касдор касмахар*, участвуют в форме словообразования: *ноодам, номард, ноинсоф, ношукр; беодам, бепадар, бепаноҳ, одамдор, молдор, одамгурез*. Слово *кас* как определяющее существительное с изафетной и с совместимой формой подчиняет себе много слов, в которых никакие группы местоимений, в том числе и неопределенные местоимения, не могут быть подобными. Как и все существительные, указательные местоимения так же могут указывать на слово *кас*: *ин кас, он кас, ҳамин кас, ҳамон кас, чунин кас, чунон кас, ин хел кас, он гуна кас, ҳамин хел кас, ҳамон хел кас, ин қадар кас, он қадар кас*. Неопределенные местоимения *баъзе, ким-кӣ, ким-чӣ, ким-кадом, фалон, фалонӣ, ягон, чандин, якчанд, ким-чӣ хел, ким-чӣ тавр* не могут определяться указательными местоимениями. Слово *кас* определяется добавлением числительных (ду кас, бист кас); словами выражающими количество (чанд кас, якчанд кас, бисёр кас, хеле кас); прилагательными (бехтарин кас, хубтарин кас) и местоимениями (кадом кас, ягон кас). Слово *кас* с помощью изафета подчиняет причастия, существительные, прилагательные, местоимения, которые определяют его, активную роль играет только родовое существительное: *каси одаминос, каси донишманд* и т.д. [89, с.218-219].

По этому вопросу некоторые сведения можно найти и в докторской диссертации Б.Сияева [97], которая посвящена истории развития местоимений таджикского языка. Он отмечает, что некоторые местоимения постепенно приобрели особое лексико-семантическое значение и перешли в класс имен существительных.

К ним относятся такие слова, как: *кас* (*kas*) (человек, личность, особа) и *чиз* (*čiz*) (вещь, предмет), которые в современном таджикском языке обладают всеми формальными грамматическими признаками имени существительного, но, на наш взгляд, возможно сближение и переход местоимений *кас* (*kas*) и *чиз* (*čiz*) в существительные, обусловленные только формально-грамматическими признаками, а в большей степени семасиологической общностью этих частей речи – значением предметности, которое присуще и существительным, и местоимениям.

Б. Сияев подчеркивает, что условиями определяющими возможность перехода местоимений *кас* (*kas*) и *чиз* (*čiz*) в существительные, являются:

- а) наличие в их семантике элемента номинативности;
- б) частичное переосмысление в сторону конкретизации значения;
- в) закрепление за этими словами определенного, фиксированного места в предложении;
- г) возможность оформления этих слов морфологическими показателями имен существительных.

В современном таджикском языке процесс перехода местоимений *кас* (*kas*) и *чиз* (*čiz*) в существительные в основном завершен. Поэтому в грамматике таджикского языка эти слова ни в одном из разрядов местоимений не упоминаются [97, с.42].

Однако Ю.А.Рубинчик в Грамматике современного персидского языка [83] отмечает, что в качестве неопределенных местоимений выступают имена существительные *kas*, *šaxs*, *čiz*, употребляемые обычно с артиклем (*kas-i*, *šaxs-i*, *čiz-i*). Следовательно, по мнению Ю.А.Рубинчика, роль неопределенного артикля $-e_1$, который называют выделительным в

образовании значения неопределенных местоимений чрезвычайно велика [83, с.183-184]. Следует отметить, что в таджикском языке неопределенный артикль $-e_1$ не является средством субстантивации других частей речи, что характерно только для артикля французского языка.

Следовательно, из вышеуказанных примеров мы пришли к выводу, что слово *кас* в таджикском языке не выступает в функции неопределенного местоимения при употреблении неопределенного артикля $-e_1$, а является существительным. Во французском языке слово *personne* (кас-тадж. яз.) наряду со значением существительного также употребляется со значением неопределенного местоимения *ҳеҷ кас* (никто), *ягон кас* (кто-либо).

Ср.: «*Une personne était plus heureuse que lui*» (S.RN. 101). – «*Вале шахси дигаре худро боз хушбахттар ҳисоб мекард*» (С.С.С. 110).

«*Mais personne ne paraissait comprendre*» (А.С.Ё. 139). – «*Вале, аз афташ, ўро ҳеҷ кас (касе) нафаҳмид*» (А.К.Б. 127).

«*Car il savait mieux que personne...*» (А.Д.ТМ. 20). – «*Охир вай аз ҳар каси дигар беҳтар медонист...*» (А.Д.СМ. 22).

Как видно из примеров, слово *personne* (кас тадж. язык) во французском языке в одном случае появляется как существительное, в другом со значением неопределенного местоимения, которое не характерно для слова *кас* таджикского языка.

Вслед за Ш.Рустамовым и Б.Сияевым мы относим слово *кас* к существительному, а не к неопределенному местоимению, в случае появления слова *кас* с неопределенным артиклем $-e_1$, оно не будет представлять конверсию, а как существительное демонстрирует количественно определенное и качественно неопределенное лицо. Следовательно, наряду с другими родовыми существительными, слово *кас* также широко употребляется с неопределенным артиклем $-e_1$. Как отмечается М.Л.Лазаровна в каждый язык имеет свои специфические особенности, национальное своеобразие, исторически сложившееся в результате особого отношения лингвистической системы к предметам и

явлениям действительности. Справедливость данного высказывания определяется неповторимостью каждого языка, обладающего особой фонетической системой, грамматическим строем, собственным лексическим запасом, собственной системой понятий и т.д.

Для передачи определенности отрицания в таджикском языке употребляется отрицательное местоимение *ҳеҷ* (никакой, никто, ничего), которое обычно употребляется со словами *чиз*: *ҳеҷ чиз* (ничто); *кадом*: *ҳеҷ кадом* (никакой) и слово *кас*: *ҳеҷ кас* (никто).

Следует отметить, что определенность отрицания объекта в таджикском языке в отрицательных предложениях также выражается неопределенным местоимением *ягон* и существительным *кас*, *чиз* с неопределенным артиклем $-e_1$: (касе, чизе). Во французском языке соответствующие эксплицитные средства – неопределенные местоимения и местоименные прилагательные с отрицательным значением являются *personne*, *rien*, *aucun*, *nil*.

Все отрицательные местоимения, *ҳеҷ*, неопределенное местоимение *ягон* и существительные *касе*, *чизе* с отрицательным значением и их французские соответствия выражают полное отрицание предмета или признака и употребляются только в отрицательных предложениях.

Ср.: «*Охир кори он бой ба дараҷае расидааст, ки касе хизматгорӣ ва ятимии ӯро қабул намекардагӣ шудааст, ҳар касеро, ки ба хизмати худ таклиф кунад, «ту фиребгар, ту тухматчӣ!» гуфта таклифи ӯро рад мекардааст»* (С.А.Ёд 40). – «*Personne ne travaillait plus pour lui, personne ne voulait plus entrer à son service, malgré toutes ses offres, malgré toutes ses promesses de payer régulièrement»* (S.A.B. 42). – В таджикском языке существительное «касе» с отрицательным значением и неопределенное местоимение *personne* (никто) во французском характеризуются определенностью отрицания, указывая на отрицание существования некого лица.

«*Dieu m'est témoin que malgré le feu d'amour qui me brûlait le sang, aucune mauvaise pensée ne me vint*» (A.D.LM. 57). – «Худо шоҳид, ки сарфи назар аз отаиши шиқе, ки вучуди маро саросар месӯзонд, дар сарам **ягон фикри баде** ҳам набуд» (Маҷ.А. 43). – Определенность отрицания объекта «mauvaise pensée=ягон фикри бад» (дурная мысль) обусловлена семантикой отрицания, выраженной неопределенным местоименным прилагательным *aucune* (никакой) во французском и местоимением *ягон* в таджикском переводе.

Сравнение переводов показывает, что определенность отрицания объекта выражается в таджикском языке с помощью неопределенного артикля $-e_1$, присоединяемого к имени.

«*Аз ман сирру асрори пушидае надошт ва ҳамеша ба ман дарду ҳасрат мекард*» (Ҷ.И.ДО. 63). – «*Il ne me cachait rien et partageait tous ses chagrins avec moi*» (Dj.I.FF. 79). – Определенность отрицания объекта «сирру асрори пушида» обусловлена семантикой отрицания, выраженной неопределенным артиклем $-e_1$ и отрицанием глагола *доштан* (иметь) в таджикском и неопределенным местоимением *rien* (никакой) во французском. В этих и подобных им случаях в таджикском языке артикль $-e_1$ обозначает понятие с нулевым объемом, тогда как вся смысловая нагрузка ложится на глагол.

В современном таджикском языке также встречаются формы отрицательных местоимений, которые образуются от местоимения *ҳеҷ* посредством присоединения к нему указательных местоимений *кӣ*, *чӣ*, *кадом*, имена существительные *кас*, *чиз* и слово *як* (*ҳеҷ кӣ*, *ҳеҷ чӣ*, *ҳеҷ кас*, *ҳеҷ чиз*, *ҳеҷ гуна*, *ҳеҷ кадом*, *ҳеҷ як*). Все отрицательные местоимения, образованные при помощи местоимения *ҳеҷ* (*ҳеҷ кӣ*, *ҳеҷ чӣ*, *ҳеҷ кас*, *ҳеҷ чиз*), показывают полное отрицание предмета или его признака и употребляются только в отрицательных предложениях:

Так, отрицательные местоимения *ҳеҷ кӣ*, *ҳеҷ кас* выражают отсутствие лица. Во французском языке в данном значении употребляется неопределенное местоимение *personne*:

«*Одатан канизҳо, хизматгорҳо ба намоз хондан ва таҳорат кардан фурсат надоштанд ва ҳеҷ кас ҳам дар ин хусус онҳоро сарзаниш намекард*» (Ч.И.ДО. 39-40). – «*Les esclaves et les servantes n'avaient pas le temps de prier plusieurs fois par jour ni, bien sûr, celui de faire les ablutions, **personne** d'ailleurs ne le leur reprochait*» (Dj.I.FF.49). – В данном случае определенность отрицания в таджикском языке передана отрицательным местоимением «*ҳеҷ кас*» (никто); во французском переводе эта семантика выражается неопределенным местоимением «*personne*», обозначая отсутствие лица, которое могло бы заставить рабов не молиться из-за тяжести работ.

Из примеров становится ясно, что отрицательное местоимение *ҳеҷ кас* по сравнению с *ҳеҷ кӣ* является широко употребительным, местоимение *ҳеҷ кас* характерно, главным образом, для письменного литературного языка, местоимение *ҳеҷ кӣ* в большей степени встречается в устной речи.

Отрицательные местоимения *ҳеҷ чӣ*, *ҳеҷ чиз* указывают на отсутствие предмета и соответствуют неопределенному местоимению французского языка *rien*:

«*Ҳеҷ чиз ваъда накардаанд*» (С.А.Ёд. 45). – «*Non, **rien** de tout cela*» (S.A.V. 46). – В данном случае понятия, обозначенные отрицательным местоимением «*ҳеҷ чиз*» (ничто) в таджикском и неопределенным местоимением «*rien*» во французском, являются определенными по линии отрицания.

Аналогичное явление наблюдается в следующем случае:

«*Rien ne put la distraire de l'idée cruelle de séparation éternelle*» (S.RN. 161). – «*Ҳеҷ чиз диққати занро аз он фикру хаёли мудҳише, ки онҳо то абад ҷудо мешаванд, ҷалб карда наметавонист*» (С.СС. 174).

Отрицательное местоимение *ҳеҷ чиз* характерно для письменного литературного языка, а форма *ҳеҷ чӣ* весьма употребительна в устной речи.

Количество предмета также выражается в конструкции *ҳеҷ як*:

«Дар Бухоро *ҳеҷ як бибихалифа* бепулу бечиз духтареро ба мактабаи роҳ намедод» (Ҷ.И.ДО. 15). – «*Aucune directrice d'école n'acceptait des élèves qui ne puissent payer*» (Dj.I.FF. 17). – Определенность отрицания объекта в таджикском языке обусловлена семантикой отрицания, выраженной отрицательным местоимением *ҳеҷ* и неопределенным местоименным прилагательным *aucune* (никакой) во французском.

Неопределенное местоимение *кадом* и его производные формы (ким-кадом, кадом як) несут семантику количественной определенности и качественной неопределенности и обычно соответствуют французскому неопределенному артиклю единственного числа *un (une)*, неопределенному местоимению *quelqu'un* и неопределенному местоименному прилагательному *quelque, certain*. Как правильно отмечает А.Г.Басманова [8], неопределенные местоимения во французском языке «конкурируют» с артиклем в плане выражения неопределенности.

«Ва бадтар аз ҳама *ин ки маро намедонам, ба кадом як писари амлоқдор* фотиҳа кардагӣ ва дар ҳамин карибӣ бояд ба шавҳар равам» (Ҷ.И.ДО. 214). – «*Et surtout je ne sais pas qui on me donnera pour époux: on me fiancera au fils de quelque haut fonctionnaire et je devrai aller chez lui*» (Dj.I.FF. 256). – Существительное «кадом як писари амлоқдор» характеризует количественную определенность и качественную неопределенность, выраженную неопределенным местоимением *кадом+як* в таджикском тексте; во французском переводе это значение передано неопределенным местоименным прилагательным *quelque*.

кадом як = quelque

В таджикском языке неопределенное местоимение *кадом+е₁* подобно неопределенному артиклю *як* может стоять при одном существительном.

Ср.: «*Ниҳоят кадом кампире* бо овози хирриге гуфт» (Ҷ.И.ДО. 32). – «*Enfin, une vieille femme, dit d'une voix cassée*» (Dj.I.FF. 39). – В данном случае существительное «кампир = *vieille femme*» (старуха) является

количественно определенным и качественно неопределенным, что в таджикском языке выражается неопределенным местоимением *кадом* и артиклем $-e_1$; во французском переводе это значение эксплицитно передается неопределенным артиклем единственного числа *une*, здесь не сообщается, о какой старухе идет речь.

кадом + $-e_1$ = *une*

«Баъд шунидем, ки гӯё Ҳайдаркулро **кадом як дузди роҳзан** дар беруни дарвозаи Қароқул кушта партофта аст, валекин ҷасади мурдари ёфта натавонистаанд» (Ҷ.И.ДО. 175). – «*Par la suite, nous entendîmes dire que Khaïdarkoul avait été tué par un brigand près des portes de Karakoul, mais que l'on n'avait pas retrouvé son corps*» (Dj.I.FF. 213). – Семантика качественной неопределенности и количественной определенности существительного «дузди роҳзан = un brigand» (разбойник) в таджикском языке подчеркивается неопределенным местоимением единственного числа *кадом* и *як*; во французском переводе семантика количественной определенности и качественной неопределенности передается посредством неопределенного артикля единственного числа *un*.

кадом як = *un*

К тому же неопределенное местоимение *кадом* в определенных условиях может выступать без неопределенного артикля $-e_1$ (*як*). По словам С.Абдурхимова, эта особенность появляется в том случае, когда зависимый компонент уже упомянут в предыдущих текстах.

«Намедонам, **кадом лаънати беинсоф** (лаънати беинсофе) ё Муҳаррами Фарч ва ё ки дигараш навишта додааст» (Ҷ.И.ДО. 323). – В данном случае существительное «лаънати беинсоф» (бессовестная тварь), обозначенное неопределенным местоимением *кадом*, является определенным по линии количественности и неопределенным по линии качественности, поскольку здесь не указано о каком человеке идет речь.

Неопределенное местоимение *кадом*+—*e*₁ (кадоме) в отдельности без зависимого компонента соответствует французскому неопределенному местоимению *quelqu'un*:

«*Кадоме аз кунчи дигар хунгос зада нолид...*» (Ч.И.ДО. 259). – «*Aussitôt quelqu'un se mit à gémir...*» (Dj.I.FF. 310). – В данном случае неопределенные местоимения «кадоме» в таджикском и «*quelqu'un*» во французском несут семантику количественной определенности и качественной неопределенности, так как не соотносятся с конкретным лицом.

Количественная определенность и качественная неопределенность объекта также встречается в конструкциях типа *ким-кадом*. Следует отметить, что в таджикском языке такая конструкция имеет ограниченную сферу использования:

«*Хешовандони модаркалонам аз ҷониби ким-кадом одами ношинос Зебиро хостгорӣ кардаанд*» (С.У.СЧМ. 141). = *Les parents de ma grande mère de la part d'un homme inconnu demandaient Zebi en mariage*. – Качественная неопределенность и количественная определенность существительного «одами ношинос» в таджикском тексте выражается посредством неопределенного местоимения *ким-кадом*; во французском языке это значение находит эксплицитное выражение в употреблении неопределенного артикля единственного числа *un*.

Неопределенные местоимения *чанд* (якчанд, чанде, чандин), как правило, несут семантику качественной и количественной неопределенности и соответствуют французским неопределенным местоименным прилагательным *plusieurs*, *quelques*, *certains* и неопределенному артиклю множественного числа *des*:

«*Вой мурдам! – гуфтани чанд кас якбора баланд шуд ва дари хона кушода шуда аз он чо чанд кас берун омад*» (С.А.Ёд. 112). – «*Ah! Je meurs! Au secours! La porte s'ouvrit et plusieurs personnes sortirent en courant*» (S.A.B. 108). – Объект, выраженный неопределенным местоимением *чанд*

(несколько) в таджикском и неопределённым местоименным прилагательным *plusieurs* во французском, характеризует количественную и качественную неопределенность, поскольку не уточняется кто они и точное их количество.

При употреблении неопределенного артикля $-e_1$ (як) с неопределённым местоимением *чанд* значение неопределённости в значительной степени усиливается и выражает часть из множества предметов.

«**Чанде** ба нешвоз баромада буданд» (Ф.М.ХН. 133). = *Certains vinrent à la rencontre.* – Неопределённые местоимения «чанде» в таджикском тексте и «certains» во французском переводе несут семантику количественной и качественной неопределенности, поскольку здесь не указано их точное количество.

«**Якчанд** косиббачаҳо толиб шуданд, лекин кампир... талабашонро рад кард» (Ҷ.И.ДО. 15). – «*Plusieurs jeunes artisans avaient déjà essayé de demander Firouza en mariage, mais la vieille femme avait refusé*» (Dj.I.FF.16). – Существительное «косиббачаҳо = jeunes artisans» характеризуется количественной и качественной неопределенностью, выраженной неопределённым местоимением *якчанд* в таджикском тексте; во французском варианте это значение передается посредством неопределенного местоименного прилагательного *plusieurs*.

«*Аз онҳо болотар дар ҳаво якчанд мурғони лошахӯр ҳам менамуданд...*» (С.А.МС. 67). – «*Au-dessus d'elles planaient des milans...*» (S.A.MU.108). – Существительное «мурғони лошахӯр» (коршуны и стервятники) не определено по линии качественности и по линии количественности, что передается неопределённым местоимением «якчанд» в таджикском тексте; во французском переводе для передачи соответствующей семантики используется неопределённый артикль множественного числа *des* «des milans».

Неопределённое местоимение *баъзе* (баъзе аз, баъзеҳо) выражает неопределённое количество, часть из множества и обычно стоит перед неопределённым объектом. Это местоимение заимствовано из арабского

языка и является близким по значению с неопределенным местоимением *бархе*. Следует отметить, что неопределенное местоимение *баъзе* более характерно для языка классической персидско-таджикской литературы, а в современном языке свойственно книжному и разговорному стилю, но слово *бархе* в том же значении не употребляется в коммуникативной речи и встречается только в текстах классической персидско-таджикской литературы [83, с.185].

«Мегӯянд, ки **баъзе бойҳо** ба ваҳм афтода гурехтаанду заминҳояшонро ба деҳқонон тақсим карда, ба онҳо пули тухмӣ ҳам медодаанд» (Р.Ҷ.АМ2. 98).

Неопределенному местоимению таджикского языка *баъзе* во французском языке соответствуют неопределенные местоимения *quelques-uns, les uns, les autres* и местоименное прилагательное *certain*:

«Илова бар ин, азбаски деҳаи мо деҳаи хоҷагон буда як ҷои мутабаррик ҳисоб мерафт, **баъзе ихлосмандон** аз ҳамсоядеҳаҳои мо ҳам бачагони худро ба мактаби деҳаи худ нагузошта, ба мактаби мо меоварданд» (С.А.МК. 7). – «En outre, il était habité par des *hkodjis*, et était considéré comme un endroit *béni*; pour cette raison, **certain** habitants *pieux* des alentours conduisaient leurs enfants de préférence à notre école» (S.A.L'école. 8). – В данном случае объект «*баъзе ихлосмандон* = *certain* habitants» характеризуется качественной и количественной неопределенностью вследствие употребления неопределенного местоимения *баъзе* в таджикском; во французском переводе это значение передается посредством неопределенного местоименного прилагательного *certain*.

«**Баъзе касон** ўро «Қорӣ Исмати ишкам» гуфтаанд ва **баъзе ширикрон** «Қорӣ Исмати ишкамба» хитоб намудаанд...» (С.А.МС. 8). – «Mais *les uns* l'appellent *Kori-Ismate ichkam*, *les autres* *Kori-Ismate ichkamba*...» (S.A.MU. 50). – В рамках предложения о количественной и качественной неопределенности существительных «кас», «ширикрон» в таджикском языке сигнализирует употребление неопределенного местоимения *баъзе*; во

французском варианте таджикские существительные «кас» и «ширинкорон» не учитываются и передаются с помощью неопределенных местоимений «les uns» и «les autres».

баъзе касон, баъзе ширинкорон = les uns, les autres

Неопределенное местоимение *баъзе* также встречается в конструкциях типа *баъзе+аз* (некоторые из), которое выделяет часть из множества; во французском языке данная конструкция реализуется посредством неопределенного местоименного прилагательного *certain*s, неопределенного местоимения *quelques-uns* и предлог *de* (*certain*s+*de*, *quelques-uns*+*de*).

Ср.: «*Ҳатто чаими баъзе аз модарон гиряолуд менамуд*» (Ф.М.ПК. 51). = *Certaines de ces mères ont les yeux s'humectèrent de larmes.* – В данном случае неопределенные местоимения *баъзе аз* в таджикском и *certain*s во французском (некоторые из) несут семантику количественной и качественной неопределенности, так как неизвестно точное количество женщин.

«*Norbert avait trouvé qu'il répondait trop vivement aux plaisanteries de quelques-uns de ses amis*» (S.RN. 265). – «*Норбер чанд дафъа най бурд, ки ба шӯхиҳои баъзе аз дустанаиш Жюлен ниҳоят озодона ҷавоб мегӯяд*» (С.СС. 284). – Семантика количественной и качественной неопределенности существительного «amis = дӯстон» (друзья) во французском языке выражается неопределенным местоимением *quelques-uns de*, здесь не указано точное количество друзей Жюльена, с которыми он откровенно разговаривал; в таджикском переводе это значение передается неопределенным местоимением *баъзе аз*.

Следует отметить, что в таджикском языке неопределенное местоимение *баъзе* может быть использовано самостоятельно (без определяемого имени), при этом оно может принимать показатель множественности –*ҳо* (*баъзеҳо*):

«*Баъзеҳо ба замини нам рӯйноки ва ё лунда шуда хобида, баъзеҳо ба по рости истода ва ҳаракатҳои бешуурона аз худ вонамуда...*» (Ҷ.И.ДО. 259). –

«*Certains étaient allongés, tout recroquevillés, d'autres étaient debout, ils avaient des gestes désordonnés*» (Dj.I.FF. 309). – В данном предложении существительное *баъзеҳо* в таджикском и неопределенное местоимение *certain*» (некоторые) во французском несут семантику количественной и качественной неопределенности, так как не известно, кто они и точное их количество.

Неопределенное местоимение *фалон* указывает на неизвестные, неопределенные лица, предметы и их признаки. Вышеуказанное местоимение заимствовано из арабского языка, который употреблялся в различных периодах истории таджикского языка. Как отмечает Б.Сияев, «сфера неопределенного местоимения *фалон* после IX – X века стало немного обширней, в XI – XIII веках, это привело к изменению стиля сочинения – произошло ослабление течения хорасанского стиля и обширным для научно – иракского стиля. Поэтому под этим влиянием, арабские слова стали всё больше внедряться в таджикско-персидский язык, и слово *фалон* является одним из них [97, с.346].

Неопределенное местоимение *фалон* соответствует неопределенному местоимению *un tel (tels)* французского языка, и, как правило, характеризует качественную или количественную определенность/неопределенность.

«*Имшаб дар фалон соат моҳ мегирад, фалон дақиқа давом мекунад...*» (С.А.Ёд. 198). – «*Il y aura cette nuit une éclipse de lune qui durera tant de minutes à partir de telle heure*». (S.A.B. 220). – В данном случае имеет место появление темпоральной неопределенности в силу лексического значения существительного «соат, дақиқа = minutes, heure», так как здесь не указано точное время солнечного затмения.

«*J'ai donné la mort avec préméditation, lui dit Julien; j'ai acheté et fait charger les pistolets chez un tel, armurier*» (S.RN. 455). – «*Ман қасдан одам куштам, — гуфт ба ӯ Жюлен, — аз фалон аслихафурӯш таппонча харидам ва фармудам, ки ба он тир ҷо кунад*» (С.С.С. 484). – Существительное «un tel, armurier = фалон аслихафурӯш» (такой-то торговец оружием) несет

семантику неопределенности по линии качественности и определенности по линии количественности, что подчеркивается употреблением неопределенного местоимения *un tel* во французской версии; в таджикском тексте существительное «*armurier = аслихафурӯш*» (торговец оружием) также воспринимается как качественно неопределенное (подразумевается: «кадом як аслихафурӯш, як аслихафурӯш(е)» и количественно определенное (единственное число); в таджикском варианте эта неопределенность выражается с помощью неопределенного местоимения *фалон*.

Неопределенное местоимение *фалон* часто встречается в сочетании с *бисмадон*, которое не определяется в независимом употреблении, и это сочетание выражает качественную и количественную неопределенность:

«*Мегӯянд, ки дар ин гуна имтиҳон касро имрӯзу фардо, фалону бисмадон гӯён чӣ қадар овора мекунад, фақат Худо медонаду корафтада*» (Б.Ф.ТП. 76).

Неопределенное местоимение *фалон* в таджикском языке выражает конкретные одушевленные и неодушевленные предметы:

Ту ҳарчи бошад, писари фалонӣ (Р.Ҷ.АМ. 335).

В современном таджикском языке неопределенное местоимение *дигар* и его формы (*дигаре, дигаре аз, аз+N+дигар, дигарон*) указывают на наличие неопределенного количества или качества предметов, лиц и пр. Во французском языке для выражения соответствующего значения употребляется местоимение *autre* (*un autre, une autre, l'autre, les autres, d'autres*), которое может быть прилагательным и местоимением:

«*Баъд, аз тоқи дигар лампаи майдаеро... гӯгирд зада даргиронд*» (Ҷ.И.ДО. 13). – «*Sur une autre étagère elle prit une petite lampe à pétrole qu'elle alluma*» (Dj.I.FF. 14). – В данном случае объект «тоқи дигар = *une autre étagère*» количественно определен, качественная определенность отсутствует, которая в таджикском языке передается неопределенным местоимением *дигар*; во французском переводе это значение выражается посредством неопределенного местоименного прилагательного *une autre*.

«Ман ва бачагони дигар дар пеши созандагон гун шуда онҳоро тамошо мекардем ва нагмаву усулҳояшонро гӯш меоддем» (С.А.Ёд. 15). – «Avec *les autres gamins*, je dévore des yeux les musiciens et ne perds pas une note de leurs chansons» (S.A.B. 19). – Контекст обуславливает качественную и количественную неопределенность существительного «бачагони дигар = *les autres gamins*» (другие дети), которая в таджикском языке подтверждается употреблением неопределенного местоимения *дигар* в единственном числе; во французском переводе семантика количественной и качественной неопределенности подчеркивается неопределенным местоименным прилагательным *les autres* во множественном числе.

Следует отметить что, в отличие от французского, в таджикском языке родовые различия имени (существительных, прилагательных, местоимений и т.п.) вообще отсутствуют. Прилагательные формально не согласуются с существительными в числе.

Таблица №12

Соотношение категории неопределенности в сопоставляемых языках

Тадж. язык		Франц. язык	
имя существительное	неопределенное местоимение	имя существительное	неопределенное местоимение
множественное число (-гон)	единственное число	множественное число (-s)	множественное число (les+-s)
бачагон	Дигар	gamins	les autres
бачагони → дигар дигар → бачагон		les autres → gamins les autres → gamins	

Следует также отметить, что в таджикском языке неопределенное местоимение *дигар* (другой) может стоять как после, так и перед существительным, при этом значение выражения не меняется.

Неопределенное местоимение *дигар* в отрицательной форме предложения выражает определенность отрицания независимо от контекста.

В данном случае слово *дигар* является эквивалентом отрицательного местоимения *ҳеч*:

«Дилором-каниз **дигар кас надорад** (= Дилором каниз **ҳеч кас надорад**), - аз хаёл мегузаронид вай» (Ҷ.И.ДО. 8). – «*Dilorom est une esclave, elle n'a pas de parents*» (Dj.I.FF. 9). – Неопределенное местоимение «дигар» в отрицательном значении и отрицательной форме глагола «доштан = avoir» (иметь) указывает на абсолютное отрицание наличия родственников у героини; во французском переводе при абсолютном отрицании объекта употребляется предлог «de» вместо артикля.

Неопределенное местоимение *дигар* в конструкциях типа *дигар+е+аз* с личным местоимением третьего лица *онҳо* выражает неопределенное лицо:

«**Дигаре аз онҳо** дар ҳамон вазъият ва бо ҳамон садои гинг-гинг ўро ҷавоб медод» (С.А.Ёд.112). – «*L'un d'eux bourdonnait comme une mouche – bzz, bzz... – sans lever la tête et sans ouvrir les yeux*» (S.A.B. 109).

Надо отметить, что неопределенные местоимения *баъзе* и *чанде* в таких случаях имеют отличие от неопределенного местоимения *дигар*. Если неопределенные местоимения *баъзе*, *чанде* выражают неопределенное количество (или качество) предметов, лиц и т.п., то как неопределенное местоимение *дигар* указывает как на единственное число одушевленного, так и на неодушевленного предмета.

Ср.: «**Баъзе аз онҳо** ҳатто худро ба зери пои асти амир мепартофтанд, ки шотирҳо зуд гирифта, ба канор тела медоданд» (Ҷ.И.ДО. 521).

«*Ҳа, сардеҳ, бачем, – гуфт пирамарде. Сар деҳ, танбеҳаширо доди, уқо, – гуфт дигаре*» (Р.Ҷ.АМ. 33).

В современном таджикском языке помимо вышеуказанных местоимений встречается группа составных неопределенных местоимений, которые образуются от вопросительных местоимений при помощи частицы *ким*: *ким-кӣ*, *ким-чӣ*, *ким-чиҳо*, *ким-кучо*, *ким-кадом*, *ким-чӣ тавр*, *ким-чӣ хел*, *ким-чӣ гуна*. Следует отметить, что эта группа местоимений при выражении

качественной и количественной неопределенности различается между собой в сочетаниях с существительными. Например, неопределенное местоимение *ким-кӣ* указывает на неизвестное, неопределенное лицо, которое является количественно определенным и качественно неопределенным. Во французском языке для выражения соответствующего значения употребляется неопределенное местоимение *quelqu'un*, (некто, кто-то).

«Азиза бо **ким-кӣ** муқотиба дорад» (А.Ш.ПЧ. 166). = *Aziza est en contact avec **quelqu'un***.

Неопределенное местоимение *ким-кӣ* также встречается во множественном числе *ким-киҳо* = *quelques-uns* (некоторые):

«Дилдора то нисфи рӯз мехобиду баъд хеста оббозӣ мекарду соатҳо бо телефон бо **ким-киҳо** мелақид» (Газ.ЧГ. 16.12.2012).

Неопределенное местоимение *ким-чӣ* во множественном числе (*ким-чиҳо*) выражает качественную или количественную неопределенность предметами, лицами. Во французском языке для выражения соответствующего значения употребляются неопределенные местоимения *quelque chose, un je-ne-sais-quoi, une espèce de*.

«Дар поён занам дар сари оташдон **ким-чӣ** мепухт ва гурунг-гурунг дар зеби лаб сурудхонон кор мекард» (Ҷ.И.ДО. 268). – «*Dans la cour, ma femme était en train de faire cuire **quelque chose** sur un petit foyer et elle chantait*» (Dj.I.FF. 321). – В данном случае основную семантическую нагрузку в плане выражения качественной неопределенности несет неопределенное местоимение «ким-чӣ» в таджикском и «*quelque chose*» во французском.

Неопределенное местоимение *ким-чӣ* также отражается в конструкциях типа *ким-чӣ+як+N+–e₁*, которое усиливает в значительной степени количественную определенность и качественную неопределенность.

«Кушбегӣ аз рӯи миз чузгирро гирифта, аз даруни он **ким-чӣ** як қоғазеро меҷуст» (Ҷ.И.ДО. 219). – «*Le kouchbégui prit des documents sur la table et se mit à les feuilleter: il cherchait **quelque papier***» (Dj.I.FF. 262). – В данном случае объект «ким-чӣ як қоғазеро = какую-то бумагу»

характеризуется качественной неопределенностью и количественной определенностью вследствие употребления неопределенного местоимения *ким-чӣ* в таджикском; во французском переводе это значение передается посредством неопределенного местоименного прилагательного *quelque*.

Следует отметить, что наряду с местоимением *ким-чӣ* и неопределенного артикля $-e_1$ (*як*) в одном предложении не исключены моменты появления послелога $-ро$. В таких случаях появление артиклоида $-ро$ не делает существительное определенным, т.е. не влияет на проявление неопределенности. Основную семантическую нагрузку в этом плане несет неопределенное местоимение *ким-чӣ*, и артикль $-e_1$ (*як*).

См. выше: *ким-чӣ як қозазеро мечуст – ища какую-то бумагу*.

Неопределенные местоимения *ким-чӣ гуна*, *ким-чӣ хел*, *ким-чӣ тавр* выражают количественную и качественную определенность/неопределенность.

«*Дар дасташ ким-чи гуна когазҳо буданд*» (Ф.М.ПК. 169).

В таджикском языке неопределенное местоимение *ким-кучо* выражает локальную неопределенность. Во французском языке для выражения соответствующего значения употребляется наречие места *de quelque part* и (*dans un certain endroit*):

«*Аз ким-кучо одамон пайдо шуданд*» (А.Ш.ПЧ. 56). = *Des gens parurent de quelque part*.

На семантику неопределенного местоимения *ким-кучо* может влиять суффикс $-ҳо$, который с добавлением этого суффикса (*ким-кучо+ҳо*) усиливает значение неопределённости:

«*Дар хусуси қиммативау қаҳтӣ ва муромуриҳо, аз ким-кучоҳои Россия эшелон-эшелон омада истодани гуруснагон аробакашоне, ки ба стансияи Конибодом ангишт мебуданд, хабарҳо меоварданд*» (Р.Қ.АМ. 165).

Неопределенное местоимение *ким-кучо* также встречается в конструкциях типа *ким-кучо+–е*, который часто употребляется с предлогом *аз*:

«Магар дар Шӯроби худамон ба шавҳар қаҳт зада буд, ки як духтари бо фаҳму фаросат ҷавони **аз ким-куҷое** ба практика омадаро хуш карда монад» (Р.Ҷ.АМ. 380).

Следует отметить, что неопределенные местоимения *ким-куҷоҳо* и *ким-куҷое* чаще употребляются в разговорном стиле речи.

При переводе французского художественного текста на таджикский язык детерминативы, присутствующие в оригинальном тексте, могут не переводиться. Одним из таких языковых средств является неопределенно-личное местоимение *он*, которое в таджикском языке не имеет своего эквивалента. Неопределенно-личное местоимение *он* выражает, в ряде случаев, определенность, обусловленную контекстом (*он* может быть тождественен *je, nous, vous*) либо количественную и качественную неопределенность (при отсутствии указания на конкретное лицо). При переводе конструкции с местоимением *он* на таджикский язык используется спектр различных языковых средств для передачи семантики неопределенности: замена активной формы глагола на пассивную; неопределенно-личная конструкция и существительное *касе*.

«**On me l'a fait épouser voilà bientôt trois ans...**» (А.Д.ТМ. 83). – «*Се сол пеш маро бо вай никоҳ карда буданд*» (А.Д.СМ. 92).

«*Вақте ки бо ин дастор ба сари дафни мурдае ҳозир мешавам, ба ҳар қас як газ ертиш **диҳанд**, ба ман ду газ **медиханд**...*» (С.А.МС. 10). – «*Lorsque j 'arrive à un enterrement, **on distribue** à tout le monde un archine de cotonnade, et à moi **on m'en donne deux***» (S.A.MU. 53). – Неопределенно-личная конструкция в таджикском языке позволяет передать значение количественной и качественной неопределенности местоимением *он*. Предметность сохраняется, поскольку подразумевается, что Кори-ишкамба дали вместо одного ертиша-два: *ему дали = кто-то ему дал*.

«*...d'Artagnan s'apprêtait à se retirer, lorsqu'il sentit qu'**on** lui touchait légèrement l'épaule*» (А.Д.ТМ. 209). – «*Д'Артаниян акнун рафтани буд, ки ногоҳ ҳис кард, **касе** оҳиста даст ба китфаи расонд*» (А.Д.СМ. 230). –

Значение неопределенности по линии качественности и определенности по линии количественности передается существительным *case*.

Если *on* обозначает конкретное лицо, т.е. *je, nous, vous*, то при переводе на таджикский язык употребляется соответствующее местоимение:

«*Bientôt on entra dans ces demi-ténèbres suffocantes*» (G.M.AS. 205). =
Дере нагузашта **мо** ба ин нимториқиҳои нафастангкунанда ворид гаишем.

3.1.3. Притяжательные местоимения

В современном таджикском языке качественная и количественная определенность также выражается местоименными суффиксами (энклитики), которые имеют семантико-грамматическое значение и произносятся слитно с предшествующим словом, не принимающим на себя ударение.

Данный разряд местоимений всегда примыкает к предшествующему слову, не употребляется самостоятельно и не может иметь главного ударения.

Эти аффиксоподобные элементы по-своему значению соответствуют личным местоимениям, но отличаются от них характером употребления и выполняемыми синтаксическими функциями. Они так же четко соотносятся с лицами, имеют формы единственного и множественного числа.

Таблица № 13

Соотношение единственного и множественного числа с лицами

Лицо	Единственное число	Множественное число
I	–ам(–ям)	–амон(–ямон)
II	–ат(–ят)	–атон(–ятон)
III	–аш(–яш)	–ашон(–яшон)

Во французском языке, в отличие от таджикского, имеются две категории слов, выражающих принадлежность: притяжательные местоимения *le mien, le tien, le sien, la mienne, la tiennne, la sienne, le notre, le votre, le leur, la notre, la votre, la leur, les miens, les tiens, les siens, les miennes,*

les tiennes, les siennes, les nôtres, les vôtres, les leurs и местоименные прилагательные *mon, ton, son, ma, ta, sa, mes, tes, ses, notre, votre, leur, nos, vos, leurs*. По словам Ю.А. Латышева, «притяжательные местоимения и местоименные прилагательные объединены общей семантикой притяжательности» [51, с.52].

Притяжательные местоимения замещают существительные, одновременно указывая его владельца; притяжательные местоименные прилагательные употребляются вместо артикля, соотнося лицо или предмет с другим объектом по линии притяжательности. Притяжательные местоимения и местоименные прилагательные детерминируют предметы и по линии количественности, и по линии качественности.

Следует отметить, что эта группа местоимений выражает не только принадлежность, но и категорию определенности. Как правильно отмечает Н. Бозидов, в таджикском языке термин «энклитические местоимения», по сути, не очень соответствуют этому значению. Называя данную группу местоимений, мы касаемся только одной стороны вопроса, которая выражает значение принадлежности. В то время как эта группа местоимений не ограничена только выражением принадлежности. Известно, что различные категории слов в связи друг с другом могут в предложении иметь различные грамматико-синтаксические значения [13, с.95].

Притяжательная определенность

При притяжательной определенности предмет может быть либо составной частью уже известного предмета, либо его принадлежностью. Такой тип определенности мы называем принадлежностью.

Во французском языке при выражении притяжательной определенности также употребляется определенный артикль, который в данном случае несет семантический оттенок притяжательности:

«*Les mains étaient blanches, mais sans finesse: les pieds n'annonçaient pas la femme de qualite*» (A.D.TM. 98). – «*Дастонаш сафед бошанд ҳам, тарҳи*

дуруште доштанд. *Пойҳояш* низ ба насаби оӣ доштанаиш далолат намекарданд» (А.Д.СМ. 109-110).

Во французском языке по данному вопросу ряд ценных замечаний можно найти в работах В.Г.Гак, Л.И.Илии, Н.А.Олейникова, М.В.Маштакова, Л.Ю.Андреева и др. Эти авторы, исследуя параллельные конструкции с определенным артиклем и притяжательными местоимениями, приходят к выводу, что в некоторых случаях эти языковые единицы выполняют тождественную функцию указания на принадлежностную определенность, хотя, в определенных условиях, между ними существует смысловая разница.

Вышеназванные романисты основной упор делают на сходство функции определенного артикля с притяжательными местоимениями в предложениях типа: «*Christophe a le cœur tremblant d'émoi*» (R.R.JC. 162).

Как отмечает Л.И.Илия, «если отношение принадлежности ясно из смысла предложения, то определенный артикль может быть достаточен для выражения принадлежности» [44, с.71].

Особенности данной проблемы в таджикском языке рассматривают К.Усманов и Н.Гулзода. В диссертации А.Л.Бухаризода [19], посвященной местоименным суффиксам современного таджикского литературного языка, говорится о способах выражения принадлежности. В частности, он отмечает, что принадлежность может выражаться сочетанием существительного с личными местоимениями, которые связываются при помощи изафета *қобилияти ман*, либо прибавлением к существительному энклитических местоимений *қобилиятam*. Разницу между данными единицами он видит в том, что при *қобилияти ман* подчеркивается определение – обладатель предмета, а при *қобилиятam*, наоборот, выделяется определяемое – предмет: *Фақат китоби ман гум шудааст. Фақат китобам гум шудааст.*

В данном исследовании не говорится о притяжательной определенности. Автор считает местоименные энклитики средством выражения портативности, а также притяжательности, но не определенности.

Надо отметить, что притяжательные прилагательные употребляются во французском языке значительно чаще, чем в таджикском языке. Они служат не только для выражения принадлежности, но и как артикль, который оформляет существительное, указывая на его род и число. В отличие от французского языка, в современном таджикском литературном языке грамматические категории рода отсутствуют.

Анализ фактического материала сопоставляемых языков показывает, что определенный артикль французского языка может выступать для выражения притяжательной определенности. При этом он заменяет притяжательные местоимения. Л.И.Илия отмечает, что в таких случаях предмет притяжательности менее тесно связан со своим субъектом.

В сочетаниях этого типа употребляются, в основном, существительные, обозначающие части тела, членов семьи, предметы одежды и т.д.:

«...*l'œil ouvert et intelligent; le nez crochu, mais finement dessiné*» (А.Д.ТМ. 9). – «...*нигоҳаш кушоди оқилона; биниаш каме хамида, вале теғдор*» (А.Д.СМ. 10).

В подобных конструкциях, как мы уже отмечали, определенный артикль обычно передается на таджикский язык посредством вышеуказанных средств.

Ср.: «*Il y porta les yeux et vit*» (S.RN. 24). – «*Жюлен қоғазро ба чашмонаш наздик оварда хонд*» (С.СС. 29).

Во французском языке кроме определенного артикля средством выражения притяжательной определенности являются притяжательные прилагательные, которые исключают употребление любого артикля. Как отмечает В.Г.Гак, «артикль и демонстратив менее субъективны, чем посессив, они как бы «отстраняют» объект, тогда как притяжательный детерминатив сближает его с субъектом. Поэтому говорят *Mon ami m'a dit* (а не *l'ami*) без детерминатива обойтись здесь невозможно, а артикль звучал бы «отчуждающе» [24, с.113].

Разница между сочетаниями с определенным артиклем и притяжательным местоимением заключается в том, что при первом, предмет принадлежности представлен не конкретно, как принадлежащий данному лицу, а обобщенно.

Обобщение проявляется особенно ярко, когда название субъекта принадлежности имеет форму мн. числа, а существительное, обозначающее объект принадлежности, - форму ед. числа:

«*Ma foi, je ne sais pas trop, il m'a fait mal à l'épaule*» (А.Д.ТМ. 26). – «*Аз бархурдани ӯ **китфам** сахт ба дард омад*» (А.Д.СМ. 57).

Подобное явление встречается и в таджикском языке, но здесь существительное лишено артикля:

«*Қосим-саркору Мирқурбон бошанд, **китф** дар ҳам кашида монданд*» (А.Ш.ПҚ. 142).

Анализ и подсчет фактического материала таджикского языка показывает, что имена существительные очень часто выступают с одним из средств выражения притяжательности, основными из которых являются энклитические местоимения –*ам*, –*ат*, –*аш*, –*амон*, –*атон*, –*ашон*, личные местоимения *ман*, *ту*, *ӯ*, *вай*, *он*, *мо*, (*моён*), *шумо*, (*шумоён*), *онҳо* (*онон*) в изафетном сочетании, а также возвратное местоимение *худ*.

Поддерживая точку зрения К.Усманова, мы считаем, что отсутствие определенного артикля компенсируется именно за счет этих средств. При этом, по-видимому, данные единицы служат не столько для указания на отношение принадлежности (ибо она, по всей вероятности, вытекает в этих случаях из контекста, т.е. вызвана логическим содержанием высказывания), сколько для выражения грамматических категорий существительного, включая и определенность, хотя притяжательность и определенность во многом не тождественны. Именно поэтому наличие этих местоимений, так же как во французском языке, исключает употребление артиклей –*e*₁ и –*e*₂:

«Қоршишамба бо чинифурӯш чой менушид, дар ҳамин вақт як нонфурӯш, ки ба **сараиш** як сабад ва ба **дасташ** як сабади дигар пури нон буд... аз раста гузаштан гирифт» (С.А.МС. 14).

«Ман ҳам ба онҳо тақлид карда, ба **тахтачаи худ** сарамро ҳамонида ва гӯшаи чаширо ба мактабдор дӯхта «алиф, бе, те, се» гуён дод мегуфтам» (С.А.МК. 15).

Однако наличие данных единиц при существительных, выступающих в функции прямого дополнения, требует употребления артиклоида –ро, который, как известно, в таких случаях не является показателем определенности существительного, а является средством грамматической связи:

«Лекин дар ин миён Бибизагори ноумедшудагӣ хесту ба ҳар ду палонҷ туф карду **фаранҷиширо** ба сар гирифта, зӯнғ-зӯнғ баромада рафт» (Ҷ.И.ДО. 19).

В таджикском языке встречаются случаи, когда название объекта притяжательности оформляется без средств ее выражения, и это в смысловом плане соответствует форме имени с определенным артиклем или местоимением притяжательного прилагательного французского языка, выражающим принадлежность.

Ср.: «**Модар** хӯрчинро дар айвончаи оишона гузошта зуд ба хона даромада **салла** ва **чомаи** надарро гирифта ба меху девор овехт ва дар ҷои нишастии ӯ кӯрпача паҳн намуда лӯлаболиишҳоро дар паҳлӯяш гузошт» (С.А.Ёд. 68). – «**Ma mère** déposa le bissac sous l’auvent et revint aussitôt. Elle débarrassa mon père **de son khalate et de son turban**, qu’elle accrocha à un clou près de la porte, étendit une couverture par terre et disposa dessus plusieurs coussins ronds» (S.A.B. 68).

«Асо машики нур об **дар китф**, хаёлкунон роҳ гаишта, ба дари ҳавли Камолиддин Махдум расид» (Ҷ.И.ДО. 474). – «Portant son outre **sur le dos**, Asso se dirigeait vers la maison de Kamoleddine-Makhdoum» (Dj.I.FF. 539).

Притяжательная определенность имеет место также в изафетных сочетаниях типа N+N таджикского языка, соответствующим французскому предлогу *de*.

Ср.: «*Балота гурам писари Абдулатифбой дар кори савдо шикаст хӯрд...*» (Ҷ.И.ДО. 81). – «*C'est que le fils de Latif-baï a eu des ennuis, son commerce ne marchait pas très bien...*» (Dj.I.FF. 100).

«*A cent pas des portes de Calais, le cheval de d'Artagnan s'abattit, et il n'y eut pas moyen de le faire se relever*»(A.D.TM. 190). – «*То Кале сад қадам боқӣ монда буд, ки аспи д'Артанян аз пой дарафтод ва дигар ўро хезондан аз имкон берун буд*» (A.D.TM. 210).

Таким образом, способы выражения качественной и количественной определенности в сопоставляемых языках в какой-то степени совпадают. Но указанные местоимения таджикского языка употребляются значительно реже, чем соответствующие местоимения французского языка, помимо этого французский язык для этой цели также использует и определенный артикль. В таджикском языке отсутствие такого артикля в большой степени компенсируется за счет энклитических, личных и возвратных местоимений.

3.1.4. Указательные местоимения

Первичной функцией этого разряда местоимений является идентификация видимого объекта путем прямого указания на него в момент речи.

В таджикском языке к разряду местоимений относятся: *ин, он, ҳамин, ҳамон, чунин, чунон*. В современном таджикском языке указательные местоимения по структуре разделяются на четыре категории:

- 1) простое (содда): *ин, он*;
- 2) образовательные (сохта): *ҳамин, ҳамон*;
- 3) сложное (мураккаб): *ончунон, ҳамчунон, инчунин*;
- 4) составное (таркибӣ): *ин гуна, ин хел*.

В современном французском языке есть две категории указательных слов: указательные прилагательные и указательные местоимения.

В группу указательных прилагательных входят такие слова, как *ce, cet, cette, ces*, которые ставятся непосредственно перед существительным, заменяют артикль и указывают род и число существительного. Эти служебные слова подобно определенному артиклю выражают качественную и количественную определенность, выделяя одну или нескольких предметов из ряда им подобных.

К указательным местоимениям относятся такие слова, как:

Таблица № 14

Формы указательных местоимений во французском языке

Род	Единственное число		Множественное число		Средний род
	Мужской род	Женский род	Мужской род	Женский род	
Простая форма	celui { ин он	celle { ин он	ceux { инҳо онҳо	celles { инҳо онҳо	ce ин ces ин cela ça ин
Сложная форма	celui-ci ин celui-là он	celle-ci ин celle-là он	ceux-ci инҳо ceux-là онҳо	celles-ci инҳо celles-là онҳо	

В предложениях эти указательные местоимения выполняют все синтаксические функции существительного: подлежащее, прямое и косвенное дополнение, именная часть сказуемого. Есть также указательное местоимение среднего рода, которое имеет обобщенное значение и не может заменять отдельное существительное.

Простые формы указательных местоимений *celui, ceux, celle, celles* обязательно сопровождаются придаточным относительным предложением или дополнением, выраженным существительным с предлогом *de*, в отличие от сложных форм *celui-ci, celle-là*, которые могут употребляться самостоятельно.

Указательные местоимения *ин* и *он* в таджикском языке по местоположению, значению и функции являются аналогичными. Разница

между этими двумя местоимениями заключается в том, что форма *ин* указывает на предмет, находящийся вблизи по месту и времени нахождения, и соответствует французским *ce, cet, cette, celui, ceux, celle, celles* и *celui-ci*:

«**Ин роҳ хеле васеъ буд**» (С.А.МС. 66). – «**Cette route était très large**» (S.A.MU. 107).

«**Celui-ci lui adressait des paroles dures, ce qui lui était assez égal; mais il pouvait écrire à Besançon, et même à Paris**» (S.RN. 146). – «**Чаноби Вално аз ин чандон таишн надошт, аммо чаноби де Ренал метавонист, ки ба Безансон ва ҳатто ба Париж хабар диҳад**» (С.СС. 159).

Местоимение *он* указывает на отдаленный предмет или явление, будущее время и соответствует французским *ce, cet, cette, celui, ceux, celle, celles* и *celle-là*.

«**Бошад, мехӯрдам, набошад, ҳамин ҳалвои қоқтӣ ҳам шудан мегирад**». (С.А.Ёд. 22). – «**J’y goûterai si on m’en donne. Pour le moment, je mange celle-là**» (S.A.V. 26).

В академической грамматике [28] в связи с местоимением *ин* отмечено, что оно в предложении выполняет различные функции:

а) указательная функция. Указательное местоимение *ин* является широко употребляемым и имеет качественный и указательный характер.

«**Ҳайдаркул дар ин фикр буд, ки ноҳост девонае, ки рост меистод... ба сӯи ҳайдаркул нигоҳ карда хитоб намуд**» (Ҷ.И.ДО. 259).

б) функция заменимости (анафорическая функция). Указательное местоимение *ин* может употребляться вместо другой части речи, которая отвергает его повторение. Поэтому мы решили дать картину анафорической определенности в таджикском языке с помощью указательного местоимения *ин* и его передачи во французском языке.

«Анафорой или относительным дейксисом, - пишет О.С.Ахманова, называется фигура речи, состоящая в повторении начального слова в каждом параллельном элементе речи» [140, с.47]. По этому вопросу Е.В.Падучева также отмечает, что анафорическая связь – это отношение, возникающее

между словами во фразе или в тексте, когда смысл одного слова или выражения содержит отсылку к другому, при отсутствии синтаксической связи между ними [70, с.134].

Исходя из этого, анафорическим следует считать такой тип определенности, который основывается на вторичном упоминании предмета или явления, которое может быть прямым или косвенным. Такой тип определенности присущ всем языкам, в том числе современному таджикскому и французскому, ибо в связанной речи приходится не только сообщать что-нибудь о каком-то предмете, но также давать о нем дополнительную информацию. Именно после первого упоминания этот предмет воспринимается говорящим как уже качественно и количественно определенный, т.к. в сознании последнего устанавливается непосредственная и прямая связь между предметом и его копией. Известно, что при первом упоминании предмета он, как правило, бывает неопределенным для слушающего, и, следовательно, в сопоставляемых языках, в зависимости от их норм, данное существительное оформляется одним из рассмотренных средств обозначения неопределенности. Однако при повторном упоминании способы оформления существительного в этих языках неодинаковы.

Ср.: «*Бинои ин бонк дар паскӯчае буд, ки он кӯча аз растаи баззози поён сар шуда аз пеши гулхани саррофон ва тангкӯчаҳои печ дар печи маҳаллаи яхудиён гузашта, аз болои пуштаи Зогон ба дарвозаи Саллоҳона мебаромад*» (С.А.МС. 93). – «*Le bâtiment se trouvait dans **une ruelle**, donnant sur le marche aux textiles. **La ruelle** longeait les bains Sarrafon, les impasses et les culs-de-sac entrecroisés du Faubourg juif et se terminait près de la porte Sallakhon au-dela de Pouchtizagon*» (S.A.MU. 135). – В первом случае существительное «паскуча = ruelle» (переулок) характеризуется количественной определенностью и качественной неопределенностью, так как он впервые вводится в контекст, который в таджикском и французском языках подчеркивается неопределенным артиклем –*e*₁ в таджикском и *un* во французском. Во втором случае наличествует контекстуально обусловленная

количественная и качественная определенность, выраженная эксплицитно в обоих языках, но в таджикском языке, в отличие от французского, вместо определенного артикля $-e_2$, употребляется указательное местоимение *он*, которое выполняет функции определенного артикля единственного числа французского языка *la*.

наскучае = une ruelle → *он наскуча = la (cette) ruelle*.

«Бобоям ба тарафи хонаи занон рафта аз он чо **як лаъличаи биринҷӣ** гирифт, ба оишона рафта аз он чо наи оташпуфкунии модарамро гирифт ва аз шохи дарахти зардолу ду химчаро шикаста гирифта, ҳамаи ин чизхоро ба рӯи суфа овард. **Лаъличаро** чаппа гузошта маро ба пеши вай шинонда химчаҳоро ба дастонам дод ва худаи ба паҳлӯям нишаста найро ба лабонаи дошт». (С.А.Ёд. 17). – «*Mon grand-père alla dans l'appartement des femmes et en rapporta **un petit plateau de cuivre**, puis il prit à la cuisine une baguette de bambou; enfin, il cassa deux rameaux d'abricotier. Après quoi, il posa le tout devant moi, sur le souf où venaient de jouer les musiciens. Plaçant **le plateau** droit sur la branche, il me fit asseoir à côté, me mit dans les mains les rameaux d'abricotier, et porta lui-même le bambou à ses lèvres*». (S.A.B. 21). – В данном предложении количественная определенность и качественная неопределенность существительного «лаъличаи биринҷӣ = petit plateau de cuivre» в таджикском и французском языках эксплицитно передается неопределенным артиклем единственного числа *як = un*;

Во втором случае наличествует контекстуально обусловленная количественная и качественная определенность, выраженная имплицитно в таджикском с помощью послелога $-ро$; во французском переводе качественная количественная определенность передается определенным артиклем единственного числа *le*.

як лаъличаи биринҷӣ = un petit plateau de cuivre → *лаъличаро = le plateau*.

«*D'Artagnan entra donc dans Paris à pied, portant son petit paquet sous son bras, et marcha tant qu'il trouvât à louer **une chambre** qui convînt à l'exiguïté de*

ses ressources. Cette chambre fut une espèce de mansarde, sise rue des Fossoyeurs, près du Luxembourg» (А.Д.ТМ. 21). – «*Ҳамин тавр, д'Артянян бастваширо зери багал гирифта ниёда вориди Париж гардид ва дар кӯчаҳо гардиш мекард, то даме, ки мувофиқи дороиаш иҷора гирифтани кулбае ба вай муяссар шуд. Ин кулба болохона барин манзиле буд воқеъ дар кӯчаи Гӯрканон, қарибии Луксембург»* (А.Д.СМ. 23). – В данном случае при первом упоминании существительное «chambre = кулба» (комната) является количественно определенным и качественно неопределенным, которое во французском тексте эксплицитно подкрепляется неопределенным артиклем единственного числа *un*; в таджикском переводе имплицитно передается неопределенным артиклем *-e₁*.

Во втором случае наличествует контекстуально обусловленная количественная и качественная определенность, выраженная эксплицитно в обоих языках указательным прилагательным; местоимением *cette* во французском и указательным местоимением «он» в таджикском языке.

une chambre = кулбае → *cette chambre = он кулба*

Следует отметить, что при анафорической определенности имя существительное во французском языке, как правило, употребляется с определенным артиклем или с указательным местоимением. В таджикском языке перед существительным могут стоять указательные местоимения *ин, он, ҳамин, ҳамон*, или же оно принимает послелог *-ро*, если выполняет функцию прямого дополнения (см. выше). Нередки случаи, когда существительное не имеет никаких формантов:

Ср.: «*Чавонмарди логарандоме бо духтарчаи 5—6 солааш омада дар як гӯшаи харак нишааст. Мард аз пурсишҳои у дилтанг нагашта чавоб медод*» (Б.Ф.ТН. 63-64).

чавонмарди логарандоме → *мард*

Указательные местоимения таджикского языка, как справедливо отмечает М.Нахангова, служат для выделения предмета из числа ему подобных, или же указывают на предмет как уже упомянутый в предыдущей

речи. В этом плане значительный интерес представляют высказывания Б.Сияева и Е.К.Молчановой, которые, исследуя историю развития местоимений таджикского и персидского языков, указывают, что в своей анафорической функции указательные местоимения выступают морфологическим показателем определенности существительного и приближаются к артиклю. Как бы продолжая эту мысль, В.А.Лившиц пишет, что указательные местоимения, подобно определенному артиклю, могут выражать определенность предмета. Существуют, однако, глубокие различия в способе выражения этой определенности. Употребление определенного артикля всегда основывается на предварительном знакомстве с обозначаемым, тогда как указательные местоимения могут определять или уже известный предмет, или предмет, еще неизвестный говорящему [53, с.138]. Хотя эти замечания В.А.Лившица относятся к афганскому языку, их в полной мере можно отнести и к таджикскому, т.к. эти языки являются родственными. Здесь В.А.Лившиц подмечает одну деталь, которую следует конкретизировать. Мы имеем в виду его высказывания о том, что эти местоимения могут показать либо определенность, либо неопределенность предмета говорящего. Нам представляется, что указательные местоимения таджикского языка при их адъективном употреблении выполняют две функции:

1) указывают на уже упомянутый предмет, который знаком слушающему. В данной функции они несколько ослабляют свою семантику и не принимают ударения. В результате эти местоимения приближаются к артиклю и выступают как бы признаком косвенного дейксиса;

2) указывают на предмет, который еще не введен в речь, но прямо или косвенно связан с речевой ситуацией, и поэтому он ситуативно определен. В таком случае указательные местоимения представляются признаком прямого дейксиса и, естественно, не выражают анафорической определенности. Соответствующую характеристику указательных местоимений при подобном

употреблении рассмотрим при анализе ситуативной и дейктической определенности. Здесь на двух примерах покажем эти две функции:

1) *«Дар Сесӯи шаҳри Бухоро, дар долоне, ки ба тарафи растаи чинифурӯшӣ бармегаиш, ба тарафи дасти рост **саройчае** бино ёфта буд. Рӯзе дар пеши дарвозаи **он саройча** мардуми бисёр гурд омада ҳар кадоми онҳо мехостанд, ки ба даруни саройча дароянд»* (С.А.МС. 149).

2) *«Хӯ, дар **он хона** зиндагӣ мекунад, — бинои дар рӯ ба рӯ бударо нишон дода, Илҳомро хабардор кард Айнакӣ»* (Б.Ф.ТН. 11).

Исходя из этого, можно предположить, что указательные местоимения таджикского языка в их первой функции являются показателем анафорической определенности существительного и приближаются к определенному артиклю французского языка.

Следует отметить, что в таджикском языке существительное при его анафорическом употреблении не всегда оформляется указательным местоимением:

*«Як рӯз нагоҳӣ, вақте ки Зоҳирхӯча шохи ниҳолеро арра мекард, дар рӯ ба рӯяш **духтаре** пайдо шуд»* (А.Ш.ПҚ. 89). *«Зоҳирхӯча аввал ба тарафи поёни бог, сонӣ ба **духтар** чаши давонд»* (А.Ш.ПҚ. 89).

Анализ конструкций с указательными местоимениями и без них показывает, что в смысловом плане между ними есть существенная разница. Во-первых, существительное с местоимением более тесно связано с предыдущим предложением, и такая конструкция сигнализирует о неполноте информации во втором предложении. В данном случае нельзя провести контекстную границу между этими предложениями. В случае отсутствия местоимения второе предложение менее тесно связано с первым предложением, существительное становится более самостоятельным. Во французском языке существительное, как правило, употребляется с определенным артиклем.

Ср.: «*Ў ба дастам як мактуби сарбаста дода гуфт: — Ин хатро ба Ҳабиба деҳ...*» (С.А.Ёд. 85). – «*Il me tendit **une lettre**: — Remets-la (la letter = cette lettre) à Khabiba*» (S.A.B. 82).

«*Зани тахмин бистучор-биступанҷсолае назди пештахта меистод*» (Ф.М.ПК. 59). «*Дар паҳлӯи зан халтаю сумкаҳо дар дасти шавҳараи меистод*» (Ф.М.ПК. 59).

И во французском языке встречаются случаи, когда при анафорической определенности перед существительным стоит указательное местоименное прилагательное:

«*Il se retourna, et vit **une jeune femme** qui lui faisait signe de la suivre. Cette jeune femme avait le visage couvert d'un loup de velours noir...*» (A.D.TM. 209).

Специфической особенностью анафорической определенности в сопоставляемых языках является то, что слово – анафора может выступать в различных смысловых отношениях со словом предыдущего контекста. Наиболее характерными считаются следующие отношения:

1) Одно и то же существительное повторяется в обоих предложениях:

«*...дар дасти чап **наскӯчае** буд, ки мувозатан ба қалъаи Бухоро кашол меёфт. Дар **ин наскӯча** ҳавлиҳои калони қаршастии бойҳо ва амалдорон набуда, асосан ҳавличаҳои бева ва бечораҳо, хунарпешагон ва косибон ҷогирифта буд*» (Ҷ.И.ДО. 6). – «*...à gauche partait **une ruelle** qui longeait la citadelle. Dans **cette ruelle** il n'y avait aucune de meure de bai ni celles des notables de la ville: dans ces minuscules mesures vivaient de petits artisans et de pauvres veuves*» (Dj.I.FF. 6).

2) Упомянутое слово к вторично названному существительному находится в отношении вида к роду:

«*Ў дарро кушода дид, ки **асп** дорам. Аз дасти ман **он ҳайвонро** гирифтм ба сарой даровард* (С.А.МС. 71). – *L'aubergiste se réveilla, ouvrit la porte, et, voyant que j'avais **un cheval**, fit lever **le domestique**. ... et on trouva une place... à l'écurie* (S.A.MU. 112).

3) Оба слова, относясь к различным частям речи, могут быть связаны этимологически:

«Дар байни рафиқони мо **чавоне** буд, ки падараш яке аз бойҳои миёнаҳои Бухоро буд. **Ин бойбача** яке аз дӯстони дерини ман буда бо Қоришшамба ҳам ошноӣ ҳазлкаш будааст» (С.А.МС. 42). – «Il y avait dans notre groupe **un jeune homme** dont le père était considéré à Boukhara comme jouissant d'une fortune moyenne. **Ce jeune homme** connaissait Kori-Ichkamba et échangeait souvent des plaisanteries avec lui». (S.A.MU. 83).

Следует отметить, что в таджикском языке при анафорической определенности существительное – антецедент оформляется пятью случаями:

1) артиклом –e₂:

«Дар он ҷо маро **милисия** интизор аст. Бале, **милисияе**, ки аз маркази район омадааст» (Ҷ.И.А. 337).

2) указательным местоимением и артиклом –e₂:

«Роҳи нақби Дохунда бо нақбе, ки ба тозагӣ аз берун зада буданд, рост омада буд... **ин роҳе** ки ба ногаҳонӣ ёфт шуд, аз қалъа бадар рафт» (С.А.К. 238).

послелогом –ро:

«Дар қарибии дарвоза, дар ялангае **як аробаи** қўқандии болопӯшдор меистод. Соҳибонаш аспро кушода, ба ҳавлӣ дароварда ва **аробаро** холӣ гузошта буданд» (Ҷ.И.ДО. 110).

3) указательным местоимением и послелогом –ро:

«...аз як тарафи он чуб ба дарозиаш бо парма **сӯрох** намуд. **Он сӯрохро** ба тарафи дигари чуб набароварда... ва ин асбобро «таппончаи чубин» ном ниҳод» (С.А.Ёд. 152).

4) только указательным местоимением:

«Растаи толор рафта ба **як айвончаи** зебои гаҷқорӣ мепайваст, ки болои **ин айвонча** як болохонаи айвончадор буд, ки нишинандаи он ҷо, агар рост нигоҳ кунад, ҳама ҷои богчаро тамошо мекард» (С.А.Ёд. 238).

5) без никаких показателей:

«*Чирчираке дар кунҷи кадом деворе нишафта якзайл чир-чир мекард, ки ба Бақочон халал наредод. Ҳамин ки атроф хомӯш шуд, овози чирчирак баралоина шунида мешуд*» (Ҷ.И.ТВ. 50).

Таким образом, при анафорической определенности во французском языке существительное оформляется артиклем *le, la, les* или указательным местоимением. А в таджикском языке ее формальным показателем часто является указательное местоимение, приближенное к артиклю. В определенных случаях существительное может стоять без показателей. А в функции прямого дополнения такое существительное принимает послелог – *ро*. Проявлению анафорической определенности способствует предыдущий контекст, а не артикль, местоимение или –*ро*. Эти средства являются только формальным показателем. Что касается анафорического слова, то оно может находиться в различных отношениях с ранее названным существительным.

В таджикском языке качественная и количественная определенность характеризуется определительным местоимением *ҳама*, которое своим лексическим значением указывает на полноту охвата или совокупность предметов и явлений, во французском языке для выражения соответствующего значения употребляется местоимение *tout*, относимое к неопределенным, характеризуется количественной и качественной определенностью:

«*Дар он ҳол Ҷура-Қаровулбеғӣ ки дар қимор болодаст буду ҳамаи пулҳоро бурда буд, шармандаёна хандиду гуфт*» (Ҷ.И.ДО. 57). – «*Djoura-Karavoulbégui qui avait gagné tout l'argent du bai se mit à rire d'un air troublé*» (Dj.I.FF. 71). – В данном случае определительное местоимение «*ҳама*» в таджикском и неопределенное местоимение «*tout*» (всё) во французском выражают качественную и количественную определенность, поскольку эти местоимения обозначают всю совокупность денег, которую Джура-Каравулбеги выиграл у своего друга.

«*Objet des mépris de tous à la maison, il haïssait ses frères et son père*». (S.RN. 17). – «*Ҳама аҳли хона вайро таҳқир мекарданд ва ӯ ҳам бародарон ва падарро бад медид...*» (С.С.С. 22).

Графически вышесказанное можно выразить в следующей таблице, где «+» означает присутствие признака, «-» - отсутствие признака, «±» - возможность отсутствия/присутствия признака в зависимости от контекстуальных условий:

Таблица 15

		Количественная определенность/ неопределенность местоимений и местоименных прилагательных в таджикском и французском языках		Качественная определенность/ неопределенность местоимений и местоименных прилагательных в таджикском и французском языках	
Язык		определенность	неопределенность	определенность	неопределенность
Тадж. язык	Личные местоимения ман, ту, вай, ӯ, мо, шумо, онҳо	+	-	+	-
Франц. язык	Личные местоимения je, tu, nous, vous, il/elle, ils/elles	+	-	+	-
Тадж. язык		-	+	-	+
Франц. язык	Местоимение on	±	±	±	±
Тадж. язык	Энклитические местоимения – ам, –ат, –аш, –амон, –атон, –ашон	+	-	+	-
Франц. язык	Притяжательные местоимения и местоименные прилагательные	+	-	+	-
Тадж. язык	Указательные местоимения	+	-	+	-
Франц. язык	Указательные местоимения и местоименные прилагательные	+	-	+	-
Тадж. язык	Неопределенные местоимения баъзе, ягон, фалон, кадом, чандин, якчанд, чанде, ким-кӣ, ким-чӣ, ким-кадом	±	+	±	±
Франц. язык	Неопределенные местоимения chacun, quelqu'un, l'un,	-	+	±	±

	l'autre, un tel, certain, quiconque, autrui, quelque chose; неопределенные местоименные прилагательные certain, tel, quelque, quelconque, n'importequel, chaque				
Франц. язык	Неопределенные местоимения quelques-uns, tels, certains; неопределенные местоименные прилагательные certains, tels, quelques, plusieurs, divers	±	±		
Тадж. язык	Определительно местоимение ьама	+	-	+	-
Франц. язык	Неопределенное местоимение tout				

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В таджикском так же, как и во французском, определенность/неопределенность объекта обеспечивается контекстом, экстралингвистической ситуацией и объективной реальностью. Имеющиеся специальные средства выражения определенности/неопределенности (притяжательные, указательные местоимения, числительные и др.) подтверждают то значение, которое обусловлено контекстом. Во французском языке это подтверждение носит обязательный и постоянный характер, в таджикском языке проявляется спорадически, в зависимости от целей сообщения.

Для передачи определенности значений отрицания в таджикском, и во французском языках обязательно используются соответствующие эксплицитные средства – отрицательные местоимения в таджикском (*ҳеҷ+кас, ҳеҷ+чиз, ҳеҷ+гуна, ҳеҷ+хел*) и неопределенные местоимения и местоименные прилагательные с отрицательным значением во французском языке (*personne, rien, aucun, nul*). Семантика определенности отрицания реализуется непосредственно на словесном уровне. Контекст не играет роли в детерминации значения определенности отрицания.

Как в таджикском, так и во французском языке личные местоимения первого и второго лица (*ман, ту = je, tu*) характеризуются высшей степенью конкретизации, обозначая адресата и адресанта; личные местоимения третьего лица (*вай, ӯ = il, elle*) в анафорической функции соотносятся с конкретными предметами, лицами, детерминированными предшествующим контекстом. Притяжательные местоимения в обоих языках детерминируют объект по линии принадлежности; указательные местоимения употребляются при желании подчеркнуть семантику указательности. Определительное местоимение *ҳама* в таджикском языке и неопределенное местоимение *tout* во французском языке определены качественно и количественно, поскольку они обозначают всю совокупность лиц или предметов.

Качественная определенность/неопределенность определительных местоимений *ҳар кадом, ҳар як* и неопределенных местоимений *баъзе, ягон, фалон, кадом, чандин, ким-кӣ, ким-чӣ, ким-кадом* в таджикском языке, а также неопределенных местоимений *chacun, quelqu'un, l'un, l'autre, un tel, certain, quiconque, autrui, quicque chose*, неопределенных местоименных прилагательных + существительные *certain, tel, quelque, quelconque, n'importe quel, chaque* во французском языке может интерпретироваться только на основе анализа широкого контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ФСП определенности/неопределенности в таджикском и во французском языках имеет свою специфику.

Количественная определенность/неопределенность в сопоставляемых языках реализуется на уровне словосочетаний и предложений. Решающим фактором детерминации объекта как качественно определенного или неопределенного является контекст, экстралингвистическая ситуация; при этом основная роль, преимущественно, отводится адресанту, которым может быть автор повествования (художественный, научный, публицистический стиль), говорящий (дискурсивный стиль). Имеющиеся средства выражения определенности/неопределенности подтверждают семантику, обусловленную контекстом, экстралингвистической ситуацией, в связи с чем можно прийти к **следующим выводам:**

1. При первом упоминании в контексте лица или предмета, как правило, последние воспринимаются как качественно неопределенные, что находит в таджикском языке имплицитное выражение в употреблении единично-неопределенного артикля $-e_1$. Эквивалентом неопределенного артикля $-e_1$ в таджикском языке является артиклоид *як*, которому присущи почти все характеристики артикля $-e_1$, но в отличие от $-e_1$, *як* употребляется эксплицитно. В таджикском языке артикль развит слабо и играет почти факультативную роль, ибо его можно легко опустить, и предложение от этого не теряет обычно свой общий смысл, чего нельзя сказать в отношении французских артиклей. Во французском языке это выражается эксплицитно в обязательном употреблении неопределенного артикля. В дальнейшем эти объекты уже воспринимаются как определенные, а в таджикском языке оформляются послелогом $-ро$, если выполняют функцию прямого дополнения. В таджикском языке сфера действия указательно-определенного артикля $-e_2$ ограничена антецедентом определительного придаточного предложения, вне антецедента, подобно французскому языку, для оформления определенного состояния имени таджикский язык таким

артиклем не обладает, поэтому в случаях анафоры функцию такого артикля обычно берут на себя указательные местоимения *он* (тот), *ҳамон* (тот) и реже - *ин* (этот), *ҳамин* (этот). В таджикском языке количественная и качественная определенность сопровождается без каких либо детерминативов, семантика которых определяется из контекста. Во французском языке для этой цели употребляется определенный артикль или соответствующие местоименные детерминативы. Исключение составляет авторское, целенаправленное использование существительных с определенным артиклем в начале литературного произведения для подчеркивания значимости лица или предмета, о котором ведется повествование (*L'Étranger* – Бегона).

2. В сопоставляемых языках существительные, обозначающие уникальные предметы: планетарные тела, известные культурные ценности, религиозные и философские понятия, единицы измерений, географические названия и т. п., - детерминированные в неязыковой реальности, воспринимаются как определенные и во французском языке употребляются с артиклем. В таджикском языке эти существительные обычно сопровождаются без каких-либо детерминативов.

3. В таджикском и французском языках определенность/неопределенность обеспечивается контекстом. В сопоставляемых языках характерно употребление артиклей и других единиц (особенно в таджикском языке), в частности употребляются элементы «скрытой грамматики» и лексические средства. Во французском языке контекстуально обусловленная семантика определенности/неопределенности обязательно подтверждается регулярно используемыми средствами (артиклем, местоимением + существительное).

4. В сопоставляемых языках контекст не оказывает влияния на качественную определенность в следующих случаях:

а) при выражении определенности отрицания отрицательными местоимениями *ҳеч+кас*, *ҳеч+чиз*, *ҳеч+гуна*, *ҳеч+хел* в таджикском языке и неопределенными местоимениями *personne*, *nul*, *aucun*, *rien*, а также

неопределенными местоименными прилагательными *nul*, *aucun* во французском языке;

б) при обозначении существительных, выражающих абстрактные понятия. Качественная определенность в этом случае обусловлена лексической семантикой существительных (кувва = *forec(f)*, дӯстӣ = *amitie(f)*, ишқ = *amour(m)* и т.п.);

в) при употреблении личных местоимений первого и второго лица, обозначающих непосредственных участников коммуникативного акта (говорящего и слушающего, адресата и адресанта) и наделенных высшей степенью конкретизации.

5. В отличие от таджикского языка, во французском языке качественная определенность объектов, обозначенных существительными, имеет место в характеризующей функции неопределенного артикля: предмет выступает как качественно определенный, но характеризуется некой новой, порой окказиональной чертой. Ср.: *Абрувони сиёҳ, чашмони калон-калони шаҳло ва дилбар... вай чашими бинандаро беихтиёр ба худ ҷазб мекард. – Et elle était si gracieuse, si attirante: des sourcils noirs, des yeux immenses et brillants... .*

6. В таджикском и французском языках реализация семантики количественной неопределенности неисчисляемых существительных, обозначающих вещество, материю и абстрактные понятия, имеет свою специфику.

7. Количественная неопределенность абстрактных существительных в сопоставляемых языках выражается не в обозначении неопределенного числа, а неопределенной меры, степени; количественная неопределенность существительных, обозначающих вещество, материю, выражается в указании неопределенного объема, веса. Во французском языке, в отличие от таджикского, для этой цели используются формы *du* и *de la*, *de l'*, которые принято называть партитивным (частичным) артиклем.

8. Выражение количественной и качественной определенности/неопределенности в сопоставляемых языках реализуется местоимениями (притяжательными, указательными в таджикском языке, местоимениями и местоименными прилагательными во французском). Так, личные местоимения первого и второго лица могут быть детерминированы собственной грамматической природой; контекстуальными условиями. Личные местоимения третьего лица, указательные местоимения в таджикском и указательные местоименные прилагательные во французском языке (*ӯ, вай, онҳо* = *il, elle, ils, elles* и *ин, он, ҳамин, ҳамон* = *ce, cet, cette*), как правило, выполняют в тексте анафорическую функцию, указывая на предмет, лицо, понятие, явление, детерминированное предшествующим контекстом. Притяжательные местоимения (местоименные энклитики) в таджикском и притяжательные местоимения и местоименные притяжательные прилагательные во французском языке детерминируют объект по линии принадлежности конкретному лицу или предмету. Определительное местоимение *ҳама* в таджикском языке и неопределенное местоименное прилагательное *tout* во французском языке детерминированы качественно и количественно, поскольку они обозначают всю совокупность объектов в обобщающем значении или в конкретной ситуации. Неопределенные местоимения *баъзе, бархе, якчанд* в таджикском и неопределенные местоимения *quelques-uns, tels, certains*, неопределенные местоименные прилагательные множественного числа *certain, tels, quelques, plusieurs, différents, divers* во французском языке, как правило, характеризуются качественной и количественной неопределенностью, обозначая неопределенное количество неизвестных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова, Т.А. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка (на фр. яз) / Т.А. Абросимова. – Л.: Просвещение, 1972. – 248 с.
2. Алехина, М.И. Определенность/неопределенность предмета как контекстуальная категория / М.И. Алехина // Русский язык в школе. – М., 1974. – №5. – С. 81–85.
3. Арзуманов, С.Д. Забони тоҷикӣ / С.Д. Арзуманов, А. Сангинов. – Душанбе: Маориф, 1988 – 416 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1976. – 383 с.
5. Асоева, К.А. Типы подчинительной связи слов в словосочетаниях в простом предложении в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К.А. Асоева. – Душанбе, 2014. – 159 с.
6. Баженова, Н.М. Актуализаторы имени существительного в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н.М. Баженова. – Санкт-Петербург, 2003. – 24 с.
7. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
8. Басманова, А.Г. Именные части речи во французском языке: Трудности фр. грамматики / А.Г. Басманова, Б.И. Турчина. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
9. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 444 с.
10. Березин, Н. Грамматика персидского языка / Н. Березин. – Казань: Типография Казанского университета, 1853. – 480 с.
11. Бертельс, Е.Э. Грамматика персидского языка / Е.Э. Бертельс. – Л.: Гос. академ. типог., 1926. – 124 с.
12. Бобырева, М.М. О типологии предложения в современном французском языке / М.М. Бобырева. – М.: Наука, 1964. – 215 с.

13. Бозидов, Н. Пайвандакҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Н. Бозидов. – Душанбе: Маориф, 1985. – 102 с.
14. Бондарева, Т.Э. Диахрония категории определённости/неопределённости (на материале русского языка и языков разных систем): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Э. Бондарева. – Ростов-на-Дону, 2011. – 20 с.
15. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 114 с.
16. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
17. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 173 с.
18. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
19. Бухоризода, А.А. Вазифаҳои суффиксҷонишинҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / А.А. Бухоризода. – Сталинабад, 1954. – 227 с.
20. Василева, Е.А. Референционные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.А. Васильева. – М., 1993. – 20 с.
21. Васильева, Н.М. Французский язык: Теоретическая грамматика: Морфология: Синтаксис: Ускоренный курс / Н.М. Васильева, Л.П. Пицкова. – М.: Высшая школа, 1991. – 299 с.
22. Волкова, Е.И. Английский артикль в речевых ситуациях / Е.И. Волкова. – М.: Просвещение, 1974. – 160 с.
23. Гак, В.Г. Сопоставительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 262 с.
24. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1979. – 304 с.

25. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
26. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики: Сборник неизданных текстов / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 218 с.
27. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.1. Фонетика и морфология / под ред. Б. Ниязмухаммедова. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 452 с.
28. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.1. Фонетика и морфология / под ред. Х. Каримова, А. Маниёзова, А. Мирзоева, Ш. Рустамова, Д. Таджиева, Р. Гаффорова. – Душанбе: Дониш, 1985. – 355 с.
29. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.2. Простые предложения / под ред. Ш. Рустамова, Р. Гаффорова. – Душанбе: Дониш, 1987. – 372 с.
30. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.3. Сложные предложения / под ред. Ш. Рустамова, Б. Камолиддинова. – Душанбе: Дониш, 1989. – 224 с.
31. Гулзода, Н. Ифодаи соҳибият дар забони адабии тоҷикӣ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Н. Гулзода. – Душанбе, 2009. – 193 с.
32. Гулыга, Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение. – 1969. – 184 с.
33. Гаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил / Р. Гаффоров. – Душанбе: Дониш, 1966. – 218 с.
34. Гаффоров, Р. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ. Ҷ.3 / Р. Гаффоров. – Душанбе: Дониш, 1979. – 272 с.
35. Джамшедов, П.Д. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках / П.Д. Джамшедов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 175 с.
36. Джафар, М. Грамматика персидского языка / М. Джафар. – М., 1901.

37. Джураев, Р. Суффиксальное –е как указательное местоимение в раннем персидском языке Р. Джураев // “IX Всесоюзная научная конференция по иранской филологии” (Тезисы докладов), – Ташкент, 1964.
38. Джураев, Р. Очерки по истории грамматики таджикского и персидского языков / Р. Джураев. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 172 с.
39. Добеева, М.Ю. Дискурсивный аспект нулевого артикля в текстах прессы современного французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / М.Ю. Добеева. – Иркутск, 2003. – 18 с.
40. Додхудоев, Р.Х. Таърихи забони тоҷикӣ / Р.Х. Додхудоев, Л.Г. Герценберг. – Душанбе: Маориф, 1988. – 215 с.
41. Жирков, Л.И. Персидский язык. Элементарная грамматика / Л.И. Жирков. – М.: Изд. Ин-та востоковедения при ЦИК СССР, 1927. – 207 с.
42. Залеман, К.Г. Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии / К.Г. Залеман, В.А. Жуковский. – СПб., 1890. – 100 с.
43. Илия, Л.И. Артикль во французском языке / Л.И. Илия. – М.: Учпедгиз, 1956. – 110 с.
44. Илия, Л.И. Грамматика французского языка / Л.И. Илия. – М.: Высшая школа, 1964. – 304 с.
45. Исматуллоев, М.Ф. Пуркунадаи бевосита дар забони адабии ҳозираи тоҷик / М.Ф. Исматуллоев. – Сталинобод: Нашриёти давлатии адабиёти таълимӣ-педагогии вазорати маорифи РСС Тоҷикистон, 1961. – 69 с.
46. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 186 с.
47. Крамский, И.К. проблеме артикля / И. Крамский // Вопросы языкознания. – М., 1963. - № 4. - С. 14–26.
48. Каримов, Ҳ. Мухтасар дар бораи морфемаи –е (э-йэ) / Ҳ. Каримов // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1967. - С. 18–23.

49. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
50. Крылов, С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы / С.А. Крылов // Семиотика и информатика. Вып. 23. – М., 1984. - С. 124-154.
51. Латышева, Ю.А. Функционально-семантическое поле предметной определенности и неопределенности и контекст в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю.А. Латышева. – М., 2006. – 182 с.
52. Левкина, Т.А. Текстовая роль артикля в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т.А. Левкина. – М., 1994. – 21 с.
53. Лившиц, В.А. Указательные местоимения в афганском языке (пашто) / В.А. Лившиц // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1956. - № 9. - С. 121–140.
54. Маштакова, М.В. Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.В. Маштакова. – М., 2005. – 177 с.
55. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1959. – 294 с.
56. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л.: АН ССР, 1945. – 196 с.
57. Молчанова, Е.К. О выражении атрибутивной связи и других функций указательных местоимений в среднеперсидском языке / Е.К. Молчанова // Проблемы лингвистического анализа: фонология, грамматика, лексикология. – М.: Наука, 1966. – 215 с.
58. Москальская, О.И. Развитие артикля в древних германских языках: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.04 / О.И. Москальская. – М., 1952. – 755 с.

59. Мошеев, И.Б. Грамматические категории имени в русском и таджикском языках / И.Б. Мошеев. – Душанбе: Госпединститут, 1987 – 230 с.
60. Муравьева, Л.Н. Артикль в современных таджикском и персидском литературных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Л.Н. Муравьева. – М., 1956. – 16 с.
61. Мухторова, С.Я. Артикль –е в современном таджикском языке и его английские эквиваленты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / С.Я. Мухторова. – Душанбе: 1980. – 19 с.
62. Нахангова, М. Местоимения в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / М. Нахангова. – Душанбе: 1971. – 24 с.
63. Нефёдов, И.В. Языковые средства выражения категории определённости-неопределённости и их стилистические функции в отечественной рок-поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Нефёдов. – Ростов-на-Дону, 2004. – 176 с.
64. Ниёзӣ, Ш.Н. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ / Ш.Н. Ниёзӣ. – Сталинобод: Нашр. АФ РСС Тоҷ., 1954. – 50 с.
65. Николаева, Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности / Т.М. Николаева // Категория определенности неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. - С. 119–174.
66. Олейникова, Н.А. Притяжательные детерминативы французского языка как средство выражения личной сферы субъекта говорящего: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н.А. Олейникова. – Иркутск, 2008. – 22 с.
67. Овчиников, И.К. Учебник персидского языка. Ч.1 / И.К. Овчиников. – М.: Искра революции, 1956. – 440 с.
68. Ошанина, Ж.Г. Употребление артикля во французском языке / Ж.Г. Ошанина. – М.: Наука, 1973. – 111 с.

69. Павлов, В.М. Полевой подход к структуре языка / В.М. Павлов // Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. – М.: Филология, 1995. - С. 397–403.
70. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 270 с.
71. Пейсиков, Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка / Л.С. Пейсиков. – М.: Междунар. отношения, 1959. – 410 с.
72. Пиотровский, Р.Г. Очерки по стилистике французского языка (морфология и синтаксис) / Р.Г. Пиотровский. – Л.: Печатный двор, 1960. – 224 с.
73. Плохотнюк, О.С. Проблема артикля в грамматических описаниях французского языка XVI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / О.С. Плохотнюк. – Иркутск, 2006. – 18 с.
74. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка / В.С. Расторгуева // Таджикско-русский словарь. – М., 1954. - С. 529 – 570.
75. Расторгуева, В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. / В.С. Расторгуева. – М.: Наука, 1964. – 160 с.
76. Расторгуева, В.С. Среднеперсидский язык / В.С. Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 160 с.
77. Расторгуева, В.С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология / В.С. Расторгуева. – М: Наука, 1990. – 253 с.
78. Раҷаб, А. Ҷумлаи пайрави микдору дараҷа дар забони тоҷикӣ / А. Раҷаб. – Душанбе: ҶДММ “Ямини Содик”, 2010. – 167 с.
79. Ревзин, И.И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке / И.И. Ревзин // Проблемы грамматического моделирования – М.: Наука, 1973. - С. 121-135.

80. Ревзин, И.И. Анкета по категории определённости-неопределённости / И.И. Ревзин // Балканский лингвистический сборник. – М.: Наука, 1977. – С. 220-242.
81. Ревзин, И.И. Структура языка как моделирующей системы / И.И. Ревзин. – М.: Наука, 1978. – 290 с.
82. Рубинчик, Ю.А. Сложные предложения с придаточным определительными в современном персидском языке / Ю.А. Рубинчик. – М.: Восточная литература, 1959. – 214 с.
83. Рубинчик, Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: Восточная литература, 2001. – 584 с.
84. Рубинчик, Ю.А. АРтиКль в современном таджикском и персидском языках / Ю.А. Рубинчик, Л.Н. Муравьева // Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР. – 1959. – №.29. – С. 75–87
85. Рустамов, Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.22 / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1972. – 85 с.
86. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм / Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 90 с.
87. Рустамов, Ш. Ҷумлаҳои мураккаб бо пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 165 с.
88. Рустамов, Ш. Исм (Категорияи грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ) / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 295 с.
89. Рустамов, Ш. Мушкилоти синтаксис / Ш. Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1988. – 340 с.
90. Сайфуллоев, Х.Г. Вопросительные местоимения в таджикском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Х.Г. Сайфуллоев. – Душанбе, 1981. – 162 с.

91. Салахетдинова, М.А. Артикль в современном персидском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / М.А. Салахетдинова. – Л., 1954. – 16 с.
92. Селиверстова, О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1988. – 151 с.
93. Семенов, А.А. Краткий грамматический очерк таджикского языка с хрестоматией и словарем / А. А. Семенов. – Ташкент, 1927. – 10 с.
94. Серебренников, Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Б.А. Серебренников. – М., 1949 – 176 с.
95. Серебренников, Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974. – 352 с.
96. Сиёев, Б. Таърихи ҷонишинҳои забони тоҷикӣ / Б. Сиёев. – Душанбе: Дониш, 1972. – 235 с.
97. Сиёев, Б. Ташаккули ҷонишинҳо дар забони тоҷикӣ / Б. Сиёев. – Душанбе: Ирфон, 2002. – 494 с.
98. Сухарева, О.С. Руководство для изучения таджикского языка. Ч.1 / О.С. Сухарева. – Ташкент, 1929. – 140 с.
99. Таджиев, Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке / Д.Т. Таджиев. – Сталинабад, 1955. – 70 с.
100. Тоҷиев, Д.Т. Воситаҳои алоқаи ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Д.Т. Тоҷиев. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 51 с.
101. Усмонов, К. Бори дигар дар бораи артикли –е / К. Усмонов // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1967. - С. 29-35
102. Усманов, К. Категория определенности-неопределенности имени существительного в современном таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / К. Усманов. – Душанбе, 1979. – 166 с.

103. Фаррух, Ҳ. Дастури ҷомеаи забони форсӣ: (ибораат аз ҳафт ҷилд) / Ҳ. Фаррух. – Техрон, 1337 ҳиҷрӣ. – 177 с.
104. Халилов, А. Вазифаҳои грамматикӣ бандҳои изофӣ (-и) дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А. Халилов. – Душанбе: Дониш, 1969. – 119 с.
105. Халифман, Э.А. Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языка / Э.А. Халифман, И.Н. Кузнецова, З.Н. Козлова. – М.: Высшая школа, 1981. – 295 с.
106. Хромов, А.Л. Говоры таджиков Матчинского района / А.Л. Хромов // Труды Института языка и литературы АН Тадж ССР. – Душанбе, 1962. – 214 с.
107. Ҳочиев, С. Забони адабии тоҷик дар ибтидои асри XX (Дар асоси материали “Тухафи аҳли Бухоро”-и Мирзосироҷи Ҳаким) / С. Ҳочиев. – Душанбе: Дониш, 1987 – 167 с.
108. Ҳусейнов, Х. Забон ва услуби «Одина»-и устод Айни / Х. Ҳусейнов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 253 с.
109. Чирко, Т.М. Значения определенности/неопределенности и функции определений / Т.М. Чирко // Коммуникативный аспект взаимодействия формы и содержания языковых единиц. – Воронеж, 1991. - С. 98–107.
110. Чудинова, Ю.В. Определенный артикль во французском тексте и средства его передачи в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ю.В. Чудинова. – Астрахань, 2005. – 163 с.
111. Чамшедов, П. Очеркҳо оид ба типологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / П. Чамшедов, Р. Убайдуллоев, С. Мухторова, М. Азимова, К. Усмонов. – Душанбе: Межвузовская типография при ТГУ им. В.И. Ленина, 1988. – 126 с.
112. Шигаревская, Н.А. Новое в современном французском синтаксисе / Н.А. Шигаревская. – М.: Просвещение, 1977. – 103 с.
113. Янковская, Н.И. Проблема нулевого артикля в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н.И. Янковская. – Архангельск, 1996. – 16 с.

114. Admoni, W.G. Der deutsche Sprachbau / W.G. Admoni. – Л.: Просвещение, 1972. – 312 с.
115. Albert, H. Grammaire et analyse // analyse grammaticale et analyse logique / H. Albert. – Paris: Hachette, 2007. – 213 p.
116. Brunot, F. La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris: Masson, 1965. – 982 p.
117. Chodzko, A. Grammaire de la langue persane / A. Chodzko. – Paris: Maison neuve, 1883. – 376 p.
118. Darmsteter, J. Etudes iraniennes (Tome premier études sur la grammaire historique de la langue persane) / J. Darmsteter. – Paris: Libraire-éditeur, 1883. – 323 p.
119. Damourette, J., Pichon, E. Des mots à la pensée / J. Damourette, E. Pichon // Essai de grammaire française. – Paris: Artrey, 1969-1970. – V. I – 674 p.
120. Dauzat, A. Grammaire raisonnée de la langue française / A. Dauzat. – Lyon-Paris: Lagrange, 1947. – 481 p.
121. Dubois, J. Grammaire structurale du français: nom et pronom / J. Dubois. – Paris: Larousse, 1969. – 187 p.
122. Galichet, G. Grammaire structurale du français modern / G. Galichet. – Montréal: HMU, 1968. – 248 p.
123. Gougenheim, G. Système grammatical de la langue française / G. Gougenheim. – Paris: Artrey, 1962. – 377 p.
124. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris: Gembloux, 2000. – 1047 p.
125. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris: Hachette, 1919. – 318 p.
126. Hinch G. Beiträge zu einer Morphemlehre des Neupersischen / G. Hinch // "Der Islam", Bd. 37, Berlin, 1961.
127. John, R.P. A Tajik Persian Reference Grammar / R.P. John. – Boston: Brill Leiden, 2005. – 522 p.

128. Kramsky, J. The Article and the concept of definiteness in language / J. Kramsky. – The Hague/Paris, 1972. – 212 p.
129. Lazard, G. Grammaire du Persan contemporain / G. Lazard. – Paris, 1957. – 297 p.
130. Lazard, G. La langue des plus anciens monuments de la prose persane / G. Lazard. – Paris: Librairie, C. Klincksieck, 1963. – 535 p.
131. Lazard G. L'encletique nominale «-i» en persan un ou deux morphemes?: Bulletin de la Société de Linguistique de Paris / G. Lazard. – Paris, 1966, T.61, - P. 265 – 285.
132. Lyons, C. Definiteness / C. Lyons. — London: Cambridge University Press, 1999. – 380 p.
133. Monique, C. Grammaire vivante du français / C. Monique. – Paris: Larousse, 1987. – 252 p.
134. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – M.: Академия, 2004. – 352 с.
135. Nikolskaïa, E.K. Grammaire française / E.K. Nikolskaïa, T.Y. Goldenberg. – M.: École supérieure, 1974. – 364 p.
136. Phillot, D.C. Higher Persian Grammar / D.C. Phillot. – Calcutta: Baptist mission press, 1919. – 909 p.
137. Référovskaja, E.A. Essai de grammaire française, cours théorique Ч.1 / E.A. Référovskaja, A.K. Vassiliéva. – Л.: Просвещение, 1973 – 430 p.
138. Schendels, E. Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, / E. Schendels. – M.: Vyssaja skola, 1982. – 400 p.
139. Wagner, R., Pinchon, J. Grammaire du français classique et moderne / R. Wagner, J. Pinchon. – Paris: Hachette, 1991. – 648 p.

СЛОВАРИ

140. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 606 с.
141. Ганшина, К.А. Французско-русский словарь / К.А. Ганшина. 51000

- слов. 6-е изд. исп. и доп. – М.: Советская Энциклопедия, 1971. – 912 с.
142. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
143. Муин, М. Фарҳанги форсӣ. дар шаш чилд / М. Муин. – Техрон: Интишороти Амири Кабир, 1381. – 4240 с.
144. Муҳаммадхусайни, Б. Бурҳони котеъ, Ҷ.1 / Б. Муҳаммадхусайн. – Душанбе: Адиб, 1993. – 413 с.
145. Мюллер, В.К. Большой англо-русский и русско-английский словарь / В.К. Мюллер. – М.: Дом славянской книги, 2007. – 960 с.
146. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. академия наук: Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944 с.
147. Русско-таджикский словарь. Свыше 72 000 слов / под ред. М.С. Асимова. – М.: Русский язык, 1985. – 1280 с.
148. Таджикско-русский словарь. Свыше 70 000 слов и выражений / под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. - 2-е изд., доп. и испр. – Душанбе, 2006. – 814 с.
149. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX): иборат аз ду чилд / дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим. Н.А. Маъсумӣ. Ҷ.1. А-О. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 952 с.
150. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева // Советская Энциклопедия. – М.: 1990. – 685 с.
151. Dictionnaire de linguistique / Par J. Dubois, M. Giacomo, L. Guespin, Ch. Marcellesi, J. Marcellesi, J. Mével. – P.: Librairie Larousse, 2002. – 516 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

152. С.А.Ёд. — Айнӣ, С. Ёддоштҳо. Қ.1,2 / С. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 1990. – 352 с.

153. С.А.МС. — Айнӣ, С. Марги судхур / С. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 2010. – 220 с.
154. С.А.МК. — Айнӣ, С. Мактаби кӯҳна / С. Айнӣ. – Душанбе: Истикбол, 2010. – 56 с.
155. С.А.К. — Айнӣ, С. Куллиёт. Ҷ.2 / С. Айнӣ. – Сталинобод: НДТ, 1960. – 449 с.
156. С.А.ҶБ. — Айнӣ, С. Осори баргузида дар ду чилд. Ҷ.2 (Чаллодони Бухоро, Аҳмади девбанд, Мактаби кӯҳна, Марги судхур, Ятим) / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 464 с.
157. А.Д.СМ. — Дюма, А. Се мушкетдор. / А. Дюма; пер. с рус. – Душанбе: Маориф, 1984. – 654 с.
158. У.З.КМ. — Зоконӣ, У. Куллиёти мунтахаб / Ҷ. Зоконӣ. – Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1963. – 282 с.
159. Ҷ.И.МГ. — Икромӣ, Ҷ. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.1 / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 1987. – 352 с.
160. Ҷ.И.Ш. — Икромӣ, Ҷ. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.3 / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 1989. – 384 с.
161. Ҷ.И.ТВ. — Икромӣ, Ҷ. Тахти воҷгун / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 1989. – 336 с.
162. Љ.И.ДО. — Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 2009. – 560 с.
163. И.Л.Кул. — Иқбол, М. Куллиёти форсӣ / М. Иқбол. – Душанбе: Паёми ошно, 2008. – 776 с.
164. А.К.Б. — Камю, А. Бегона. / А. Камю; пер. с фр. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 164 с.
165. Ф.М.ХН. — Муҳаммадиев, Ф. Хиёбони нодир / Ф. Муҳаммадиев. – Душанбе: Адиб, 2010. – 240 с.
166. Ф.М.ПК. — Муҳаммадиев, Ф. Палатаи кунҷакӣ / Ф. Муҳаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 367 с.
167. Д.Р.ГЗ. — Раҳимов, Д. Гулчини зарбулмасалу мақолҳои халқҳои ҷаҳон

- / Д. Раҳимов. – Душанбе: Истеъдод, 2012. – 136 с.
168. С.С.С. — Стендал. Сурх ва сиёҳ. / Стендаль; пер. с русск. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 544 с.
169. М.Т.ЮЗ. — Тамаддун, М. Юсуф ва Зулайхо / М. Тамаддун. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 256 с.
170. П.Т.К1. — Толис, П. Куллиёт. Ҷ.1 / П. Толис. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 464с.
171. П.Т.К2. — Толис, П. Куллиёт. Ҷ.2 / П. Толис. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 672 с.
172. С.У.РС. — Улуғзода, С. Ривояти суғдӣ / С. Улуғзода. – Душанбе: Адиб, 2002. – 220 с.
173. С.У.СҶМ. — Улуғзода, С. Субҳи ҷавонии мо / С. Улуғзода. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1956. – 363 с.
174. Б.Ф.АМ. — Фирӯз, Б. Агар вай мард мебуд / Б. Фирӯз. – Душанбе: Адиб, 1987. – 384 с.
175. Б.Ф.ТН. — Фирӯз, Б. Ту танҳо не / Б. Фирӯз. – Душанбе: Маориф, 1980. – 240 с.
176. Б.Ф.ТП. — Фирӯз, Б. Тору пуд / Б. Фирӯз. – Душанбе: Маориф, 1985. – 208 с.
177. У.Х.Руб. — Хайём, У. Рубоиёт / У. Хайём. – Душанбе: Деваштич, 2009. – 75 с.
178. Р.Ҷ.АМ2. — Ҷалил, Р. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.2 / Р. Ҷалил. – Душанбе: Адиб, 1988. – 464 с.
179. Л.Ш.Кул. — Шералӣ, Л. Куллиёт. Ҷ.1 / Л. Шералӣ. – Душанбе: Адиб, 2008. – 560 с.
180. А.Ш.ПҶ. — Шукӯҳӣ, А. Парии ҷазира / А. Шукӯҳӣ. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 213 с.
181. S.A.B. — Aïni, S. Boukhara. Traduit du tadjik / S. Aïni. – Paris: Gallimard, 1956. – 299 p.
182. S.A.MU., S.A.L'école. — Aïni S. La mort de l'usurier. Traduit du tadjik et

- du russe / S. Aïni. – Paris: Les éditeurs français réunis, 1956. – 316 p.
183. A.C.É. — Camus, A. L'étranger / A. Camus. – Paris: Gallimard, 1957. – 179 p.
184. H.C.HPhI. — Corbin, H. Histoire de la philosophie islamique / H. Corbin. – Paris: Gallimard, 1986. – 547 p.
185. A.D.TM. — Dumas, A. Les Trois Mousquetaires / A. Dumas. – Moscou: Édition de progrès, 1977. – 618 p.
186. A.D.LM. — Daudet, A. Lettres de mon moulin / A. Daudet. – Paris: Bibliothèque-charpentier. 1905. – 325 p.
187. R.F.CC. — Fallet, R. Comment fais-tu l'amour, Cerise? / R. Fallet. – Paris: Gallimard, 1973. – 320 p.
188. P.G.CBP. — Grimal, P. Contes et légendes de Babylone et de Perse / P. Grimal. – Paris: Pocket Jeunesse, 1998. – 202 p.
189. J.G.CM. — Grimm, J., Wilhelm, J. Contes merveilleux. T.I / J. Grimm, J. Wilhelm. – <http://www.ebooksgratuits.com>
190. V.H.HR. — Hugo, V. L'homme qui rit, livre 1-2 / V. Hugo. – Paris: Maison quantin, 1869. – 260 p.
191. Dj.I.FF. — Ikromi Dj. La fille de feu. Traduit de russe / Dj. Ikromi. – Moscou: Editions du progrès, 1966. – 611 p.
192. G.M.BA. — Maupassant, de Guy. Bel ami / Guy de Maupassant. – M.: Ecole superieur, 1981. – 253 p.
193. G.M.CL. — Maupassant de G. Claire de lune / Guy de Maupassant. – Paris: Libraire Paul Ollendorff, 1891. – 294 p.
194. G.M.MT. — Maupassant de G. La maison Tellier / Guy de Maupassant. – Paris: Libraire Paul Ollendorff, 1891. – 268 p.
195. G.M.AS. — Maupassant de G. Au soleil / Guy de Maupassant. – Paris: Libraire Paul Ollendorff, 1902. – 309 p.
196. G.M.CB. — Maupassant, de Guy. Contes de la Bécasse / Guy de Maupassant. – Paris: Carrefour, 1996. – 155 p.
197. G.M.DHG. — Maupassant de G. Le docteur Hércalius Gloss / Guy de

Maupassant. <http://maupassant.free.fr>

198. G.M.UV. — Maupassant, de Guy. Une vie / Guy de Maupassant. — М.: Ecole superieur, 1974. — 207 p.
199. A.Ph.JR. — Philipe, A. Je l'écoute respirer / A. Philipe. — Paris: Gallimard, 1984. — 156 p.
200. S.RN. — Stendhal. Le Rouge et le Noir / Stendhal. — Paris: Edition Flammarition, 1993. — 573 p.
201. T.J-M.HCO. — Tixier, J-M. L'homme chargé d'octobres / J-M, Tixier. — Paris: Le Cherche Midi, 2005. — 256 p.
202. М.ЧГ. — «Мачаллаи Чархи Гардун» - подборка за 2012 год (июн-август)
203. LM. — «Le Monde» - подборка за 2008 год (январь-декабрь)